

A STORY OF ASYLUM | LORRAINE HANSBERRY'S LEFT
JOHN WASHINGTON ELIAS RODRIGUES

THE Nation.

ISSN 0891-8089

НАДЕЖДА АЖГИХИНА

НОВОСТИ
ЖУРНАЛ

III
НЬЮ-Йорк

**ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ
УСТНАЯ РЕЧЬ
МЕЖДОМЕТИЯ**

Ассоциация исследователей российского общества «АИРО–XXI»

Проект Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел

Надежда Ажгихина

**ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ
УСТНАЯ РЕЧЬ
МЕЖДОМЕТΙΑ**

**Издание второе.
Дополненное**

**МОСКВА
«АИРО-XXI»
2021**

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

А34

Надежда Ажгихина

Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. Издание второе. Дополненное. — М.: «АИРО–XXI», 2021. — 314 с.

Редактор *Дмитрий Стахов*

Верстка *Ирины Матушкиной* (Матушкина книга)

Дизайн обложки *Елены Матушкиной*

Корректор *Наталья Захаровская*

В книгу вошли тексты, опубликованные в последние годы в российской и международной периодике. Большинство из них увидели свет в газете «Деловой вторник», в публицистическом онлайн-приложении к «Новому журналу» и на сайте американского еженедельника «Нейшн». Тема личного выбора, его значения в стремительно меняющемся политическом и культурном ландшафте звучит в публицистических эссе, статьях и в беседах с современниками. Еще одна сквозная тема — поиск взаимопонимания, преодоление стереотипов и «языка вражды» в современном мире.

ISBN 978-5-91022-498-2

© Ажгихина Н., 2021

© ЦНИ «Актуальная история», 2021

© «АИРО–XXI», 2021

ОТ АВТОРА

Месяцы пандемии изменили не только жизнь, но и направление мысли многих из нас. В памяти подчас стали возникать события и лица давнего и недавнего прошлого, обрывки фраз, отголоски горячих споров, о которых уже, казалось бы, позабыли.

Не то чтобы мы стали внимательнее, но появилась новая возможность оглянуться, осмотреться — где мы, как мы оказались там, где находимся сейчас? Сможем ли что-то изменить? Что нужно вспомнить, чтобы не совершить новых ошибок?

Публикации в газетах и журналах живут не один день, они иногда продолжают разговор с читателем через годы, помогая восстановить недостающие детали, фигуры и положения, поддерживая в размышлениях о нашем отдельном и общем существовании, иногда подсказывая направление поиска ответов на неразрешенные вопросы и — в итоге — поиска своего места в стремительно меняющемся мире.

В эту книгу вошли тексты, опубликованные в разных СМИ. Первая глава включает в основном заметки, написанные для сайта американского еженедельника «Нэйшн», многие впервые публикуются на русском языке. Вторая — это беседы с писателями и журналистами, вышедшие в разные годы в «Знамени», онлайн-приложении к «Новому журналу», «Журналисте». В третью вошли материалы, несколько лет публиковавшиеся в еженедельнике «Деловой вторник» (позднее — «Новый вторник»).

Посвящаю книгу памяти моих учителей, редакторов и коллег, которым я не успела сказать всех слов благодарности и привязанности, и тем, кто сегодня продолжает размещать на самых разных платформах летучие заметки о нашей быстротекущей реальности.

ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

15 лет назад была убита Анна Политковская

7 октября 2006 в подъезде своего дома в Москве была застрелена журналистка «Новой газеты» Анна Политковская. Она принадлежала к поколению, которое только начинало свой профессиональный путь, когда началась перестройка, к тем, кто активно включился в создание новой журналистики. Ее материалы из Чечни отличались особым вниманием к страданиям и судьбам простых людей — рядовых солдат и их матерей, чеченских женщин, детей, стариков. Она показала «человеческое измерение» войны, качество, которое некоторые исследователи считают особенностью исключительно женских репортажей из горячих точек. Более того, она иногда непосредственно участвовала в помощи своим героям — помогла вывезти из пытающей Чечни дом престарелых инвалидов.

Многие материалы основывались на сведениях, полученных от правозащитных организаций Кавказа, прежде всего общества «Мемориал», — и страна узнала о пытках, исчезновениях людей, невероятной жестокости. Спутницей и помощницей во многих поездках по зоне конфликта была правозащитница Наталья Эстемирова, которая была похищена и убита через три года после гибели Анны, в 2009-м.

Публикации Политковской вызывали большой резонанс, в том числе и за рубежом, ее книга «Путинская Рос-

сия», изданная впервые в 2004 году в Великобритании, имела большой успех и открыла западному читателю многие проблемы современной России. Чеченские власти очень нервно реагировали на ее материалы, и напрямую угрожали.

Похороны Политковской собрали огромное число людей. Вскоре женщины-журналистки организовали шествие в центре Москвы, многие шли с детьми, под лозунгом «Не стреляйте в мою маму». По окончании шествия на Пушкинской площади был впервые зачитан вслух список погибших с 1990 года журналистов, подготовленный Фондом защиты гласности, в нем было 211 имен.

Смерть Политковской потрясла международное сообщество; в том же 2007 году Международная федерация журналистов начала многолетний проект по преодолению безнаказанности в России, была создана база данных нарушений прав журналистов, проходили многочисленные конференции и семинары по безопасности, готовились настольные книги. Российское журналистское сообщество, довольно разрозненное и пассивное, начало проявлять солидарность. А в мире снова заговорили о России — и о русских журналистах.

Анна стала символом безоглядной преданности профессии и добру, веры в то, что честное слово может улучшить жизнь. Ее именем назван сквер в деловом центре Милана и площадь в Риме, неподалеку от Виллы Боргезе; о ней сняты фильмы и поставлены оперы. Ее имя звучит на многотысячных митингах и важных форумах в защиту мира и свободы слова в разных странах. К сожалению, в России нет улицы Политковской, ее имя журналисты «Новой газеты» дали маленькому палисаднику у здания редакции, где теперь навеки находится ее мемориальная доска, и журналистской премии «Камертон», которую газета учредила вместе с семьей и российскими музыкантами. В прошлом году премию получила Елена Костюченко — за репортажи о ковиде и экологической катастрофе в Арктике. Для нее Анна была образцом: прочитав статьи Политковской еще школьницей, Елена решила стать жур-

налисткой. В этом году лауреатом стала создательница и генеральный директор телеканала «Дождь» Наталья Синдеева. Телеканал сейчас внесен в реестр СМИ — «иностранных агентов». Сегодня в этот список входят уже несколько десятков независимых СМИ и лично журналистов.

Список погибших журналистов включает более 350 имен. Большинство преступлений не расследовано. Следствие по делу Политковской длилось несколько лет, в 2014-м исполнители и организаторы убийства были осуждены. Но заказчики преступления по-прежнему не названы. Родные и коллеги Анны надеются, они всё же понесут наказание.

Пятнадцать лет, прошедшие с гибели Политковской, показали, как хрупка свобода слова, и одновременно — как важны свободная журналистика и солидарность. Медиаюристы свидетельствуют: за эти годы было принято более 30 новых законов и подзаконных актов, ограничивающих права журналистов и СМИ. 2021-й стал рекордным и по ограничениям, и по избирательному применению репрессивного законодательства к независимым голосам. «В то же время, — говорит директор Центра защиты прав СМИ Галина Арапова, — именно в последние годы происходит расцвет независимой журналистики на новых платформах». Выросло новое поколение журналистов. Они продолжают дело Анны Политковской. И важно, что их ждет читатель.

«Нейшн», 7 октября 2021 г.

ТРИ ДНЯ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ НАС

Тридцать лет назад в России граждане не позволили возродить тоталитаризм

Утром 19 августа 1991 года на дачу, где мы были с сыном, позвонил муж и сказал, что к Москве приближаются танки. Я оставила малыша бабушкам, села в машину и поехала в редакцию. Еженедельный журнал «Огонёк», где я работала, был вместе с двумя другими еженедельниками, «Московскими новостями» и «Литературной газетой», авангардом идей горбачёвской перестройки и демократизации в СССР. У нашей редакции уже стояли танки. Выпуск журнала, как и других демократических изданий, приостановили организаторы антигорбачёвского путча. К вечеру был налажен выпуск нового самиздата, тогда же, в первый день путча, родилась «Общая газета» — совместное издание закрытых путчистами газет, она стала рупором сопротивления и первым примером профессиональной солидарности.

19 августа вокруг символа молодой демократии — Белого дома (здания парламента Российской Федерации) — сформировалось живое кольцо защитников, сюда приходили колонны демонстрантов из центра Москвы, приезжали люди из других городов. Порыв защитить молодую демократию объединил бедных и относительно обеспеченных, старых и совсем юных, и люди постоянно приносили к Белому дому то что мог: лекарства, бутерброды, термосы... Было необычайное чувство единения. Солдаты, милиционеры, офицеры присоединялись к защитникам... Три дня у Белого дома вместе со мной были американские подруги Кэтрин Таймер-Непомнящая и Джейми Гамбрелл и многие другие коллеги из разных стран. СССР уже стал открытой страной, в эти дни в Москве проходили между-

народные конференции, и их участники влились в демонстрацию. Это была наша общая история, наше общее дело, наше движение к общему будущему, без противостояния и ненависти.

В 1991 году казалось, что мы все вместе сможем это завершить и построить светлый храм свободного и счастливого мира. За три десятилетия оценка событий августа 1991-го в России менялась — от восторга перед решимостью победителей и поругания врагов и колеблющихся до невнятных сомнений и просто отрицания. Всё чаще в последнее время в СМИ говорят о наивности защитников свободы, об их заблуждении, а то и напрямую о злом умысле, упоминаются как зарубежные, так и отечественные спецслужбы... В публикациях многих участников событий к 25-летию путча звучали горечь и разочарование. И едва ли не героями в некоторых СМИ предстают путчисты и их сторонники.

Современная российская журналистика, родившаяся вместе с «Общей газетой» в августе 1991 года, тоже изменилась, и не только технологически. Сегодня невозможно представить главных редакторов десятка национальных газет, солидарно выступающих за свободу слова. Невозможно представить и то доверие, которое испытывала аудитория к СМИ времён перестройки: журналистам верили больше, чем Горбачёву и всем советским институтам вместе взятым. Порыв, объединивший летом 2019 года журналистов и аудиторию, вставших на защиту задержанного по сфабрикованному полицией обвинению репортёра «Медузы» Ивана Голунова, не имел продолжения в период пандемии. Новые ограничения свободы слова и преследования критических голосов не вызывают массовых протестов.

Новые законодательные инициативы практически «перекрыли кислород» независимым расследованиям и парализовали проявления гражданской активности. Цензура проникла во все сферы, недавно созданная комиссия по историческому просвещению (с участием МВД, ФСБ, Генпрокуратуры) будет заниматься профилактикой «фаль-

сификации истории» и контрпропагандой. «Новая газета» предполагает, что вскоре вслед за журналистами под каток репрессий попадут и историки. Пропаганда замещает в официальных СМИ реальную картину прошлого и настоящего.

«Ложь открывает путь к войне!» — предупредил на радио «Эхо Москвы» лидер партии Яблоко» Григорий Явлинский: «Опьяненная законодательной вседозволенностью власть перешла к беспрецедентному наступлению на прессу... Есть достаточно причин полагать, что в России ведётся подготовка к следующему, более репрессивному, этапу подавления свободомыслия в обществе и, возможно, к войне. В государственных СМИ нагнетается атмосфера ненависти, насаждается вражда к соседним странам и вообще к внешнему миру. Надо ли говорить, что ложь в этой подготовке к войне важнейший инструмент?.. Говорить правду, разоблачать ложь, не допустить войну — главное».

«Жить не по лжи» — этот призыв Александра Солженицына был близок миллионам советских людей, поверивших в перестройку и не желавших возвращения сталинского прошлого, и свобода слова стала первым и самым очевидным ее результатом.

30 лет назад люди и журналисты в СССР вместе отстаивали свою свободу. Плодами их победы воспользовались другие. История знает много подобных примеров. Обрушившийся на Россию «дикий рынок» и разруха 1990-х, смычка власти и олигархов, «тучные 2000-е», когда очень многие добровольно приняли предлагаемый властью контракт — материальное благополучие в обмен на гражданскую пассивность, — всё это произошло потом. Но удивительный опыт остался и в памяти участников событий, и в коллективном бессознательном народа, которое хранит значительно больше, чем хотят видеть пропагандисты и политтехнологи, конструирующие «уникальную идентичность» русского народа, основанную на тотальной приверженности любой власти и жажде «сильной руки». Три дня,

когда люди почувствовали себя ответственными за судьбу своей страны, никогда не будут забыты.

Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов убежден, что люди вновь сумеют почувствовать себя гражданами, что «люди и журналисты снова будут смотреть в одну сторону». Как это было в 1991-м.

Так же думают и многие молодые журналисты, и их читатели, умело находящие в интернете реальную информацию и не согласные быть послушным большинством. Они хотят жить в свободной стране и участвовать в решении её судьбы. И у них, я уверена, получится. Может быть, значительно раньше, чем нам кажется сегодня.

«Нейшн», август 2021 г.

ДЕМОКРАТИЯ МИНУС ЖЕНЩИНЫ — НЕ ДЕМОКРАТИЯ

Горбачёвская перестройка дала старт независимому женскому движению в России

В канун юбилея Михаила Горбачёва журнал «Тайм» поместил на обложке фотографию Анны Ривиной, лидера российской организации «Насилию нет», которая недавно была объявлена «иностранным агентом» Министерством юстиции РФ. Совпадение символическое. Независимое женское движение в России, которое родилось в годы горбачёвской перестройки, стало заметным явлением далеко за пределами страны, частью международной борьбы за достижение гендерного равенства. Это еще один очевидный итог того уникального процесса освобождения и обновления, который начался в СССР в середине 1980-х и стал важнейшим фактором всей последующей истории.

В дни юбилея, обсуждая уроки Горбачёва, виднейшие российские и международные эксперты, политики и аналитики говорили в основном о разоружении и свободе слова, экономических и политических реформах, освобождении узников совести, изменении самого вектора политики и признании приоритетов развития и ценности прав личности перед силовым соперничеством и интересами государства. Воистину революционные перемены, многие из которых необратимы, несмотря на все вызовы современности.

Уникальность опыта перестройки и личной роли в ней Горбачёва заключается ещё и в том, что они раскрепостили сознание миллионов людей, расширили границы их представлений о мире. И в том числе — о месте женщин в обществе и политике. Именно при Горбачёве возникли женсоветы на предприятиях — с тем чтобы женщины получили возможность сказать своё слово о происходящих переменах. Именно в годы перестройки стали зарождаться независимые от государства женские группы и родился лозунг «Демократия минус женщины — не демократия», ставший знаменем нового российского феминизма в последующие годы. Началось взаимодействие женских организаций и групп с международными женскими инициативами, значение которого трудно переоценить. Женщины по обе стороны «железного занавеса» стремились узнать, услышать друг друга и сделать мир лучше.

1990-е с их «диким рынком» и его тяжелыми социальными последствиями могли бы стать значительно трагичнее, не будь к той поре в стране деятельных женских организаций, которые старались обустроить повседневную жизнь в сотнях городов и посёлков по всей огромной стране. Именно женские объединения помогали преодолеть безработицу и бедность, создавали группы самопомощи, поддержки и обучения новым профессиям — фактически спасали себя и своих близких.

Независимое женское движение в последние годы существования СССР, как и многие другие гражданские инициативы, возникло на волне перемен. Оно не всегда

встречало понимание. Многие «архитекторы перестройки» полагали, что у женщин в стране нет никаких проблем, поскольку в советской идеологии присутствовал тезис о равенстве мужчин и женщин, а в выборных органах существовала для женщин 30-процентная квота. Большинство в выборных органах в СССР должны были составлять представители рабочего класса и колхозного крестьянства, которые, точно так же, как и женщины, зачастую выполняли роль статистов и голосовали за принятые в партийных кабинетах решения. Лицемерие советских деклараций и отвращение к лжи и бездушию последних лет советского застоя на долгие годы выработали у интеллигенции стойкое неприятие всех советских формул, в том числе формулы гендерного равенства.

Но женщины стремились включиться в перестройку и заявить о себе. Женсоветы возникали в научных центрах и на больших предприятиях, в лабораториях военных заводов, Институте аэродинамики под Москвой, в Жуковском, на КАМАЗе на Волге, на Урале, в Сибири. Число женщин с высшим образованием в СССР было больше, чем число мужчин. При этом все руководящие должности в государстве и хозяйственных отраслях принадлежали мужчинам.

Поддержку создания женсоветов Горбачёвым в России часто объясняют влиянием его жены, Раисы Горбачевой, активную публичность которой, включая встречи с другими первыми леди, одобряли в СССР далеко не все. Действительно роль Раисы Горбачёвой, учёного, а не только супруги лидера, трудно переоценить: она отважно преодолевала тяжеловесную советскую традицию закрытости лидера и его семьи и личным примером поддерживала новые формы международного взаимодействия женщин на всех уровнях. Женские миротворческие инициативы, Альянс деловых женщин России и США, десятки совместных организаций и консорциумов — результат прорыва, совершённого в годы перестройки.

Перестройка оказалась шире и мощнее, чем многие предполагали, она затронула самые глубинные слои сознания общества. Именно благодаря ей в публичном про-

странстве в последние советские годы возникла гендерная проблематика, которая прежде присутствовала только в исследованиях под грифом «секретно».

В 1989 году в журнале «Коммунист» появилась статья трёх исследовательниц — академика Натальи Римашевской и двух молодых социологов, Натальи Захаровой и Анастасии Посадской «Как мы решаем женский вопрос?». В ней впервые было сказано о гендерном разрыве и гендерной дискриминации в СССР. Статья вызвала бурную дискуссию в академическом мире, и вскоре на базе нового Института социально-экономических проблем народонаселения под руководством Римашевской появился Московский центр гендерных исследований, который возглавила Анастасия Посадская. Центр стал местом притяжения гендерных исследовательниц из многих стран, дискуссионной площадкой, лабораторией нового опыта и продвижения гендерных исследований в академии. Одновременно женщины — инженеры, конструкторы, исследователи — создавали группы для дискуссий о перестройке о месте человека в государстве. В 1991-м, незадолго до исчезновения СССР, под Москвой, в Дубне, состоялся Первый независимый женский форум, собравший несколько сот женщин из самых разных городов. В нём принимали участие и западные исследовательницы и феминистки. Ничего подобного в СССР никогда не было, и это стало для обеих сторон открытием огромного мира.

Форум явился отправной точкой мощного движения, объединившего десятки тысяч женщин. Незадолго до этого Колетт Шульман и Катрина ванден Хувел начали издавать в США бюллетень о женском движении в СССР и США «Вы и мы». Через несколько лет журнал «Вы и мы» превратился в площадку диалога женщин Востока и Запада и стал выходить в России. Невозможно переоценить значение его публикаций, которые перепечатавали национальные и федеральные СМИ России и стран бывшего СССР, они выстраивали мостики между культурами и социальными практиками. Борьба с домашним насилием и дискриминацией с первых выпусков занимала важное

место в журнале, равно как и в диалоге женщин, который поддержал и расширил диалог политический, он и до сих пор является колоссальным ресурсом выстраивания отношений между Россией и США. Об этом не раз говорили в Клубе Раисы Максимовны Горбачёвой — он и после ее ухода продолжает работать в Москве, и международное сотрудничество остаётся для клуба важным приоритетом.

Лозунг «Демократия минус женщина — не демократия» в России не теряет актуальности. О нём напоминают десятки новых женских инициатив, гендерных центров, гендерная фракция «Яблока», сотни пикетов против дискриминации, харассмента и насилия во всех городах и регионах России. Новые поколения продолжают борьбу, начатую в годы перестройки предшественницами. И это очевидный и неоспоримый успех горбачёвской перестройки. Так же, как и портрет русской активистки на обложке журнала «Тайм».

«Нейшн», март 2021 г.

ОН НАУЧИЛ ГОРБАЧЁВА

Памяти Стива Коэна

Без Стива Коэна совершенно невозможно представить «перестроечную» Москву. Он ходил на митинги и собрания бывших узников ГУЛАГа, участвовал в публичных дебатах и научных симпозиумах, с равной страстью выступал на форумах и дома у друзей и разговаривал, разговаривал со всеми — с «архитекторами перестройки», с молодыми журналистами, с простыми людьми на улицах...

Без его высокой фигуры, неизменной сигареты, его лёгкого акцента картина эпохи будет, несомненно, неполной. Без их с Катриной вечеров с друзьями и единомышленниками, русскими и американцами, неполным будет

представление о самой атмосфере взаимного открытия и общего, с двух сторон, страстного стремления покончить с холодной войной, освободиться наконец от дамоклова меча ядерного противостояния, начать новый путь сотрудничества...

Без его публикаций в «Огоньке» неполной будет история отечественной независимой журналистики и история осмысления нашего прошлого и настоящего.

Значение Коэна для исторической науки далеко не исчерпывается тем фактом, что он открыл для западного академического сообщества Бухарина и других оппозиционных Сталину лидеров в раннем советском руководстве, что препарировал природу и практику репрессий, сделал достоянием мировой общественности десятки подлинных лиц и голосов узников ГУЛАГа и советских диссидентов, с которыми прожил бок о бок на протяжении практически всей своей долгой профессиональной жизни.

Он был первым американским историком, который вошел как полноправный и равный участник в профессиональное и медийное пространство СССР накануне его исчезновения. Он научил молодых историков методологии и подходам западных исследователей, благодаря чему многие из них обрели новые перспективы и позднее вошли в международное научное сообщество.

Он документировал повседневность и оказался одним из первых, кому открылись десятилетиями недоступные архивные папки. Но самое важное — он был неременным участником процесса демократизации и освобождения от сталинского наследия. Значение его не только в том, что он содействовал созданию Музея ГУЛАГа, поддерживал многих бывших узников и их родных, с которыми познакомился и сроднился ещё в годы брежневского застоя. Он, по сути, предложил новый язык разговора о прошлом, спокойный и аргументированный, и сформулировал необходимость принципиальной оценки новейшей истории вместе с советскими писателями, журналистами и активистами. Думаю, его статьи и формулировки помогли политикам, в том числе и Горбачёву, по крайней мере до 1989

года, чётче артикулировать собственные позиции по отношению к прошлому.

Коэн, как и многие романтики перестройки, был человеком глубоко идейным. Он верил в Бухарина. Верил в возможность социализма с человеческим лицом и, мне кажется, сохранил эту веру все последующие годы. Её разделяли в конце 1980-х миллионы советских людей. Хорошо помню море откликов, пришедших в «Огонёк» после публикации последнего письма Бухарина. Пожилые — фронтовики и репрессированные, начальники и самые простые люди — писали, что ждали этой публикации всю жизнь, а молодые — что увидели наконец смысл и направление... Этот период довольно быстро прошёл, о нём забыли, постарались затушевать память. Но Стив помнил всегда. И сохранил веру в возможность предотвращения новой холодной войны и ядерной катастрофы, о чём писал в последние годы.

Участие его в интеллектуальной и медийной жизни постсоветской России — отдельная тема, его книги и публикации, методологическая помощь исследователям российского общества, проектам Музея ГУЛАГа, солидная издательская программа — важнейший вклад в развитие отечественных и международных исследований, но не меньше — в просвещение, без которого немислим прогресс ни в академической среде, ни в обществе. Он выступал перед студентами, очень любил встречаться с молодыми людьми и, что важно, находил у них отклик. Со Стивом молодым было всегда интересно.

Его книга «Жизнь после ГУЛАГа» стала частью моего курса для студентов на факультете журналистики, и я рада, что двадцатилетние в огромном интересе изучали её и в дальнейшем использовали в своих материалах о российской истории и проблеме исторической памяти.

Стив Коэн был активнейшим соучастником демократических перемен в России, осмысления истории, места человека и его идей в истории. Он остался им навсегда.

«Нейшн», сентябрь 2020 г.

ВИРУС В РОССИИ. СВОБОДА СЛОВА ПОД ПРИЦЕЛОМ

**«Они борются не с бедой, а с теми,
кто о ней рассказывает»**

Известной поэтессе и журналистке радио «Свобода», члену Санкт-Петербургского ПЕН-клуба Татьяне Вольтской угрожает уголовное преследование по новой статье Уголовного кодекса «о фейках», вступившей в силу 1 апреля 2020 года — «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан». Причиной стало интервью, в котором врач-реаниматолог говорил о нехватке медперсонала и аппаратов искусственной вентиляции легких в клиниках Санкт-Петербурга. В программе телеканала «Дождь» Вольтская рассказала, как следователь по особо важным делам требовал от нее раскрыть источник информации, что противоречит Закону о СМИ, пытался получить запись, чтобы установить личность врача, узнать, как работает редакция. В те же дни из больницы в Ленинградской области уволили терапевта Наталью Трофимову, рассказавшую СМИ (в том числе «Новой газете») о нехватке средств индивидуальной защиты.

Сообщения о предупреждениях, составлении протоколов и других преследованиях по новой статье журналистов, блогеров, медиков и активных пользователей социальных сетей закона поступают в правозащитные организации и Центр защиты прав СМИ из многих регионов России. «Складывается впечатление, что следственные органы готовы составить протокол на всех, кто выражает мнение или распространяет информацию, не совпадающие с официальной точкой зрения. Новая статья крими-

нализирует так называемые фейки. Более того, она распространяется не только на СМИ, но и на всех, кто в группе обсуждает ситуацию, связанную с пандемией. На сегодняшний день именно эта статья стала самой главной проблемой».

12 апреля Елена Милашина опубликовала в «Новой газете» статью о преследовании заболевших коронавирусом в Чечне. На следующий день глава республики в своем инстаграме назвал публикацию фейком и угрожал расправой. Более 100 правозащитников и общественных деятелей написали главе Следственного комитета РФ с требованием возбудить уголовное дело по факту угроз, с заявлениями выступили ПЭН-Москва, Профсоюз журналистов и работников СМИ, Совет по правам человека, Евросоюз призвал российские власти обеспечить расследование и безопасность журналистики.

«Журналисты «Новой» не впервые получают угрозы, — говорит Галина Арапова, и далеко не всегда правоохранные органы реагируют адекватно. В феврале Милашина в Чечне подверглась нападению, Следственный комитет до сих пор не отреагировал на ее заявление о возбуждении уголовного дела. Такая позиция создает опасный прецедент безнаказанности».

Россия — не единственная страна, в которой приняты законодательные акты и меры, временно ограничивающие свободу выражения мнений в связи с вирусом. Однако в России новые ограничения легли на хорошо подготовленную почву — по свидетельству Центра защиты прав СМИ, в последние годы было принято (как правило, стремительно и без широкого обсуждения) более 25 законов и регулирующих документов, ограничивающих свободу слова и работу журналистов. Принятые в 2019 году нормы об ответственности за намеренную дезинформацию по общественно-значимым вопросам, или, как ее называют, фейкньюс, о неуважении к власти и «суверенном интернете», вызвали острую критику экспертов. Невнятность самого определения «фейка» давала возможность властям использовать закон как средство расправы с критиче-

скими голосами. Против хранения данных коммуникации выступало бизнес-сообщество. Однако оба закона были приняты. Новые инициативы периода борьбы с вирусом убеждают в том, что наступление на свободу слова и гражданские права вступает в новую фазу.

Среди новых предложений — идея с 2021 года ввести обязательную регистрацию мобильных телефонов по заводскому номеру IMEI, требование распространяется и на тех, кто привозит смартфоны из-за границы. Объясняется эта мера заботой о гражданах — так будет легче бороться с кражами гаджетов. В этом же ряду находится и проект Закона о полиции, которую предполагается наделить почти безграничными полномочиями, в том числе правом вскрывать частные автомобили.

Все эти шаги побудили группу интеллектуалов — писателей, журналистов, ученых — обратиться к властям с призывом уважать гражданские права в период борьбы с вирусом и не допустить сокращения свободы после прекращения пандемии.

Лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский выступил против наступающего «цифрового рабства» с конкретными предложениями — усилить контроль общества над работой полиции и спецслужб, в частности, создать Общественную комиссию по контролю за применением государством цифровых технологий. «Такая комиссия должна формироваться из айтишников, юристов, общественных деятелей, правозащитников. Цель — осуществлять контроль и требовать от государства гарантий того, что цифровые технологии для слежения за отдельными лицами и группами населения используются строго в интересах людей, в полном соответствии с обязательствами в области прав человека... В условиях российского непрозрачного неправового корпоративно-авторитарного государства, при отсутствии какой-либо подотчетности использование систем инвазивного электронного слежения за гражданами, в том числе получение доступа к данным о местонахождении средств связи, угрожает не только праву на частную жизнь, свободе выражения мнений

и свободе объединений, но и личной безопасности граждан в прямом смысле слова. Именно потому сегодня в России необходимо незамедлительное создание общественной комиссии по контролю за применением государством цифровых технологий».

Личная безопасность и даже жизнь людей в период эпидемии зависит от правдивого слова не меньше, чем от грамотных действий врачей — эта основная идея обращения к согражданам, к аудитории нового консорциума независимых российских СМИ «Синдикат-100» (в него входят в том числе «Эхо Москвы», «Новая газета», «Алтапресс», «Дождь» и другие).

«Функция прессы — рассказывать о том, что происходит на самом деле. Сейчас эта функция как никогда критически важна для каждого из вас, читающих то письмо, потому что каждый из вас и ваших близких может оказаться пациентом на больничной койке без надлежащего ухода, или врачом без средств лечения, или оставшимся без средств существования работником... Рассказ о проблемах — первый шаг к их решению. Молчание — путь к их усугублению... Вирус рано или поздно уйдет, а они останутся. Независимая и правдивая информация бесит тех, кто, обладая полномочиями в ситуации кризиса, плохо справляется со своей работой. Поэтому эпидемию уже активно используют для подавления журналистов... Сегодня независимая пресса как никогда нуждается в общественной поддержке. Цена каждому задушенному в эти дни независимому изданию — жизни людей. Это не метафора. Это реальность».

Авторы обращаются не к власти, а к гражданам, аудитории, и это важно.

В дни эпидемии многие люди, оказавшись в режиме изоляции, часто испытывая нехватку средств, начали не только более критически оценивать происходящее в стране, но и проявлять солидарность. Движения волонтеров возникают во всех городах независимо от властей, в момент кризиса люди стараются поддержать друг друга. Многие региональные СМИ отказались от платных услуг

и открыли новые бесплатные сервисы для своей аудитории. Может быть, доверие аудитории к СМИ вновь станет в России реальностью, как в годы перестройки. Тогда значительно быстрее будут решаться и иные проблемы.

«Нейшн», май 2020 г.

ПАРТИЯ ВОЙНЫ И АРМИЯ МИРА

Русские женщины против гонки вооружений: акт второй

В День защитника отечества, 23 февраля, в Исаакиевском соборе концертный хор Санкт-Петербурга исполнил песню «На подводной лодочке с атомным моторчиком», о том, как русские солдаты сбрасывают бомбы на США. Песня, созданная бардом Андреем Козловским в 1980 году как пародия на советскую пропаганду, прославляющую вторжение в Афганистан, была исполнена как вполне серьезное духоподъемное произведение. Аудитория «культурной столицы России» за редким исключением также не заметила подмену и аплодировала.

В тот же день питерские феминистки провели нестандартный пикет перед зданием военного комиссариата на набережной реки Фонтанки, выстроившись в ряд, с противогазами на лице и в камуфляже или вовсе топ-лесс, с завернутыми в детские пеленки окровавленными кусками мяса, перевязанными георгиевскими ленточками, и лозунгами «Рожай мясо», «Нет насилию над мужчинами, которые не хотят служить в армии! Нет войне». Репортерам демонстрантки прокомментировали происходящее предельно кратко: «Женщин заставляют рожать пушечное мясо, которое ест государство. Мы против. Нужно сделать армию профессиональной». Питерская полиция,

известная жесткостью к протестантам, на этот раз не отреагировала на акцию и никого не задержала.

В этих двух эпизодах отразились, как океан в капле воды, два основных дискурса современной России, два идеологических тренда, два вектора настроений граждан, утомленных ростом бедности и невняtnостью политических решений. Нового милитаризма и нового пацифизма.

Новый милитаризм в России — явление беспрецедентное в памяти нескольких поколений. Один из главных лозунгов советских десятилетий — «лишь бы не было войны» — точно определял общее настроение эпохи, люди готовы были терпеть лишения, унижения, подлость и коррупцию, только бы не случилось самой страшной беды. Ветераны не любили рассказывать о фронте, за них это делали пропагандисты. И чем меньше оставалось живых фронтовиков, тем громче звучали фанфары пропаганды, вплоть до лозунга «Можем повторить!» на капотах «Мерседесов» новых русских яппи в День Победы в 2015-м. Новый милитаризм, расцветший и умноженный пропагандой после «присоединения Крыма» и войны на востоке Украины, стал опорой информационной войны и популизма, разрушая одновременно представления о добре и зле и утверждая возможность насилия в качестве эффективного средства решения всех проблем. Милитаристская риторика отвлекает обывателя от провалов во внешней политике, ухудшения уровня жизни, отсутствия личных перспектив, наполняет чувством ложной гордости, затуманивает сознание и не дает возможности самостоятельно мыслить.

Главная опасность нового милитаризма — не только в росте военных бюджетов за счет сокращения ассигнований на здравоохранение, образование, науку и т. д., но в утверждении как нормы вторичности человеческой жизни и человеческого достоинства по сравнению с государственными интересами. То именно, против чего восстали Горбачёв и перестройка. Неслучайно сегодня некоторые политики хотят отменить важнейшее решение тех лет — осуждение советского вторжения в Афганистан.

Новый пацифизм в России начался в период Горбачёва, в период окончания гонки вооружений, холодной войны и завершения афганской авантюры. Этого ждали миллионы людей. Дело нового пацифизма продолжили десятки тысяч активистов новых гражданских инициатив, возникших в последние годы СССР, как грибы после дождя. Прежде всего — женщины. Именно женщины еще в конце 1980-х организовали помощь бывшим солдатам афганской войны, выступали против отправки новобранцев в зоны боевых действий, против дедовщины в армии. После начала войны в Чечне в 1994 году «Комитеты солдатских матерей» стали реальной общественной и политической силой. Матери, а вместе с ними активистки и журналистки под бомбами искали детей, обменивали пленных, опознавали тела убитых, привлекали внимание, организовывали помощь. То, что сегодня новобранцев не отправляют на войну, что дедовщина отступила, — их заслуга. Инициатива «Эхо войны», объединившая русских и чеченских матерей, работает до сих пор, теперь и на востоке Украины. Это настоящая армия мира!

История независимого женского движения постсоветской России еще будет написана, это история пробуждения общества. История побед и солидарности, в том числе с женскими группами из США, история спасения сотен тысяч людей — без преувеличения — от отчаяния и растерянности, и обретения нового пути, времен «дикого рынка» и чеченской трагедии.

С 2000 года в России был взят курс на подчинение всех сфер общества властной вертикали, новые законы усложнили работу НПО, потом закон об «иностранных агентах» еще более сократил их число. Но женское независимое движение сегодня живо. И обретает второе дыхание, в миротворчестве в том числе. В дни вторжения российских войск в Грузию в 2008-м женщины двух стран стали вместе помогать беженцам и детям. Правозащитная группа «8 марта» создалась в 2017-м. В 2018 году Марш материнского гнева собрал сотни людей в защиту арестованных по фейковому обвинению членов группы «Новое величие».

Новые инициативы живут в интернете — и многие из них посвящены преодолению культа насилия, сексизма и милитаризма. Новое поколение выбирает Интернет и перформанс и продолжает борьбу с правящей «партией войны».

«Нейшн», август 2018 г.

ТОТ САМЫЙ АВГУСТ

Не круглая дата

Двадцать шесть лет назад в России произошли события, определившие на долгие годы новый вектор развития страны, повлекшие принципиальные изменения в международном ландшафте, интеллектуальной дискуссии и информационном пространстве и мироощущении современников в целом. Танки на московских улицах и Мстислав Ростропович в кольце защитников Белого дома, провалившийся путч, стремительно возникшие политические движения и фигуры, исчезновение с политической карты СССР.. Об этом написаны воспоминания и монографии, сняты фильмы, проведены симпозиумы. Френсис Фукуяма в своей самой знаменитой книге провозгласил, что окончание холодной войны означает ни много ни мало — «конец истории», по крайней мере той, к которой все привыкли, истории противостояния, на смену ей должно прийти продуктивное и энергичное всеобщее развитие, свободное от страха ядерной войны, лицемерия и траты средств на гонку вооружений. Эта формула отражала настроения многих современников как на Западе, так и на Востоке, вдохновленных перестройкой, размыканием границ академической и интеллектуальной дискуссий конца 1980-х, открытием новых перспектив долгожданного встречного

движения, взаимодействия поверх барьеров, надеждами на построение нового, совершенного мира на обломках вчерашней вражды. Многочисленные конференции и творческие встречи, совместные программы изучения российской и американской истории и культуры, художественные проекты, академические обмены вовлекли в свою орбиту тысячи экспертов и молодых исследователей. Практика народной дипломатии открыла новые горизонты для десятков тысяч профессионалов, государственных служащих, активистов гражданских инициатив из России и США... Люди торопились приблизить тот долгожданный, блистающий многообразием проявлений лучших свойств человеческой природы и всевозможных талантов новый мир...

Сегодня воспоминания о наивной вере в неминуемое всеобщее торжество гармонии и сотрудничества вызывает у тех, кто помнит, чаще всего горечь, у некоторых — разочарование, а подчас нескрываемое раздражение.

Фукуяма ошибся: «старая история», сделав передышку, вернулась в привычные рамки; противостояние, оснащенное новейшими техническими достижениями, набирает обороты, захватывая всё новые и новые площадки.

Вирус недоверия и ненависти проник в умы и души, не встречая почти нигде того здорового противодействия, которое было хорошо знакомо современникам классической холодной войны по обе стороны океанов. Советские приметы, знаки и положения пугающе проступают в политической и социальной повседневности. Они лишены, конечно, былого монументализма и безысходности, но медленно восстанавливают в памяти «подлейшие черты» ушедшей, казалось, навсегда эпохи...

Поколение, выросшее после, не знает этого опыта и вообще толком не знает недавнего прошлого, которое предстает в российских СМИ и даже специализированной литературе всё более и более редуцированным и искаженным. 1991 год для многих российских студентов — такое же далекое былое, как 1945-й или 1937-й, они не ощущают никакой связи этих давних дат со своей нынешней судьбой. Ничего удивительного в том, что многие из них,

по шокирующим аналитиков данным последних опросов, не против установления памятных знаков Сталину как признания его заслуг перед страной. Особенно озадачил тот факт, что среди сторонников увековечения немало потомков жертв сталинских репрессий. Конечно, есть и совершенно иные студенты, участники поисковых экспедиций «Мемориала», «Последнего адреса» и мероприятий Музея ГУЛАГа, исследователи прошлого своих семей и прошлого страны, активисты гражданских организаций и инициаторы митингов в защиту прав сверстников и прав человека, акций неповиновения и протеста — они есть во всех городах, во всех без исключения регионах, по всей стране. И эти молодые люди значительно более свободны внутренне, чем родители, они свободны в том числе от страха, который жил в поколениях советских людей. Они его просто не понимают. Они привыкли жить в огромном мире, не ограниченном ни своим городом, ни даже страной. Бесспорно, будущее — за ними.

Но не они пока — большинство.

Большинство же не имеет четкого представления о 1991 годе. Более того, последнее время его всё чаще пытаются убедить в том, что в августе 1991-го произошла большая ошибка и ГКЧП был в целом прав. Об этом говорят не маргиналы, но вполне респектабельные и даже выдающиеся государственную официальную повестку дня ведущие главных телеканалов страны. Еще пять лет назад подобное невозможно было представить. Невозможно было бы организованное шествие с проклятиями «врагу России» перед Ельцин-центром в Екатеринбурге, акции против «предателей России» в других городах. Равно как и отказ властей в проведении шествий в память августовских событий. Героический ореол, в котором неизменно три дня в августе представляли в программах и публикациях почти двадцать лет, сменился тоном невнятных сомнений, а подчас откровенной агрессией. Лидеры демократических реформ предстают всё чаще заблуждающимися романтиками, находящимися в плену иллюзий или обманутыми западными партнерами, а иной раз — и просто

предателями, развалившими великую страну, виновниками хаоса и бед «лихих 90-х». «Старый добрый СССР», гарантировавший социальную защиту и ядерное величие, защитниками которого и выступал повергнутый либералами ГКЧП, всё чаще представляется официальными пропагандистами как достойная альтернатива хаосу и вражескому влиянию. Фигура «вождя народов» при этом ненавязчиво возникает на горизонте...

Неважно, что сторонники ресталинизации никакого представления не имеют о реально происходившем в стране, что им мил не реальный исторический персонаж и его злодеяния, но сама идея эффективной власти, сильного государства.

Страшно то, что они согласны с идеей господства государства над человеческой жизнью, и готовы оправдывать репрессии политической необходимостью. Они приняли ту самую большевистскую идею политической целесообразности, жертвами которой стали миллионы и с которой яростно сражалась лучшая пресса конца 1980-х — начала 1990-х.

Всё вернулось? Почему? Что было сделано не так? Почему жажда обновления и справедливости, мечта многих поколений советских людей разного образования, занятия и взглядов не реализовалась? Почему кольцо вокруг Белого дома, в котором стояли бок о бок московские интеллигенты и рабочие, бывшие «афганцы» и «демсоюзовцы», жители Кавказа, прибалтийских республик, крестьяне и академики, не стало прообразом реального единства и солидарности в стране?

Какие уроки не сумели извлечь?

Чем дальше уходит 1991-й, тем яснее понимаешь — многие проблемы сегодняшнего дня кроются в вопросах, не разрешенных и не завершенных тогда.

Не состоялось покаяние. Не состоялся суд над КПСС, о котором много говорили. Не была дана окончательная оценка преступлениям советской власти против своих граждан. Даже десталинизация не была толком доведена до конца.

Не состоялось обсуждение ни политических, ни экономических, ни социальных перспектив развития страны, только начатых в бурный период перестройки.

Не успели сформироваться устойчивые механизмы защиты демократии и свобод, хлынувших на соотечественников, как весенний ливень, и к которым мы оказались тотально не готовы.

Большинство разговоров так и остались незаконченными, бурные волны нахлынувшего «дикого рынка», неожиданные новые обстоятельства и перемены отвлекли от незавершенных дебатов, обозначив новые приоритеты...

Дискуссии и поиск слов и четких дефиниций вообще, казалось бы, ушли в прошлое, на их место заступили поспешные лозунги и случайные сочетания фонем, неуклюжий поиск «национальной идеи» и бесконечное расслоение смыслов... В результате обыватели, кто в свое время развешивал «дадзэбао» с последними сводками «Эха Москвы» в пригородных поселках в августе 1991-го и радостно приветствовал пришествие долгожданной свободы, чувствуя себя непривычно участником исторического процесса, от которого что-то зависит, создавая тот прообраз современных социальных сетей, который до сих страшит оторванную окончательно от граждан власть, снова стал объектом вольного или невольного эксперимента и манипуляций. Он «голосовал сердцем», поначалу всерьез пытался отличить «управляемую демократию» от «суверенной», осмыслить идею «принуждения к миру», «оскорбление чувств верующих» и многое другое, от чего у него вконец помутилась голова и выработалось стойкое отвращение к любому содержательному разговору в пространстве общественной дискуссии, оставив поле после битвы тем, кто там находится сегодня.

Означает ли это, что виртуальный ГКЧП победил, что надежды и ожидания были напрасны? Что три памятных дня, когда незнакомые люди соединялись в порыве защитить свою мечту о справедливости, были бессмысленным заблуждением? Конечно же, нет. Событиям августа 1991

года еще предстоит получить полновзвучную оценку, и будут извлечены необходимые уроки.

Главное — внутренний импульс, который был заложен механизмами перестройки и гласности, поддержанный концептуально наследием нашей культуры, отозвавшись в душе миллионов людей, произвел реальные перемены в социальной и политической жизни. Он не состоялся во многом, не реализовался. Но показал очевидно: роль человека в истории, не лидера, не трибуна — самого обычного «маленького человека», не сводима к функции пешки, пушечного мяса или «щепки».

Никогда и нигде я не видела столько красивых и одухотворенных лиц, как в те дни вокруг Белого дома. Там просто не было некрасивых людей. Сделанный выбор и готовность его отстоять сделали их прекрасными. Очень скоро всё изменилось. Но тому уникальному — по крайней мере, в жизни моего поколения — опыту не суждено исчезнуть.

В канун 20-летия событий мы с американской слависткой Кэтрин Таймер-Непомнящей начали писать небольшую книгу о тех днях, которые мы провели вместе на баррикадах у Белого дома, в гостях у друзей, в редакциях, попытаться представить одновременно то, что сохранила память русской и американской участниц событий. Много с тех пор изменилось. Ушла сама Катя, нет среди нас уже многих. Неузнаваемо изменился политический ландшафт. Однако значение воспоминаний — и серьезного разговора о недавнем прошлом и нереализованных перспективах, о начатых делах, которые рано или поздно всё равно необходимо будет завершить, — не теряет актуальности. Кажется даже, что он поможет разрешению многих больных сюжетов современности.

Три дня в августе, как бы то ни было, останутся в истории героическим и вдохновенным опытом гражданского пробуждения, неожиданного и радостного понимания того, что личный выбор каждого из нас имеет значение и будущее страны зависит в том числе и от этого выбора.

Краткий миг, яркая вспышка, оставившая незастывающий след в развитии событий. Напоминание о том, что

развитие истории неподвластно схемам и конструкциям, даже таким устойчивым, как советская, или неолиберальная, или концепция «уникального российского пути», или даже «конца истории». История продолжается, и это самое главное.

«Нейшн», август 2017 г.

«СВЕРСТНИКИ ГАЛИЛЕЯ»

Сумерки свободы или разумная осторожность?

Один из моих первых редакторов, правя незрелые студенческие заметки перьевой ручкой, любил повторять известные в то время строчки: «Ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупее. Он знал, что вертится Земля, но у него была семья». Редактор, к слову, был человеком далеко не трусливым и умудрялся временами публиковать совершенно удивительные в ту пору тексты, рискуя, конечно.

Иногда кажется, что тогда, давно, смелых людей было вообще больше. Конечно, это не так. Может быть, они были просто заметней, да и вообще жизнь в условиях официальной цензуры строилась по иным правилам. И цена смелости была иной. Хотя, конечно, тогда не убивали.

Сейчас убийства журналистов стали трагической обыденностью. И тем не менее почему мы — журналистское сообщество в целом — стали такими тихими и сверхосторожными, почему редакторы (да и сами журналисты) без окрика, добровольно последовательно сокращают пространство свободы, широту тем и сюжетов, как будто провоцируя всё новые и новые официальные ограничения? Отказываются видеть то, о чем надо кричать, отказываются взывать, помогать, в том числе — помогать коллегам? Страх сковал мозг и совесть? Деньги помutilи рассудок?

Или вообще в мире наступило «время секунд хэнд», когда все прежние идеалы летят на свалку, а СМИ превращаются в служанку конкретных хозяев, радуясь шубе с чужого плеча и объедкам с барского стола? Есть ли в мире вообще противоядие против самоцензуры? Об этом мы говорили на днях с коллегами из Европы и США.

Угрозы, обвинения и экономический прессинг

В конце ноября в Брюсселе состоялся показ документального фильма «Темная сторона», организованный Международным институтом прессы совместно с ОБСЕ. Главная тема этого фильма — угрозы женщинам-журналисткам в Сети. Тот самый кибербуллинг, о котором в последние годы в Европе и в мире всё больше говорят, пытаются найти решения и пока не находят.

Исследования показали, что угрожают чаще женщинам, причем неважно, пишут ли они о коррупции, конфликтах или просто обсуждают проблемы семьи, религии или бедности. В их адрес поступает втрое больше обещаний расправиться и пожеланий вспомнить о жизни детей. Самые типичные — угрозы сексуального насилия или насилия над близкими. Вывод исследователей: очевидно, что часть аудитории раздражают просто самостоятельные женщины, в данном случае журналистки. Как сказала коммиссар по правам человека Совета Европы Дунья Миятович, «мужчин преследуют за то, что их мнение кому-то не нравится, а женщин — за то, что у них вообще есть мнение».

Удивительно, что в этом плане разница между «продвинутыми» скандинавскими странами, Турцией, Испанией и Россией практически неощутима. Анонимная агрессия всюду имеет примерно одинаковый градус. Азербайджанская журналистка и топ-менеджер «Би-Би-Си» поделились схожим опытом: в день после выхода острого материала каждая получила по несколько сот оскорбительных и просто страшных сообщений!

Ни одна, ни другая героини ленты не оставили после этого своих героев и тем. Но так поступают не все, и фильм рассказывает об этом. Интересная деталь: когда авторы приезжали в Россию, они хотели встретиться с журналистками самых разных СМИ, и многие, в том числе те, кого в разное время защищали от нападков профессиональные и правозащитные организации, отказывались от интервью. Хотя в нашей стране ситуация та же, как показало исследование, что и в других.

Самоцензура сегодня — главный бич журналистики, опасность для профессии не меньшая, чем сокращение и трансформация рынка труда, прекаризация профессии, считает генеральный секретарь Европейской федерации журналистов Рикардо Гутьеррес. Два года назад ЕФЖ предприняла первое масштабное исследование «Журналисты под давлением», в котором были представлены данные из 47 стран Совета Европы плюс Белоруссия, опрошены несколько сот респондентов. Исследование показало, что различного рода нарушения прав наблюдаются повсеместно и число их растет. Более половины журналистов сталкивались с разного рода давлением со стороны политических институтов, полиции или заинтересованных групп, со стороны редакторов, почти половина пережила угрозы и взломы электронной почты. Три четверти указали, что за ними следят или прослушивают их телефон. Практику самоцензуры, в основном или частично, подтвердили большинство опрошенных.

В настоящее время ЕФЖ завершает новый аналитический доклад по проблеме, последние данные свидетельствуют о том, что ситуация не улучшается, скорее — наоборот. Прессинг только усиливается, в том числе психологический и экономический. За безопасность источников беспокоится абсолютное большинство. Растет число судебных преследований, в том числе по таким статьям, как угроза национальной безопасности или государственным интересам, пособничество терроризму.

В результате, как сообщил Гутьеррес, многие журналисты сменили «интонацию» своих публикаций, четверть пе-

рестала использовать в своих материалах всю имеющуюся в их распоряжении информацию, а 15% вообще отказались от работы с острыми темами.

Что же делать? Гутьеррес считает, что понять и назвать проблему — значит, приступить к ее решению. Самое важное, считает он, убедить общество, политиков, принимающих важные решения, в том, что свободная журналистика — личное достояние всех и нуждается в поддержке как общества, так и такой структуры, как ЕС.

Многое делается в этом направлении. Недавно был принят документ, требующий развития мер по обеспечению безопасности. Развиваются программы по медиаграмотности. Но нужны и более действенные финансовые инструменты поддержки независимых общественных СМИ. Очень важна непосредственная связь с аудиторией, а также — профессиональная солидарность, важен широкий диалог с обществом о значении журналистики. Рикардо Гутьеррес верит в успех, полагая, что очень многое зависит от людей, от их понимания сути происходящего, и надеется на молодых, которые сегодня в Европе, в том числе и в СМИ, прежде всего нишевых, активно заявляют о себе.

Сбросить стандарты с «корабля современности»?

Том Кент много лет работал заместителем генерального директора агентства «Ассошиэйтед пресс» по соблюдению этических стандартов. В начале 2000-х приезжал в Россию с лекциями о том, как работает этот институт, почему для репутации агентства важнее десять раз проверить информацию, прежде чем передать самую «горячую» новость, почему инвестиции в качество — самые надежные. Сегодня он преподает в лучшей школе журналистики США, в Колумбийском университете, участвует во многих международных проектах по медиаразвитию.

«Я бы не сказал, что в Америке сегодня процветает самоцензура, — ответил он на мой вопрос. — Всё значительно хуже. Сегодня многие журналисты говорят о том, что пора покончить с объективностью. Что мы находимся

на баррикадах, в кольце врагов, что демократия в опасности и мы должны не стесняться называть вещи своими именами, выразить свое мнение открыто, как солдаты. Потому что идет война за демократию. Потом, когда демократия победит, можно будет вернуться к объективности. Мне кажется, это самое опасное. Это означает, что журналистики как таковой скоро просто может не быть, будет борьба пропаганды, что уже происходит в интернете. Это настоящая беда».

На его слова я заметила, что в России такая точка зрения тоже существует вот уже несколько лет. Причем ее выразители — не только ведущие пропагандистских передач. Недавно на конференции по свободе слова и безопасности журналистов под эгидой ОБСЕ, прошедшей в Москве, новый главный редактор «Дождя» Тихон Дзядко сказал о том, что журналистам пора обрести смелость открыто выражать свою позицию. И многие с ним согласились.

«Сегодня некоторым кажется, что классические стандарты, работа с источниками, проверка, дистанция между журналистом и его предметом, этические нормы — всё это ушло в прошлое, — парировал Том Кент. — Что современная журналистика должна быть живой и эмоциональной. Но журналистика — не шоу. Она основана на этических принципах, которые остаются неизменными и в интернете, если мы, конечно, говорим о профессии. И надо больше говорить о том, как соблюдать эти принципы, что именно верность им сохранит профессию, и уважение читателя и зрителя, и демократию в конце концов. Пропаганда и демократия — антиподы, это важно осознавать».

Том не считает ситуацию безнадежной, он надеется, что серьезный профессиональный разговор, в том числе с участием журналистов из разных стран, может принести пользу. В любом случае, необходима широкая дискуссия, которой не хватает.

Решать придется всё равно.

Никто не обязан быть героем.

«Журналист», январь 2020 г.

БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Диалог граждан — лучшее лекарство против ненависти, недоверия и милитаризма

Российские и американские студенты — участники конференции «Третьего трека» в Санкт-Петербурге — наметили для политиков перспективы окончания новой холодной войны.

«Кому мы доверяем?» — так называлась прошедшая в Санкт-Петербурге конференция, организованная Институтом гражданской дипломатии «Второй трек» вместе с Санкт-Петербургским университетом имени А.И. Герцена. Сразу после начала конференции в памяти возникли сюжеты самых первых встреч советских и американских студентов и аспирантов в Москве в разгар перестройки, в которых мне самой довелось участвовать. Тогда и мы, и наши новые собеседники (некоторые из которых стали впоследствии друзьями на всю жизнь) были уверены, что вот совсем скоро мы разрушим не только железный занавес, но и железобетонную стену недоверия, предрассудков и непонимания между простыми людьми наших стран, что гонка вооружений и угроза страшной войны навсегда уйдут в прошлое и мы вместе будем строить прекрасный новый мир. До сих многих из нас мучает вопрос: почему не получилось? Что сделали не так, не сумели сделать? Почему снова на повестке дня холодная война, в ходу риторика вражды и ненависти? Как победить их сегодня?

Участники встречи — студенты американских и питерских вузов — очень напоминали нас тогдашних: они так же жадно стремились обсудить все темы, узнать друг друга, наговориться всласть. Практически все русские студенты прекрасно владели английским, значительно лучше, чем мы 25 лет назад, многие учились или проходили стажиров-

ки к США и Великобритании, американские — они приехали в Россию по обучающим программам — также знали Россию значительно полнее, чем их сверстники времен Перестройки. Совершенно очевидно, что годы, прошедшие с первых встреч, произвели реальные перемены в образовании, в исследованиях России и Америки.

В этом заслуга в том числе и инициатив Института гражданской дипломатии «Второй трек», чья деятельность началась ещё до перестройки. Среди этих инициатив — диалог в области освоения космоса, философии и психологии, встреча американских писателей с Союзом писателей СССР, проведение первых телемостов между Россией и США с участием широкой аудитории. События, которые произвели прорыв, открыли дорогу будущему сотрудничеству и множеству совместных проектов в самых различных областях. «Второй трек» собрал не просто виднейших экспертов — политиков, исследователей, переводчиков. Он стал жизненно важным проектом для его организаторов, убежденных в том, что человеческие отношения и профессиональный диалог способны противостоять милитаризму, пропаганде и предрассудкам. Президент Института гражданской дипломатии Далси Мерфи, философ и культуролог Николай Ильин, переводчица Нина Буис, профессор Питер Кауфман и другие сохранили эту уверенность по сей день, предоставив площадку молодым. И это было лучшим решением, так же как и выбранный угол зрения — проблема доверия, дезинформации, пропаганды и поиска внутреннего и внешнего врага.

Оказалось, двадцатилетние из обеих стран смотрят на мир удивительно похоже. Они не доверяют телевидению, будь то «Первый канал» Российского ТВ или ТВ «Фокс», предпочитая обращаться к независимым от государства и бизнес-империй источникам. Они, вопреки сложившемуся мнению, читают серьезные газеты и журналы — «Ведомости», «Новую газету», «Нейшн», «Гардиан» и «Нью-Йорк Таймс». В числе авторитетных источников знаний о России у молодых американцев работы Стива Коэна и Джека Метлока, причиной нового витка холодной

войны и американцы, и русские назвали ангажированность многих СМИ и политиков.

Всех отличает критическое отношение к информации. «I am sceptical» — эти слова Ника, студента из Майами, стали мемом конференции.

«Нейшн», октябрь 2018 г.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Дети романтиков перестройки заявили о себе

На муниципальных выборах в Москве более 270 мандатов получили «альтернативные» кандидаты.

10 сентября в 16 российских регионах состоялись выборы губернаторов. Все федеральные каналы бодро рапортовали об убедительной победе исполняющих обязанности глав субъектов РФ — ставленников власти. Ни один из серьезных оппонентов не преодолел «региональный фильтр», что подтверждало пессимистические прогнозы аналитиков о перспективах многообразия и плюрализма регионального политического ландшафта страны.

Большинство экспертов не ожидали никаких особых прорывов и от муниципальных выборов в столице. Городские власти значительно большее внимание уделили празднованию Дня города — еще 8 сентября, в разгар рабочего дня, практически весь центр Москвы был перекрыт, на площадях сооружались гигантские помосты и шокирующие безвкусицей декорации, палатки и площадки для предстоящих развлекательных программ, говорили о полусотне установок для праздничного фейерверка.

Помпезность праздника и его дороговизна — СМИ сообщали о десятках миллионов рублей — вызвала глухое раздражение даже самых расположенных к действующей

московской власти граждан, с трудом привыкающих к сокращению реальных доходов и резкому ограничению бесплатных медицинских услуг и социальной поддержки. Многие уехали из города насладиться последними солнечными днями на природе, и далеко не все успели проголосовать досрочно. По предварительным данным, в голосовании участвовали 14,8% от всех, кто мог воспользоваться этим правом. Независимые кандидаты, «Яблоко» «ПАРНАС», журналисты и правозащитники призывали в социальных сетях, в эфире «Эха Москвы» проявить гражданскую активность, не очень веря в то, что традиционную пассивность большинства горожан (во многом определенную негативным отношением к властям и неверием в возможность перемен) удастся преодолеть.

Самые первые предварительные результаты оказались неожиданными для всех. Кандидаты от объединенной оппозиции, «списка Гудкова», «списка Каца» и самовыдвиженцы оставили далеко позади традиционных «системных оппозиционеров» — КПРФ, «Справедливую Россию» и ЛДПР — и набрали более 270 мандатов в 62 округах. В 17 муниципалитетах они составляют большинство, еще в 29 — треть от всех депутатов. В Гагаринском округе (где голосовал Владимир Путин) не прошел ни один из ставленников московской власти. Показательно, что «альтернативные» кандидаты одержали верх не только в традиционно «либеральных» центральных и университетских округах, но и в некоторых периферийных, как далекое Зюзино. В общей сложности им удалось набрать почти 20% от всех мандатов. «Яблоко», «Парнас», Дмитрий Гудков, Илья Яшин, Илья Азар, другие участники гонки заговорили о победе. Алексей Навальный, отстранившийся от процесса (слишком мелко для потенциального кандидата в президенты), написал приветственный блог и поздравил вновь избранных, очевидно, будучи задетым тем, что другие, помимо его собственного, политические движения могут мобилизовать, хотя бы частично, электорат.

Политологи замечают, что большинство мандатов всё равно в итоге принадлежит «Единой России», и для успешного участия в будущих выборах мэра в любом случае нужно согласие этой партии. Некоторые наблюдатели уже назвали «альтернативных» депутатов донкихотами, которые едва ли справятся с практической работой в муниципальных советах и обязательно разочаруют избирателей. Тем более, полагают скептики, эти более чем скромные результаты не могут повлиять на большую политику в масштабах страны. При этом «Новая газета» в одном из материалов напомнила о всплеске гражданской активности в 2011–2012-м, и о том, что итоги выборов — реализация потенциала протестной волны пятилетней давности.

Последние московские события тем не менее показали, что в стране, по крайней мере, в самом большом ее городе, реально выросло новое поколение граждан, которые не боятся взять ответственность на себя. Не боятся участвовать в политической борьбе, не боятся повседневных практических дел и того, что можно назвать благоустройством жизни. Того, от чего долгие годы москвичи — и интеллектуалы в первую очередь — отмахивались.

Сегодня они увидели новые — молодые и очень молодые — лица тех, кто не боится заняться неблагодарным и трудным делом и не согласны с тем, что все решения за них принимают другие. Они сумели убедить в своей правоте избирателей, причем сделали это без дорогих имиджмейкеров, пиар-кампаний и ТВ. Не «эффективные менеджеры» корпораций и госслужащие, но люди конкретных профессий, активисты, не допустившие застройку детской площадки или парка элитными коттеджами, «парни из соседнего двора», которых знают соседи. Те, кому не всё равно. Конечно, они не имеют опыта управления и политической работы. Но они вполне могут всё это освоить, особенно если рядом окажутся умные и опытные коллеги и помощники — из числа тех же самых граждан, которым больно за свой город и свою страну.

Психологический результат этой маленькой победы велик. В первую очередь он в том, что продемонстрировано как солидарные действия граждан создают вполне конкретный эффект в конкретном случае. И другого пути нет.

Вольно или невольно новое поколение молодых напомнило согражданам о бурной эпохе перестройки, о том порыве, который объединял очень разных людей в стремлении к обновлению страны и о котором сегодня многим странно даже вспоминать. В 1989 году в Верховный Совет СССР впервые были выбраны, хотя и частично, независимые от власти кандидаты, меньшинство, составившее «Межрегиональную депутатскую группу» сторонников перемен. Тогда речь шла о переустройстве всей страны, о трансформации «сверху». Многим казалось, что это может быть сделано легко и быстро, при условии, что «наверху» будут приняты важнейшие решения. Мало кто понимал, что демократия — не благо, пролившееся с небес, но тяжелая повседневная работа, и обустройство повседневности и совместное совершенствование повседневности — ее необходимая основа.

Сегодняшние «альтернативные» депутаты — из поколения детей романтиков перестройки. Они начинают с самого важного, с местного, муниципального, низового уровня. Хочется верить, что у них всё получится.

«Нейшн», ноябрь 2018 г.

ВУЛЬГАРНОСТЬ СЕРДЦА И ВИРУС НЕБОЛЬШЕВИЗМА

Сохранится ли журналистика в «мире после правды»?

250 лет назад в Королевстве Швеция был принят первый в мире закон об открытости информации. Текст документа сильно отличался от современных форматов, да и сама северная монархия мало напоминала современную страну победившего «социализма с человеческим лицом». Как бы то ни было, именно этот закон положил начало утверждению свободного распространения информации — свободы слова. Юбилей широко отмечали в Европе, в ОБСЕ состоялась представительная конференция, собравшая ведущих юристов и медиаэкспертов многих стран. Во многих выступлениях в Вене, в ходе других обсуждений, посвященных знаменательной дате, отчетливо звучали тревожные ноты: несмотря на принятие современных национальных законов и международных обязательств, прозрачность власти и бизнеса по-прежнему остается недостижимой мечтой. Совершенство буквы закона не гарантирует должного применения. Исследование европейских активистов Access infoEuropa показало, что 60% всей информации о деятельности ЕС недоступно аудитории, документация о ходе встреч политиков и лоббистов не ведется должным образом или просто утеряна, речь идет не только о резонансных решениях, таких как детали трансатлантического торгового партнерства или соглашения о беженцах, но и о подготовке типовых контрактов. Труднодоступна информация о транспортных и иных расходах политиков, расширяется список исключений для доступа сведений, представляющих общест-

венный интерес, — нередко объяснение находят в принципе защиты личной жизни.

Журналисты в последние годы подвергаются беспрецедентному давлению и насилию во всем мире, по свидетельствам, ЮНЕСКО призывает покончить с практикой безнаказанности виновных в преступлениях против журналистов и даже учредила специальный день борьбы с безнаказанностью, 2 ноября. За три года, прошедшие с того момента, в мире погибли десятки журналистов, почти две сотни были помещены под стражу; угрозы, нападения и факты цензуры мониторинги отмечают почти ежедневно.

СМИ всё чаще становятся ареной идеологических баталий и сведения политических счетов, создаются государственные и европейские институты по противодействию пропаганде. Оксфордский словарь назвал словом года *post truth*, зафиксировав давно зревший кризис доверия к СМИ и кризис журналистики как таковой. Незадолго до вердикта британских филологов, в сентябре 2016-го, *Economist* опубликовал статью *Post Truth World*, в которой новый феномен подвергся подробному анализу. Освещение национальными и мировыми СМИ хода выборов в США убеждает, что поднятая журналом тема заслуживает очень серьезного обсуждения как в профессиональной среде, так и в самой широкой аудитории. И от исхода этого обсуждения во многом зависит не только исход очевидного уже противостояния «либералов» и «консерваторов» в политическом и медийном истеблишменте многих стран, но и перспективы самой журналистики как общественно важной сферы и «блага для всех». *Journalism is a public good* — этот лозунг, поднятый на щит международным профессиональным сообществом после окончания холодной войны, сегодня для многих совсем не так очевиден.

30 лет назад в СССР, а вскоре во многих других странах, узнали слово «гласность». Именно с него началась горбачёвская перестройка задолго до исчезновения с карты мира Советского Союза. Гласность, стремление

знать и говорить правду, стала символом времени, той самой национальной идеей, которую впоследствии пытались сформулировать идеологи ельцинского призыва; оно объединило в едином порыве миллионы людей разного возраста и опыта, несхожих взглядов и предпочтений. Горбачёв, поднявший это знамя, по сути, откликнулся на давно зреющий в недрах общества запрос.

В последнее время приходится слышать о том, что перестройку придумала кучка либералов, не то заблуждавшихся искренне, не то злонамеренных вполне; они обманули народ и привели его к неисчислимым бедам. Впервые в годовщину событий августа 1991 года об этом говорили не маргинальные персонажи, но вполне уважаемые телеведущие. Это неправда. 1991 год стал результатом всех пяти лет перестройки, того поистине народного стремления к правде, которое зрело десятилетия. Конец 1980-х — удивительное время, полное отсутствие конsumerизма и небывалая роскошь человеческого общения и обсуждений всевозможных тем. Границы цензурных рамок отодвигались день за днем, и действительно читающая в то время страна жаждала новых публикаций «Огонька», «Московских новостей», «Литературной газеты», литературных журналов, которые одалживали на ночь, которые читали на лекциях по истории КПСС студенты и в электричках — рабочие, спешащие на утреннюю смену. В «Огонек» и другие редакции каждый день приходили сотни писем, их авторы спешили поделиться пережитым, рассказать родным и близким; из этих свидетельств складывалась подлинная история. Интернета тогда не было, равно как и понятия *citizen journalist*, но несомненно, что тысячи и десятки тысяч народных репортеров — авторов писем — создавали новую медийную реальность будущего страны. Людям надоело жить взаперти, надоело тотальное вранье, они хотели знать и говорить правду о прошлом и настоящем, они мечтали о лучшем будущем и торопили его. Создание первого в истории Закона о СМИ, утверждавшего свободу слова, и принятие его Верховным Советом в 1990 году (история, талантливо

описанная в книге авторов документа Михаила Федотова и Юрия Батурина) — результат всеобщих ожиданий. Документ, созданный на основе лучших законов Европы, до сих пор остается действующим и, по формату, одним из наиболее передовых в Европе. В те годы очень многие верили в неизбежное торжество свободы после отмены цензуры и партийного руководства, в благоденствие независимых и талантливых СМИ с приходом неизвестного никому на практике рынка; в то, что после падения Берлинской стены журналисты и художники Востока и Запада вместе будут строить счастливое общее будущее, не омраченное идеологическим противостоянием и ненавистью, на основах уважения к человеку, его правам и месту на земле. Многие из нас готовы были пожертвовать многим, если не жизнью, за торжество этого нового мира.

Если бы нам тогда, в 1991-м, кто-то сказал, что в официально рыночной и демократической России, где цензура запрещена законом, через 25 лет список погибших журналистов превысит 360 человек и большинство из убийств останутся безнаказанными, мы бы решили, что перед нами сумасшедший. В кошмарном сне не могли привидеться бесправие, нищета и сервильность журналистов, которые сегодня мало кого удивляют. И уж точно — полное безразличие массовой аудитории к той самой свободе слова и стремлению журналиста сказать правду, которые были частью нашей общей идентичности четверть века назад. За право знать правду выступали только что созданные на заре гласности общественные организации — «Мемориал», открывающий правду о большом терроре, Фонд защиты гласности, объединивший художников и журналистов, — они сыграли огромную роль и в установлении свободы слова — одного из наиболее значительных итогов и успехов перестройки.

Сегодня не только власти, но и сами люди, похоже, не хотят, чтобы правда звучала открыто. Не хотят знать, что и как было. Последние дискуссии о героях Великой Отечественной войны наводят на мысль о том, что сложное размышление о трагической судьбе народа и о подвиге

ге народа, не всегда в реальности соответствующее мифу, — чересчур утомительно для перенасыщенного разнообразной информацией мозга современного российского обывателя. Ему больше по душе простая лубочная картинка. И не российские власти, а пользователи интернета совсем недавно протестовали против размещения в открытом доступе имен сталинских палачей.

Мир после правды — это мир доминирования телеэкрана и «Твиттера» над длительным подробным чтением. Яркая картинка, неестественные краски и грим ток-шоу; звучный, подчас бессмысленный слоган — его оружие. Неважно, что сказано; не нужно подтверждений, аргументов, расследований или независимых суждений — поверят и так. Первый, вбросивший слоган, победит — точно так же, как первый, прокричавший неприличное слово в шоу, получит более высокий рейтинг зрительских симпатий.

Это поняли многие СМИ, принимающие участие в конкурентной борьбе. Это поняли некоторые политики, превратившие свои кампании в шоу. Владимир Жириновский — в России. В Америке — Дональд Трамп. Но если Жириновский всё же начинал с традиционных политических форм, то триумф Трампа (похоже, для него самого неожиданный) основан на использовании совершенно непривычных и неприемлемых раньше приемов и знаков.

Опытный шоумен Дональд Трамп присутствует в коллективном бессознательном американцев все те четверть века, что нет СССР. В качестве спонсора конкурсов красоты, участника светской хроники и глуповатых развлекательных программ, герой популярного фильма, он узнаваем и вездесущ. В отличие от президентов, которые сменяли друг друга четверть века, Трамп был с американским народом неизменно, как его бейсболка, как мечта заработать миллион. Как ностальгия о том «американском рае», которого никогда не было на самом деле — так же, как не было на самом деле того «советского прошлого», о котором ностальгируют сегодня многие молодые российские «патриоты». Дональд Трамп — плоть от плоти американской субкультуры и американских СМИ. И популярнос-

тью своей обязан во многом тем самым либеральным СМИ, которых уже готов был обвинить в своем поражении (но не случилось, выиграл) и теперь обвиняет во лжи по любому поводу, напоминая, как в ходе кампании критиковали его, переходя границы политической корректности, которую он сам как раз и не признает.

Один коллега, комментируя вызвавшее большой резонанс выступление американского колумниста, сравнившего убийство российского посла в Анкаре с убийством гитлеровского министра, назвал автора последователем современного необольшевизма. Необольшевизм имеет глубокие корни в России, он восходит не только к классовому пониманию истории и культуры, но и к невозможности реальной дискуссии, невозможности отрешиться от использования запрещенных средств. В 1991 году, сразу после августовских событий, российский Фонд защиты гласности выступил против закрытия коммунистических газет. Его не послушали. Это был первый акт политической цензуры в стране, которая столетия мечтала об уничтожении цензуры.

В октябре 1993 года никто из либеральных редакторов СМИ в России не хотел публиковать письмо писателей-эмигрантов Владимира Максимова и Андрея Синявского (они десятилетия до той поры даже не разговаривали!), назвавших расстрел парламента выстрелом в молодую российскую демократию. Сегодня мы понимаем, что они были правы.

Необольшевизм либеральный или консервативный вредят правде и общественному самочувствию в равной степени, они подменяют подлинную картину мира принципом политической или иной целесообразности и, в конечном итоге, оправдывают насилие. Этим вирусом пропитаны многие современные СМИ.

Мир после правды опасен не только тем, что в нем перемешаны правда и ложь, подлинное признание и тролли, и не только хаотическим потоком самой разнородной информации, в которой тонет сознание и точно не в силах разобраться современник, занятый рутинными заботами и работой. В этом потоке превалируют противоестествен-

ные краски и чрезмерная агрессия, насилие уже никого не устрашает, становится фоном, повседневностью. Но самое страшное — в этом пространстве девальвируется новость как таковая. Доверие к новости, переданной одним источником, немедленно подрывает другой, и наоборот. Подлинная картина мира распадается на тысячи осколков, не связанных между собой фрагментов, в памяти остаются лишь вспышки взрывов, брызги крови и рекламные речевки. И все вместе вызывает отвращение. Об этом уже писали Виктор Пелевин и Питер Померанцев.

Есть ли выход? Что можно противопоставить популизму и воинствующей посредственности, устрашающей сознание современного интеллектуала по обе стороны океана? Как отрешиться от искушения неობольшевизма, сохранить приверженность тем ценностям, которые веками выкристаллизовывались литературой, искусством, публицистикой?

В одном из последних интервью Иосиф Бродский на вопрос польского журналиста Адама Михника о том, погубит ли Россию возрождение коммунизма, ответил: «Ее погубит не коммунизм и не капитализм, а вульгарность сердца и неразвитость воображения».

Очень точные слова. Вульгарность сердца и леность воображения пришли в сегодняшнее общество, в журналистику. Единственное, что поможет преодолеть этот затянувшийся кризис, — повторение старых уроков прошлых лет, неустанный труд по воспитанию читателя и зрителя, открытое обсуждение смысла журналистики в современном мире. Важны программы по медиаобразованию, важны устойчивые институты саморегулирования медийной сферы, нужна постоянная связь журналистов с аудиторией. Это начинает развиваться во многих странах. Но самое важное — это возрождение традиции постоянного и ежедневного усилия над собой, преодоления собственного несовершенства, как Чехов предлагал — «каждый день по капле выдавливать из себя раба».

«Новый журнал», январь 2017 г.

«ВРАГИ» И ОБЛИЧИТЕЛИ

По старым лекалам

Минувшим летом Санкт-Петербургский «5 канал» неожиданно для многих вступил в масштабную войну с отечественной «пятой колонной» и ее зарубежными спонсорами — подготовил изобилующий хорошо знакомыми пропагандистскими штампами материал о тренинге, организованном воронежским Центром защиты прав СМИ. Главный тезис — смотрите, до чего дошли враги России, на свои подлые деньги учат наших журналистов, как не соблюдать закон. Передача имела некоторый резонанс в профессиональной среде — точнее, глубоко возмутила тысячи коллег, не только тех, кто получил поддержку юристов Центра, но и не обращавшихся никогда за помощью, и даже тех, кто уже давно отвык возмущаться. Видимо, поэтому запись эфира вскоре исчезла с сайта канала.

Попытка поменять правду на прямую ложь, назвать белое черным не нова. В поздние брежневские годы, по которым так ностальгируют сегодня некоторые высокооплачиваемые комментаторы, мы на факультете журналистики МГУ изучали в качестве примера гнуснейшего манипулирования сознанием аудитории методы нацистской пропаганды и антисоветских выпадов Запада против СССР. Полученные знания не всеми, прямо скажем, любимого предмета помогли тем не менее лучше ориентироваться в актуальной политической и медийной ситуации у нас в стране, а впоследствии, когда ситуация изменилась, многие успешно применили их на практике. Пример, кстати, подал наш бывший преподаватель теории пропаганды и ревнитель идеологической чистоты, вдруг покинувший страну в период обновления и надежд — сейчас он руководит успешной американской компанией в области «паблик релейшнс». Так что новое руководство «5 канала» ни-

чего нового не открыло и, бесспорно, не превзошло в своем праведном гневе лидеров «информационной войны» со здравым смыслом и собственной аудиторией. Аудитория уже привыкла к тому, что главными врагами отечества объявляют почему-то не казнокрадов, нерадивых менеджеров, из-за которых гибнут в мирное время люди, не бездарных руководителей и не кликушествующих хулиганов, позорящих страну, веру и своих родных, а те редкие начинания, которые пытаются исправить несовершенство нашей жизни и недочеты управления, стараются здесь и сейчас помочь тем, кому без помощи не прожить. То есть организации типа «Солдатские матери», центры для жертв домашнего насилия, школы для детей мигрантов и тому подобные. Сам факт, что такие инициативы существуют — знак надежды, шанс, что общество будет выздоравливать, что жизнь наладится.

«Нейшн», сентябрь 2018 г.

ГУД БАЙ, АМЕРИКА МОЕЙ МЕЧТЫ!

Прощание с иллюзиями, или Повлиял ли «Рашагейт» на выборы в Усть-Илимске

Информация о выводах комиссии спецпрокурора Мюллера о «сговоре» Кремля и Трампа заняла в российских СМИ значительно более скромное место, чем на Западе. Официальные ньюсмейкеры отреагировали сдержанно, подчеркнув, что много и не ожидали, попутно посочувствовав американским налогоплательщикам, за чей счет было предпринято громоздкое и дорогостоящее расследование.

«Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет», — так начал свой первый комментарий российским информационным агентствам спикер Кремля

Дмитрий Песков. «Гора вновь родила дохлого мышонка», — написал в своем твиттере председатель временной комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со средствами массовой информации Алексей Пушков. Другой сенатор, Франц Клинецвич, выразил сожаление, что «два года провокаций и лжи» обошлись американскому народу в копейку. Глава международного комитета Совета Федерации Константин Косачев в «Российской газете» высказал осторожное предположение, что выводы комиссии Мюллера дают некий шанс «обнулить некоторые позиции российско-американских отношений», оговорившись, что президент Трамп, защищаясь от обвинений в симпатиях к Кремлю, вынужден был окружить себя антироссийскими «ястребами», которые едва ли допустят прорыв в отношениях между двумя странами.

Таким образом, можно сказать, что по сути улучшений давно никто не ждет, российско-американский диалог еле теплится, это понимают все, и консерваторы и либералы. Информация о возможных новых антироссийских санкциях, поступившая сразу же после сообщения о результатах доклада, это только подтверждает.

Оппозиционная «Новая газета» предполагает, что «Рашагейт» не закончился и будет приносить неприятности двусторонним отношениям еще долго. Либеральная пресса упоминает и другие темы доклада: это признание вмешательства российских властей в выборы (отрицается Россией), выявление многочисленных нарушений закона соратниками американского президента.

В большинстве СМИ и в интернете результаты двухлетнего расследования Мюллера быстро уступили место российским сюжетам. В частности, таким, как сюжет с выборами мэра в сибирском Усть-Илимске, на которых отставной полковник ФСБ и кандидат от правящей партии «Единая Россия» проиграл молодой домохозяйке. Новый мэр Анна Щекина возбуждает страсти в сети намного бойчее Трампа и Мюллера.

Ничего удивительного: никто в России не верил, что Трампа выбрал кто-то, кроме самих американцев.

А бизнесмен Пригожин российского обывателя волнует не как предполагаемый организатор «троллинга», но прежде всего как поставщик просроченных продуктов в детские сады и воинские части, при этом остающийся безнаказанным после множества резонансных публикаций.

Вообще, одним из последствий пропагандистского угара последних лет в России (об этом свидетельствуют данные исследования Комитета гражданских инициатив) стало негативное отношение к агрессивным новостям, в частности, к международным, и поворот к местным, домашним темам, волнующим всех и каждого. Все давно убедились в том, что не американские демократы и даже не все вместе «враги России», взявшие ее в «санкционную осаду», виноваты в том, что Пригожин травит детей червивыми продуктами, в том, что заводы Дерипаски медленно убивают жителей Красноярска, что чиновники безнаказанно хамят и что растет бесправие пенсионеров.

Обвинения в адрес американских пропагандистов в предвзятости и создании «фейков» в эфире российских пропагандистских телепрограмм звучат всё более двусмысленно: трудно разобраться, о какой стране идет речь. Из многих выступлений спикера МИДа Марии Захаровой наиболее проникновенно прозвучал призыв к эмигрантскому русскоязычному каналу RTVI: «Хватит унижать великую страну! Мы же вас уважаем!» В этих словах звучала давняя обида. Чувство, которое, судя по всему, руководило многими в период «Рашагейта» по обе стороны океана.

«Рашагейт», принесший, несомненно, колоссальный урон российско-американским отношениям, нанес также сокрушительный удар по иллюзиям российского либерального сознания. Он до основания разрушил прекрасный миф об идеальной демократии, где сила закона торжествует сама собой, а права человека и свобода слова падают с небес. Такой страной в сознании поколений российских либералов была Америка.

«Рашагейт» показал, как хрупка демократия, показал, что совершенного общества вообще не может быть. Это открытие было шоком, породило у многих чувство обиды и

разочарования в демократии в целом. Российская пропаганда, в свою очередь, делала все, чтобы убедить: смотрите, сегодня в мире ни у кого нет принципов, есть только сиюминутные интересы. В результате на выборах 2018 года за Путина отдали голоса многие из тех, кто не голосовал за него прежде никогда. Обратная сторона обиды — изоляционизм, и нарастание репрессивных практик. Политолог Лилия Шевцова в блоге на сайте радиостанции «Эхо Москвы» предупредила: самым обидным будет тот день, когда Америка окончательно потеряет интерес к России, и этот день недалек. Вероятным ответом российской власти она назвала новую гонку вооружений.

Но возможен ли иной сценарий?

Программный директор Российского совета по международным делам Иван Тимофеев осторожно высказывается на этот счет, добавляя, что теперь стратегическое соперничество перешло в сферу цифровых технологий. Возможно ли здесь взаимодействие? Профессор РГГУ, историк американо-российских отношений Виктория Журавлёва убеждена, что альтернатива — в секторальном и профессиональном сотрудничестве экспертов, в «народной дипломатии», восстановлении программ обмена студентами, молодыми специалистами, активистами гражданских организаций — они проторят дорогу будущему диалогу «в верхах».

Сибирский правозащитник и журналист Михаил Афанасьев уверен, что если бы русские и американцы больше общались и просто знали друг о друге, многое в мире было бы иначе. Михаил и его интернет-газета «Новый фокус» десять лет сражается за права человека в далекой Хаккасии. С них берут пример молодые блогеры и активисты. В огромной и разной стране России немало молодых людей, готовых улучшать жизнь у себя дома. Они всё чаще появляются в новостях — как молодые московские муниципальные депутаты или новый мэр Усть-Илимска, и большинству из них еще нет тридцати. Таким образом, новое поколение, которое выросло при Путине, вопреки прогнозам, выступает с альтернативной повесткой.

Ведь «Рашагейт» слишком долго отвлекал внимание от реальных проблем Америки и России. Об этом очень точно написала в своей колонке в «Нейшн» Катрина ван ден Хувел. По её совершенно справедливому мнению, к этим темам пора вернуться. К прекращению войн, защите окружающей среды, преодолению болезней и бедности.

Быть может, урок «Рашагейт» для России — в напоминании о том, что демократия не дар небес, но результат повседневной работы всего общества и промедление в этой работе грозит большими неприятностями. В напоминании, что отсутствие реальной информации порождает обиды, стереотипы и «токсичность» целых народов. К счастью, антиамериканские настроения в России снижаются. Но жаль, что мы в России мало знаем о реальной жизни американцев, и наоборот. Впрочем, это поправимо. В первую очередь нам придется проститься с представлениями об Америке, где булки растут на деревьях и все умные становятся миллионерами. Впереди — открытие реальной страны. И я верю — такое же открытие России ждет американцев.

«Нейшн», январь 2018 г.

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ — ПОЗОР РОССИИ

Борьба за Закон о жестокости в семье как зеркало борьбы за демократизацию страны

В конце ноября 2019 года, в канун начала Всемирной акции «16 дней без гендерного насилия», на улицы Парижа на демонстрацию против «фемцида» (новый термин, одобрен журналистскими организациями и вошел в практику СМИ Европы) вышли тысячи мужчин и женщин. Они назвали позором Франции невнимание к жестокости в семье, жертвами которой ежегодно становятся более 100 женщин.

В тот же день в России, в Москве и Санкт-Петербурге, праворадикальные и православные активисты протестовали против принятия закона о борьбе с домашним насилием, назвав его поруганием традиционных ценностей, вторжением в семью, вражеским иностранным влиянием и даже актом ЛГБТ-пропаганды. Никто из этих демонстрантов, в отличие от недовольных процедурой выборов в двух столицах минувшим летом, не был задержан. Федеральные СМИ уделили выходке праворадикалов значительно больше внимания, чем пикетам и демонстрациям в поддержку закона в десятках российских городов. И ещё больше внимания, чем свидетельствам пострадавших от домашнего насилия или устрашающим цифрам: по экспертным оценкам, жертвами домашнего насилия в России ежегодно становятся от пяти до семи тысяч женщин, а МВД регулярно информирует о почти двух тысячах детей, погибших от рук близких. Таким образом общество в очередной раз получило вполне ясный сигнал: защитники «традиционных ценностей» для современной российской власти являются «социально близкими», они милее всех активистов и правозащитников, это проверенная опора власти, даже в том случае, если их слова и действия прямо противоречат Конституции РФ и здравому смыслу.

Активистки российского независимого женского движения в 1990-х выдвинули лозунг «Демократия минус женщины — не демократия». Тогда же усилиями активисток и гендерных экспертов был подготовлен проект Закона о домашнем насилии. Тогда же общество содрогнулось от первых данных: число жертв семейной жестокости, впервые обнародованное МВД, за год было сопоставимо с потерями Советской армии за все годы Афганской авантюры. Помню, как трудно было публиковать первые статьи об этом даже в самых прогрессивных «Огоньке» и «Независимой газете», убеждать редактора, что это не частное дело, но беда всего общества. Помню, как вместе с американскими феминистками русские женщины создавали программы и тренинги для первых кризисных центров и убежищ в России.

Закон тогда не приняли, не успели, а к 2000 году в государственных структурах один за другим закрылись все гендерные проекты. Потом многие другие женские организации назвали «иностранными агентами». Опыт свободлюбивых 1990-х в целом был дискредитирован официальной пропагандой, которая назначила демократию ответственной за кризис и обнищание людей. Но феминистки не сдавались. Руководитель ассоциации кризисных центров «АННА» Марина Писклакова-Паркер; член Совета по правам человека, феминистка Светлана Айвазова, активистки Консорциума женских независимых организаций, гендерных центров и многие другие продолжали бороться за закон, который должен был спасти тысячи жизней и, по сути, изменить отношение государства к человеку.

Самое главное — за эти годы в сознании людей домашнее насилие уже стало преступлением. В этом, бесспорно, главная заслуга женских общественных организаций и женщин-журналисток, которые не забывали о теме. Выросло поколение молодых феминисток, активно работающих в социальных сетях. Проекты «Насилию нет», акция #янебоюсьсказать (русский аналог #METOO) привлекли внимание самой широкой аудитории. Правозащитное движение, долгие годы дистанцировавшееся от феминисток, признало проблему своей и включило в повестку дня. О необходимости борьбы с насилием говорили полицейские, чиновники, прогрессивные религиозные деятели. Президент Путин на встрече с Советом по правам человека в 2016 году заверил, что закон должен быть принят и даже дал распоряжение депутатам. Поручение не было выполнено. Вместо этого Государственная дума в 2017 году приняла скандально известный закон о декриминализации первых эпизодов насилия в семье, заменив уголовное наказание штрафом. Автор закона, одиозный депутат Елена Мизулина (предлагавшая в свое время запретить нерожавшим женщинам поступать в вузы и вообще ориентироваться на средневековый «Домострой») указала, что главная цель инициативы — укрепление семьи,

обозначив новый вектор внутренней политики — сохранить «мир и лад в доме», а не защищать права личности. Закон вызвал острую реакцию общественности, кризисные центры свидетельствовали о росте эпизодов насилия и латентности проблемы, и даже министр внутренних дел Владимир Колокольцев признал его ошибкой. «Национальная программа действий в интересах женщин до 2022 года», подписанная президентом и представленная правительством в конце 2017 года, предусматривает комплекс мер по борьбе с домашним насилием и принятие закона. Публикация его перед окончательным обсуждением в парламенте в ноябре 2019-го вызвала снова бурную реакцию праворадикалов, очевидно пользующихся молчаливым одобрением региональных и федеральных властей, в отличие от активисток кризисных центров и правозащитников. Некоторые аналитики сравнивают ситуацию с последними днями царской империи, когда власти потворствовали «черной сотне».

Комитет по делам женщин Государственной думы и Совет Федерации старались в последние дни сделать всё, чтобы нивелировать правозащитную составляющую закона, обозначив его главную цель как защиту семьи и примирение сторон. «Двигатель» закона, депутат Оксана Пушкина, в прошлом известная журналистка, вернувшаяся из США в Москву и открывшая на ТВ популярную программу «Женские истории с Оксаной Пушкиной» по образцу американских ток-шоу, считает, что самое важное — защитить жертву и остановить насилие. «Надо понимать, что 90% насильственных действий происходит в семье, что 70% пострадавших не обращаются за помощью и половина недовольна той помощью, которую оказывают государственные учреждения. Необходимо изменить всю систему, создать безопасную среду для женщин, в том числе освободить их от психологического, экономического насилия, которое повсеместно», — считает она. Пушкина в свое время была едва ли не единственным депутатом, осудившим председателя комитета по международным делам ГД Леонида Слуцкого за сексуальные домогатель-

ства. Она уверена в победе и верит в поддержку молодого поколения феминисток.

Именно молодые феминистки — юрист Мари Давтян, ведущая многих резонансных дел о гендерном насилии, блогер и активистка Алена Попова, чьи одиночные пикеты против гендерного насилия стали знаком времени, ведущая проекта «насилионет» Анна Ривина и многие другие стали реальными лидерами общественного мнения в интернете. Их поддерживают многие молодые мужчины. Ещё в проекте #янебоюсьсказать в 2016 году приняли участие известные актеры и писатели, телеведущие и диджеи.

Интересно, что к этой теме обратились многие аналитики, никогда не замеченные прежде в интересе к гендерным сюжетам. Видимо потому, что видят в проблеме домашнего насилия отголосок глубокого неравенства и политических противоречий.

Нет сомнения, что сегодняшняя борьба за принятие долгожданного закона против домашнего насилия — знак реальной потребности в демократизации общества, необходимости его модернизации. Объявление насилия вне закона — ключевая проблема современной России. Совершенно ясно, что запрет домашнего насилия открывает путь к запрету насилия государственного, о котором так тоскуют неосталинисты и праворадикалы. Это путь к реальной политике защиты граждан, а не государственных интересов. Путь к обновлению всего общества, что, судя по последним данным опросов независимого Левада-центра и государственного ВЦИОМа, совпадает с пожеланиями большинства граждан страны.

Женщины начинают эту борьбу, и трудно не верить в их — в наш общий! — успех.

«Нейшн», декабрь 2019 г.

НАЗВАТЬ И НАКАЗАТЬ

Почему нам всем важно, чтобы нашли заказчиков убийства Виктории Мариновой?

Рано утром позвонила сестра моего однокурсника из болгарской Русы и прокричала, что весь город знает — Викторию убили из-за ее телевизионной программы, что ей угрожали и что власти врут. К этому времени уже все мировые агентства сообщили о зверском убийстве тридцатилетней журналистки, произошедшем вскоре после очередной передачи «Детектор» на канале TVN. В ней Виктория Маринова рассказывала о схемах присвоения частными компаниями Болгарии и Румынии денег, направленных ЕС на развитие инфраструктуры. Тело изнасилованной и убитой телеведущей было найдено в зеленой зоне возле Дуная. Полиция удивительно поспешно заявила, что преступление не связано с профессиональной деятельностью журналистки. Тогда Комитет защиты прав журналистов, ЕФЖ, МФЖ, ПЕН, «Репортеры без границ» выступили с резкими заявлениями и потребовали немедленного тщательного расследования. Через несколько дней правоохранители задержали предполагаемого убийцу, молодого гражданина Румынии. Версия о профессиональной подоплеке трагедии по-прежнему не рассматривалась следствием как основная. Болгарский премьер Бойко Борисов сказал, что убийство журналистки стало поводом для очернения страны...

За минувший год в Европе были убиты три журналиста. Такого не случалось никогда. За одиннадцать месяцев до трагедии в Русе погибла самая известная мальтийская расследовательница Дафна Куруана Галисия. Был убит и молодой словацкий журналист Ян Куцак, причем вместе с ним погибла его невеста.

Оба преступления вызвали мощные протесты, многотысячные акции солидарности, не прекращающиеся кампании в СМИ, результатом чего стало принятие ЕС специального документа, обязывающего правительство разработать специальные меры по обеспечению безопасности работы журналистов. Международный проект «Дафна» ведет самостоятельное расследование. В день гибели Дафны журналисты и писатели всего мира направили тысячи открыток в правительство Мальты с требованием найти виновных, сотни редакций присоединились к минуте молчания в память о ней.

Но в России СМИ об этом практически не говорили. Точно так же, как и о погибших российских журналистах. Общество как будто свыклось с мыслью о том, что эти трагедии — некая неизбежность, такая же, как отсутствие полноценных расследований и наказания виновных.

В прошлом году, в День борьбы с безнаказанностью, учрежденном ЮНЕСКО 2 ноября в память о двух погибших в Африке французских журналистах (о том, что такой День существует, в России мало кто знает), новый председатель СЖР давал интервью. И сказал, что тема безнаказанности — не наша, что российские журналисты погибают только на войне.

Не знаю, сохранилась ли в московской штаб-квартире СЖР стена памяти с портретами погибших, подавляющее большинство из которых были убиты в мирное время в Москве, Набережных Челнах, Элисте, Химках, Новосибирске, Петербурге, Грозном, Махачкале и других городах и поселках нашей огромной страны. Но то, что требование наказания для виновных в преступлениях против журналистов всё реже звучит в профессиональной дискуссии — факт, будь то резонансные убийства или мало кому известные трагедии на Северном Кавказе или в русской глубинке.

Болгарская Руса — дальняя по болгарским меркам провинция рядом с румынской границей. Теперь об этом городе знают во всем мире. Зверское убийство Виктории Мариновой требует не только незамедлительного и бес-

пристрастного расследования. В этом убеждены «Репортеры без границ», ЕФЖ и МФЖ, ПЕН и Комитет защиты журналистов, практически все профессиональные и правозащитные организации. Необходимо всем миром встать на защиту свободного слова и тех, кто его несет.

Участники международного проекта расследовательской журналистики, с которым сотрудничала Маринова, вскоре после ее гибели опубликовали материалы о том, что схемы присвоения денег ЕС работают во многих странах, что в них участвуют высшие чиновники стран-реципиентов, а также представители корпораций третьих стран, в том числе России. Руководитель телеканала сказал, что расправа — предупреждение всем, кто посмеет сунуть нос в подобные темы.

Убийство журналиста, осмелившегося писать о мафии, — это казнь. Свидетельство торжества мафии, ставящей себя выше закона, выше общества, выше государства. Безнаказанность таких преступлений — знак большой беды. Значительно более страшной, чем плохая раскрываемость чисто криминальных правонарушений и даже всепроникающей коррупции. У общества, больного безнаказанностью, нет будущего. Это хорошо понимают европейские коллеги. Которые совершенно точно сделают всё, чтобы виновные в гибели Виктории Мариновой были найдены и наказаны, и не остановятся, пока не восторжествует справедливость. У них есть опыт такой солидарной работы, налаженный за последние десятилетия. Неплохо бы к нему присмотреться.

Нам всем очень важно, чтобы убийцы Виктории Мариновой были найдены. Это дает надежду на то, что практика безнаказанности и молчаливое согласие с культурой безнаказанности, которой больно наше общество уже много лет, прекратится.

Я даже надеюсь дожить до этой светлой поры.

«Новые Известия», октябрь 2018 г.

КАЗУС НА БУКВУ «Х»

Остановить хама — требование дня

Скандал вокруг Леонида Слуцкого, депутата Государственной думы от фракции ЛДПР, показал, что речь уже идет не только о сексуальных домогательствах. Обнажился глубокий разлад во взаимодействии законодательной власти с народом, а также кризис отечественной журналистики. В конечном счете — кризис доверия в обществе в целом.

Напомним краткие этапы развития сюжета.

Депутата Леонида Слуцкого обвинили в домогательствах сексуального толка. Одна за другой несколько журналисток обнародовали эпизоды недостойного поведения Слуцкого, причем на протяжении нескольких лет, одна из журналисток предъявила диктофонную запись.

Тот самый «харрасмент», который, как уже давно убеждает официальная пропаганда, разлагает «прогнивший Запад», пришел к нам. Ничего удивительного. Ведь о том, что отечественные начальники самого разного толка злоупотребляют своим положением всеми возможными способами и уверены в полной безнаказанности, давно и хорошо известно всем. Об этом писали классики русской литературы, об этом свидетельствуют мемуары советских руководителей и исповеди узников ГУЛАГа. И даже пресса, по крайней мере в 1990-х, обращалась к этой проблеме.

Даже были попытки провести медийную кампанию против зарвавшихся «новых русских», требовавших «обязательного секса» с сотрудницами. Хорошо помню, что самым трудным было найти пострадавших, а именно — тех, кто бы согласился публично обвинить актуальных или бывших боссов. Согласились немногие, хотя несколько случа-

ев всё же были доведены до суда, а виновники оштрафованы. Даже в нашей отрасли, в СМИ. И публикации имели резонанс, и общественное мнение единодушно осудило зарвавшихся сластолюбцев.

Однако история вокруг Слуцкого показала, что времена изменились. Единодушные, с которым коллеги-депутаты встали на защиту обвиняемого, вызывает по меньшей мере недоумение. Первая реакция ЛДПР — не проведение собственного расследования, что было бы логично в предвыборный период, — но предложение лишить «Дождь» (журналистка этого телеканала первой обнародовала свои претензии) думской аккредитации. Гнетущее впечатление оставило заявление «Женского клуба» ГД — народные избранницы посоветовали журналисткам одеваться скромнее. Последний «гвоздь» забил спикер нижней палаты Вячеслав Володин, в канун 8 Марта посоветовавший журналисткам, опасаящимся неприятностей, не ходить работать в Думу.

Как говорится — ни убавить, ни прибавить. И речь тут не о дискриминации по признаку пола в первую очередь, а об отношении к журналистам в принципе. К тем немногим в особенности, которые имеют наглость не переписывать пресс-релизы, а иногда задавать неприятные вопросы и вообще иметь свое мнение относительно принятых без всякого обсуждения решений и многом другом. Пора знать свое место! «Пигалицам» — особенно.

Как бы то ни было, пострадавшие обратились в Комиссию по этике Государственной думы. Скептики не верили, что Слуцкого накажут, справедливо полагая, что «честь мундира» победит. Но многие надеялись, что депутат или Дума в целом принесут хотя бы извинения.

Но даже они не могли предвидеть дальнейшего развития событий.

Почти единогласно комиссия пришла к выводу об отсутствии в действиях Слуцкого чего-либо предосудительного. Женщины-депутаты повторили свои обвинения в адрес нескромно одетых журналисток, одна из них поразила воображение аудитории, обогатив русский язык неоло-

гизмом — мол, она сама «еще краше была, но ее никто не домагивался». А другой депутат вообще закрыл тему, назвав журналистов слугами, которые возомнили о себе невесть что.

Так «конкретно» в Госдуме еще не говорили. В ответ ряд изданий — РБК, «Коммерсант», «Новая газета», радиостанции «Эхо Москвы» и «Говорит Москва», всего около тридцати, — а вслед за ними социальные сети и несколько популярных блогеров, среди которых вполне патриотичный Максим Шевченко, объявили полный бойкот парламенту или частичный — Слуцкому.

В тот же день в Думе составили списки журналистов, представляющих «бунтующие» СМИ, и перекрыли им доступ в парламент. В это время у главного входа в Думу уже дежурили одиночные пикетчицы с плакатами «Не входить, тут лапают» и «Позор Слуцкому». Ассоциация «Свободное слово» опубликовала заявление с требованием призвать к ответу зарвавшегося депутата, а профсоюз журналистов и работников СМИ направил письмо в Парламентскую ассамблею Совета Европы с призывом бойкотировать российских парламентариев. Активистки начали готовить протестную акцию в центре Москвы, сотни людей, мужчин и женщин, поддержали журналисток и их сторонниц.

Но, судя по всему, ни Дума, ни Слуцкий, извиняться не собираются. И настаивают на своей правоте. Глава комитета по информационной политике, секретарь Союза журналистов России уже осудил протестантов, заверив, что дело депутатов — обеспечить достойные условия работы.

Отношение власти к СМИ как к сфере обслуживания, давно известно, и последний эпизод только ярче его высветил. Куда интереснее реакция профессионального общества. Она показала всю глубину раскола и отсутствие подлинной солидарности. Даже когда Слуцкий отказался извиняться, всенародного журналистского осуждения — и даже обсуждения — не последовало. Зато появилось некоторое количество «экспертных мнений» о том, что скандал раздувается врагами России в преддверии выборов.

Изумил и председатель Союза журналистов Москвы Павел Гусев, предложивший обсудить этичность поведения осмелившихся пожаловаться: почему они так долго молчали и не обратились немедленно к своим главным редакторам? Известный защитник свободы СМИ, главный редактор «МК» не может не знать, как в отечестве руководство относится к подобным жалобам — в лучшем случае юмористически. Как и того, что большинство испытавших унижение предпочитают не выносить пережитое на люди, резонно опасаясь быть непонятыми. Об этом подробно написала в своем блоге главный редактор «Нью таймс» Евгения Альбац — еще до истории со Слуцким, по поводу скандала вокруг Харви Вайнштейна. И немедленно получила массу резких и оскорбительных подчас комментариев со всех сторон — как от записных пропагандистов, так и от ярых оппонентов власти.

И правые, и левые слились в едином возмущении, по сути отстаивая право начальника на любое поведение в отношении женщин-сотрудниц. Но еще дальше пошел первый редактор «Независимой газеты» (в «Независимой» шесть лет существовала феминистская страница, а отделы политики и экономики возглавляли молодые журналистки) Виталий Третьяков, ныне декан факультета телевидения МГУ. На выступлении в Новосибирском университете Третьяков сказал, что журналист по сути пропагандист, что свободы нет и не может быть нигде, а женщина должна быть всегда готова к тому, что мужчина схватит ее за коленку или за другое место, и это вполне естественно. Этими откровениями Третьяков подтвердил слова кого-то из великих, что время меняет человека, но крайне редко в лучшую сторону.

Журналистика в России давно стала «профессией с женским лицом». В этом есть как плюсы, так и минусы. Плюсы — страна узнала много новых ярких имен, увидела живые лица рядовых участников конфликтов и драматических событий, минусы — в том, что на местном уровне почти нет молодых мужчин-журналистов, в первую очередь потому, что уровень заработка остается позорно низким.

Но молодые журналистки упорно осваивают все без исключения сферы профессии. Многие из них не боятся угроз, всё чаще поступающих в их адрес (журналистки получают угрозы втрое чаще, чем коллеги-мужчины!) в сети, давления и цензуры. Оставляют по этой причине профессию в России женщины реже, чем в других странах. Наши женщины вообще привыкли противостоять трудностям. Однако это не значит, что унижение человеческого достоинства, откровенное хамство и презрение не только к нормам цивилизованного поведения, но и к букве закона должны стать нормой.

Хамству, унижению, презрению к достоинству и работе журналиста нужно противостоять определенно и жестко. И если наши парламентарии этого не понимают, журналисты просто обязаны им это объяснить. Последние решения об изменениях закона о персональных данных сделали думцев почти неприкасаемыми, практически недоступными для расследований; стали закрытыми семейный бизнес и собственность народных избранников, живущих за счет налогоплательщиков, и многих других руководителей. Создается впечатление, что и личное поведение депутатов на рабочем месте выводится из сферы публичной критики.

Западный харрасмент, российское начальственное хамство и ощущение вседозволенности — близнецы-братья. Искоренить их возможно только всем миром. Наличие законодательства не может обеспечить само по себе решения проблемы. Необходимо участие всех, необходима гласность, понимание того, что зло не останется безнаказанным. Ведь мы имеем дело с очевидным злом, суть которого — унижение слабого и зависимого.

Отсутствие корпоративной солидарности журналистов в данном случае вызывает много вопросов — не только относительно климата в профессиональном сообществе как таковом, но и будущего нашей профессии.

«Новый журнал», декабрь 2018 г.

«НАДО ВЗЯТЬСЯ ЗА РУКИ И ПОПЫТАТЬСЯ ОТСТУПИТЬ ОТ КРАЯ»

Русский ПЕН как зеркало агонии «хомо советикус»

В декабре 2018 года в Москве состоялась церемония награждения премией «Большая книга». Победителями стали Мария Степанова, Александр Архангельский и Дмитрий Быков. В своем «ответе лауреата» Александр Архангельский сказал о необходимости писательской солидарности, о важности защиты коллег, и о недавно созданном из числа участников Ассоциации «Свободное слово» новой организации — «ПЭН-Москва».

Через несколько дней, отвечая на вопросы журналистов, зачем ему, известному литературоведу, профессору, телеведущему, теперь еще и лауреату-прозаику, нужно взваливать на себя еще одну обязанность — возглавлять правозащитную группу, он отметил: «Мы дошли до края. И самое главное — взявшись за руки, попытаться от края отступить». И добавил, что «ПЭН-Москва» не намерен тратить время и силы на споры с руководством русского ПЕНа, откуда вышли уже многие писатели и журналисты, и хорошо, что в России работают уже четыре официальных члена самой уважаемой в мире организации, защищающей писателей и свободу слова.

Этому предшествовала череда событий, без учета которых картина современной российской литературной и общественной жизни будет не вполне ясной.

В конце сентября 2018 года в индийском городе Пуна, на родине Махатма Ганди, завершил работу 84-й Конгресс международного ПЕН-клуба. Об этом событии практически ничего не говорила российская пресса, а жаль. Инфор-

мация о работе самой влиятельной международной писательской правозащитной организации обогатила бы нашу аудиторию не только пониманием происходящих в мире проблем, будь то миграция, терроризм, растущая агрессия в Сети, гендерное насилие, стремительное исчезновение десятков языков и культур или повсеместное наступление на свободу слова, но и впечатляющим опытом конкретных солидарных действий писателей и журналистов. Их результатом стали спасенные жизни, освобождение узников, восстановление справедливости и, тысячи букварей и книг современных авторов на всех языках мира и многое другое. Быть может, эта информация также побудила бы соотечественников к независимому размышлению и даже принятию самостоятельных решений. Впрочем, информации о реальной жизни людей за границей, и тем более об их солидарном опыте защиты своих прав, у нас недостает традиционно, еще с советских времен. И это обстоятельство также имеет непосредственное отношение к тому, что происходит у нас дома сегодня.

На Конгрессе в Пуне (Форум проходил под девизом «Свобода. Правда. Многообразие») независимым членом международного ПЕНа стал еще один российский центр, «ПЭН-Москва», созданный на базе Ассоциации «Свободное слово». Перед самым Конгрессом русский ПЕН направил организаторам и опубликовал в прессе заявление с протестом, усмотрев в московском центре конкурента, а в намерении его поддержать — проявление «информационной войны против России». К слову, в прошлом году точно так же русский ПЕН протестовал против принятия Санкт-Петербургского ПЕНа. С той разницей, что последнее письмо имело все жанровые признаки доноса в духе тридцатых годов, что произвело тягостное впечатление даже в переводе. Второе письмо — еще один донос с разоблачением «поющих с западного голоса» самозванцев «из подворотни», среди которых и писателей-то нет, появилось на днях, после публикации доклада о нарушениях свободы слова в России в последние годы. Доклад был подготовлен международным ПЕНом при участии питер-

ского ПЕНа и Ассоциации «Свободное слово». Под доносом стояли полтора десятка известных писательских имен. Вскоре половина подписантов заявили, что никогда не видели текста, не знают о нем, некоторые опубликовали заявления о выходе из организации. Процесс исхода продолжается, как и полемика в интернете, мало что говорящая непосвященным.

Между тем скандал в русском ПЕНе (уже не первый) — непосредственное отражение важнейших процессов, происходящих в российском обществе, в среде образованного класса в том числе. Знак глубокого кризиса идентичности. Подтверждение того, что не завершённые тридцать лет назад вопросы и споры отзываются в наши дни — как новыми трагедиями, так и удручающим фарсом. Несомненно, истоки споров и поступков надо искать в поздних 80-х, в воздухе и поисках эмоционального периода перестройки. Именно тогда в стране — впервые после более чем полувекового перерыва — стали создаваться вполне легальные общественные организации. В том числе правозащитные и творческие. Русский ПЕН стал одной из первых.

Международный ПЕН-клуб родился в 1921 году в Лондоне. ПЕН — аббревиатура, «поэты-эссеисты-новеллисты», на английском одновременно — «перо», главное оружие писательского труда в те годы. Основной замысел был — создать площадку для общения литераторов из недавно воевавших стран, противодействовать агрессии, ненависти. Цели — содействие свободному распространению информации, противодействие цензуре, поддержка независимого творчества, защита писателей, подвергающихся преследованию. Организация с самого начала объявила себя вне политики. Первым президентом был избран Джон Голсуорси. Герберт Уэллс, Франсуа Мориак, Генрих Бёлль, Артур Миллер, Марио Варгас Льюса — в списке президентов ПЕНа практически все классики литературы XX века; национальные центры также связаны с именами известных авторов. Тезис о невмешательстве в политику вызывал острые споры; в 1930-е и позднее, после Второй

мировой войны, в Хартию организации была включена статья о том, что ПЕН осуждает те национальные законы, которые препятствуют свободе слова. Организация регулярно выступала против преследования инакомыслящих, требовала освобождения заключенных писателей и журналистов. Александр Солженицын и Вацлав Гавел, Иосиф Бродский и Салман Рушди, Светлана Алексиевич и Таслима Насрин и вместе с ними сотни других известных и неизвестных, но нуждающихся в защите авторов были в центре всемирных кампаний ПЕНа.

Несомненно, ПЕН с самых первых дней был глубоко антисоветской организацией. Не столько потому, что критиковал политику СССР, осуждал травлю Пастернака, ссылку Бродского, процесс Синявского и Даниэля, аресты диссидентов. ПЕН изначально отвергал сам принцип подчинения писателя государству и противостоял ему авторитетом всей мировой литературы. Эту опасность прекрасно понимали советские идеологи. Когда в 1975 году Владимир Войнович предложил создать ПЕН в СССР, реакция была быстрой и жесткой. Никаких дискуссий о свободе творчества в самой справедливой стране мира быть не могло.

Создание в 1934 году Союза советских писателей не только завершило разгром самостоятельных творческих группировок — он закрепил тотальное подчинение искусства власти, законодательно утвердил стилистическое господство социалистического реализма и наметил долгосрочный курс оправдания всех преступлений власти советской творческой интеллигенцией. Был создан уникальный инструмент, не менее эффективный, чем все изобретенные в последующие годы вооружения. Броня «социалистического реализма» и деятельность творческих союзов защищала режим не менее надежно, чем ядерный щит, талантливо оправдывала самые невероятные и бесчеловечные решения. Расстрельные списки писателей и артистов составлялись в творческих союзах, решения принимали коллективно, на собраниях. Когда осенью 1991 года мы с коллегами из «Огонька» пришли в только что от-

крывший доступ к новым документам архив ЦК КПСС, то были потрясены — не только обилием материалов о литературе, но той тщательностью и серьезностью, с которыми руководство ядерной сверхдержавы относилось к творческому процессу. Тысячи страниц текстов, переводы стихов и повестей, аналитические заметки экспертов, заключения тех же творческих союзов, частные мнения собратьев по цеху, отчеты о высказываниях на заводских собраниях и в зарубежных поездках, во время романов и на гулянках... Политбюро часами могло обсуждать неопубликованную повесть известного или молодого автора, принимались решения — издание собрания сочинений или запрет на публикации, перевод европейского поэта, финансирование книг в странах народной демократии, поддержка издания «друга СССР» в далеком зарубежье или кампания по его дискредитации... Мы и представить не могли, какая мощная машина, в том числе и агентурная, финансовая, стояла за всем этим...

Сформировался совершенно неизвестный в истории тип писателя, писателя на службе государства. Оплачиваемого в зависимости от пользы, приносимой государству. «Все мы пишем по велению сердца, но сердца наши принадлежат Коммунистической партии», — эти слова Михаила Шолохова красовались на обложке школьных тетрадок, их знал каждый советский ученик. Сам классик, как стало известно потом, жил «как при коммунизме» — по специальной чековой книжке он и его семья получали всё, в чем была необходимость. Как конструктор Калашников. Как некоторые другие особо ценные кадры. «Литературные генералы», чьих книг никто не читал, издавались миллионными тиражами, жили в лучших домах, получали фантастические гонорары и премии, ездили представлять нашу культуру за границу и дарили детям и любовницам недоступные простому труженицу подарки — квартиры, автомобили... Все, кто мешали им наслаждаться достойной жизнью, в том числе в силу своего таланта и независимости, были под подозрением, а то и просто врагами, подлежащими уничтожению... Владимир Войнович гениально

описал быт и нравы этой среды, он показал, что происходит не только с обществом или Союзом — с душами людей, которые впитали ленинские принципы, изложенные в известной статье «Партийная организация и партийная литература» на заре XX века («стать колесиком и винтиком общепартийного дела»). «Долой литераторов-сверхчеловеков» — это не о хроникерах сказано, это обо всех...

Было бы наивно полагать, что «хомо советикус» испарится в бурные годы демократизации. Наивными были те, кто верили, что он скоро пропадет в волнах перестройки, в результате принятия справедливых законов, обновления, долгожданной свободы, к которой, по сути, никто не был готов.

В конце 1980-х известные писатели из числа «подозрительных» организовали группу «Апрель» (в память об апрельском пленуме партии, наметившем курс на перестройку и демократизацию), прообраз Союза писателей, не зависимого от государства. Члены «Апреля» участвовали в первых встречах общества «Мемориал», выступали с публикациями, они снова заговорили о ПЕНе. Как вспоминал первый президент русского ПЕНа Анатолий Рыбаков, главным тогда было освободиться от наследия искусственно созданного в свое время Союза писателей СССР. Русский ПЕН, возникший на волне перестройки, вскоре стал частью международного, писатели всего мира приветствовали русских коллег, это произошло в год падения Берлинской стены в 1989-м. Его возглавил Анатолий Рыбаков, вошли Евтушенко, Евгений Попов, Владимир Войнович, Белла Ахмадулина, Зоя Богуславская, Андрей Вознесенский, Андрей Битов. В 1991-м, вскоре после августовского путча, в Союз писателей СССР (во многом благодаря настойчивости Евгения Евтушенко) были приняты более ста писателей из числа «неблагонадежных» и молодых. Но и сам СП СССР вскоре рухнул, распавшись на несколько составляющих.

Советские творческие организации владели значительной собственностью — здания, творческие мастерские, дачи, санатории, земельные участки. В 1990-х прак-

тически вся собственность оказалась в частных руках, — точно так же, как издательства, типографии и комбинаты монументального искусства. Новые владельцы не горели желанием поддерживать смелые замыслы и демократические преобразования, их интересовала прибыль. Новые организации, созданные после 1991-го, получили специальным указом Ельцина в бессрочное бесплатное пользование помещения для работы, русский ПЕН в том числе. Но время шло, новые городские и федеральные власти имели свои взгляды на объекты недвижимости, имущественные споры на годы затянулись, отравляя жизнь молодым инициативам, не имеющим никакого опыта хозяйственной деятельности. Не имели его ни Рыбаков, ни сменивший его Андрей Битов. Русский ПЕН с трудом находил средства. Помогали международные организации.

О том, что русский ПЕН — серьезная организация, заговорили в середине 1990-х, прежде всего благодаря самоотверженной работе директора, поэта Александра Ткаченко. Он принял самое горячее участие в процессах против писателей и журналистов — Алины Витухновской, Григория Пасько, туркменского поэта Шерали и других. Только благодаря личной настойчивости Ткаченко и умению «пройти сквозь стены» из военной тюрьмы был освобожден обвиненный в госизмене Григорий Пасько. Ткаченко выпустил десятки заявлений, обличая цензуру, насилие и требуя раскрыть убийства журналистов, прорывался к высшим руководителям страны, организовывал митинги... «Меня боятся приглашать на ток-шоу, — как-то сказал он мне, — от меня воняет. Я тут же напоминаю им о том, что они не хотят слышать». Он ездил на все международные форумы, на своем ломаном английском кричал на весь мир, русский ПЕН стал символом несломленной воли к правде в глазах международной общественности. В 2000 году впервые в истории всемирный Конгресс ПЕНа проходил в Москве. Отвечая на вопросы корреспондента «Эха Москвы», один из делегатов, Андрей Вознесенский, сказал: самое главное, что ПЕН был антисоветской орга-

низацией. Многие тогда удивились — ведь СССР уже давно нет.

Недавно ушедший от нас основатель общества «Мемориал» Арсений Рогинский говорил, что Сталин живет в каждом, кто родился до перестройки, — «во мне, в тебе, в Путине, в Алексеевой, во всех». И дело не в том, что он есть, а в том, как к этому относиться. Можно — считать это признаком собственной гордости и уникальности, приветствовать портреты диктатора и притеснять несогласных с генеральной линией, а можно — как Сахаров или как Чехов — выдавливать его из себя по капле каждый день. Личное дело каждого. «Хомо советикус» — это тот Сталин, который живет в подсознании, в воспоминаниях детства о шепоте родителей, о цитате Шолохова в тетрадке. Он воплощается в страхе, который вдруг заползает за воротник, в стремлении быть, закрыв глаза, «как все», в «Крымнаше», в нежелании слушать неприятное, в спасительной мысли о том, что «моя хата с краю»... В стремлении не потерять подачку. Еще в середине 2000-х большинство редакторов не хотели размещать материалы о беззаконии исключительно из-за опасения потерять очередную «премию» от государственных структур. Один бывший коллега так и сказал: если заплатите, напечатаем с радостью! Русский рынок совсем не противоречит Сталину, они отлично уживаются. И рождают новых монстров, как мы наблюдаем.

После безвременной смерти Александра Ткаченко правозащитный пафос русского ПЕНа заметно снизился. Алексей Симонов, председатель Фонда защиты гласности, был директором недолго. В исполком вошли люди с активной гражданской позицией — писательница Людмила Улицкая, журналист Сергей Пархоменко... Снова в СМИ зазвучали обвинения в невыполнении законов и преследовании инакомыслящих. Но стареющий Битов, вскоре сменивший его на посту президента Евгений Попов и ряд других руководителей русского Пена возмутились, выступили в прессе с заявлениями о том, что клуб — элитная писательская организация для избранных художников, а не правозащитная тусовка.

В это время международный ПЕН кричал о заключенных журналистах и издателях в турецких тюрьмах, жертвах религиозного фундаментализма в арабских странах, Индии, Пакистане, об убийствах репортеров и блогеров в Латинской Америке, о цензуре, фейковых новостях, дискриминации женщин-журналисток, о «языке вражды» и агрессии, заполнивших интернет. Русский ПЕН избегал подобных сюжетов, равно как и критики российской власти. Крымские события и арест режиссера Олега Сенцова окончательно разделили роспеновцев, официальное руководство практически солидаризировалось с государственной идеологией. Лауреата Нобелевской премии Светлану Алексиевич русский ПЕН не только не поздравил, но и обвинил в лжечленстве, видимо, в связи с критикой российских властей. Скандалы потрясали русский ПЕН всё чаще, точкой невозврата стало практически выдавливание из организации Людмилы Улицкой (руководство просто взбесила ее поездка вместе с несколькими членами ПЕНа на Украину), исключение Пархоменко, прошедшие с нарушениями выборы 2016 года, из-за чего почти 80 человек вышли из организации и создали неформальную группу онлайн. Владимир Войнович перед выходом опубликовал резкое письмо, обвинив новое руководство в презрении к Хартии и основополагающим принципам.

В это же время в Союзе журналистов России, который почти 25 лет пытался создать независимую от государства структуру, пытался вести диалог с властью, требуя соблюдения прав журналистов и свободы слова, произошли принципиальные изменения: к руководству пришли ставленники «народного фронта» (создан в свое время исключительно для поддержки президента), объявившие всю предшествующую практику ошибочной и вредной. Часть секретарей СЖР в знак несогласия ушли из руководства организацией. В основе перемен как в русском ПЕНе, так и в СЖР, считают аналитики, лежат финансовые проблемы, тянущиеся из 1990-х (угрозы потерять здание), или (есть и такое мнение) желание стать «государственным придатком», как в советское время, со всеми вытекающи-

ми преимуществами. Тем более что западное финансирование немедленно влечет угрозу быть внесенным в список «иностранных агентов». Как бы то ни было, обе организации в последние годы не были замечены в активной защите журналистов и писателей. Впрочем, руководство русского ПЕНа неоднократно заявляло, что журналисты — не их забота. Они — о небожителях. И не устают об этом повторять. Впрочем, бывают исключения — недавно заместитель президента русского ПЕНа с пафосом приветствовал присуждение Премии имени Политковской руководителю киевского отделения РИА «Новости» Кириллу Вышинскому, обвиненному в шпионаже в пользу России. Он назвал его поэтом улицы и экрана, призывал освободить узников совести. О томящихся в России Жалауди Гериеве или голодающем Олеге Сенцове он не вспомнил.

Ассоциация «Свободное слово» заявила о себе 1 апреля 2017 года, сразу после того, как духовные руководители Чечни объявили фетву журналистам «Новой газеты» и «Эху Москвы» после публикаций материалов о преследовании геев в Чечне. Никто фанатиков не остановил, скорее наоборот. Ни одна творческая организация не потребовала прекратить безобразие и наказать зарвавшихся. Фетва, кстати, не снята до сих пор, то есть теоретически каждый правоверный чеченец до сих пор обязан физически ликвидировать журналистов проклятых компаний. Тогда неформальная группа писателей, журналистов, переводчиков, издателей, собирающаяся время от времени, решила заявить о себе как Ассоциация «Свободное слово» и выступила в СМИ с требованием прекратить преследования журналистов. Среди подписавших первое обращение — Людмила Улицкая, Светлана Алексиевич, Владимир Войнович, Александр Гельман, молодые поэты, журналисты, переводчики — всего сто с лишним человек. Люди разного возраста, известности, жизненного опыта, солидарно уверенные в том, что свобода слова — наше достояние и залог будущего развития, что ее должно уважать как государство, так и граждане. С тех пор «Свободное слово» систематически выступает в защиту всех, работающих

со словом, следит за судьбой фигурантов судебных дел, будь то директор библиотеки украинской литературы Наталья Шарина, режиссер Кирилл Серебренников и его коллеги, историк Юрий Дмитриев, режиссер Олег Сенцов. Вместе с центром защиты прав СМИ, «Мемориалом», Фондом защиты гласности АСС подготовила доклад о нарушениях свободы слова в России в 2016–2017 годах. Доклад был одобрен международным ПЕНОм. Делегация ПЕНа во главе с генеральным секретарем Карлесом Торнером приезжала в 2017 году в Москву и Петербург (питерский центр выразил желание самостоятельно вступить в МПЕН), пытались уговорить русский ПЕН начать сотрудничество с новой организацией, но безуспешно. В 2017 году на конгрессе во Львове питерский центр стал самостоятельным подразделением, в 2018-м на базе АСС возник «ПЭН-Москва». Московская и питерская организации уже работают вместе. Скромными итогами этой работы, которой не замечают центральные СМИ, можно считать привлечение внимания к сюжетам нарушения прав, именно это внимание, как считает «ПЭН-Москва», помогло действовать решению об освобождении Шариной, освобождении Дмитриева в 2017 году. Даже половинчатое решение о смягчении статьи о пропаганде экстремизма — опосредованный результат гласности, привлечения внимания к теме. «ПЭН-Москва» надеется и на долгосрочные результаты. Главная задача, как было сказано на недавней пресс-конференции организации, представившей очередную доклад, — стимулирование живой общественной дискуссии в обществе о взаимоотношениях государства и личности, о свободе творчества и месте художника. «ПЭН-Москва» не теряет надежду, что в результате возникнет живой диалог граждан и государства, который так необходим.

Это непременно произойдет. Но это произойдет только тогда, когда «коллективный Сталин», «красный человек», «хомо советикус», который был опорой режима и остается опорой самых темных сил в обществе, будет побежден. Для этого необходимо выдавить его из собствен-

ного сознания, выдавить тот рабский инстинкт, о котором писали великие классики. Это невозможно без свободного слова, без открытой дискуссии, без самостоятельных организаций, которые существуют не на средства государства и не на средства других государств, и видят своей задачей не создание привилегий, но просвещение и борьбу за те высокие идеалы, которые пронесла через века русская литература.

Главная отличительная черта дня сегодняшнего от советской поры, о которой многие говорят сегодня с ностальгией (особенно те, кто ее не помнит), — открытость несмотря ни на что, и растущее многообразие голосов. То, о чем постоянно говорит московский ПЭН. Невозможно сегодня скрыть практически ничего. Невозможно долго морочить голову, как бы талантливо это ни делалось. Невозможно монополизировать информацию из любой страны, даже из Китая и Саудовской Аравии. Огромные средства, потраченные на пропаганду господствующей точки зрения, уходят в песок как за границей, так и в России. Последние опросы показали, что официальным СМИ верят всё меньше и меньше, причем люди всех возрастов. Прикормленным «патриотическим» организациям, жирующим на государственные деньги, — еще меньше. Даже результаты муниципальных выборов показывают: доверяют тем, кто реально помогает, прислушивается к людям, идет им навстречу. Попытки возродить советский стиль общежития и советский стиль в жизни литературы обречены, никто не готов толкаться в очереди за туалетной бумагой, даже если кто-то помнит славные времена, когда в руководящих сортирах или спецраспределителях она была в изобилии. Обидно, что люди, когда-то написавшие яркие тексты, вспомнили о распределителях для «известных писателей». Но это уже их личное дело.

«Новый журнал», декабрь 2018 г.

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Вспоминая октябрь 1993-го

3 октября 1993 года фотограф «Огонька» Марк Штейнбок, с которым мы вместе многократно ездили в командировки и готовили материалы, был ранен во время съемки штурма телевизионного центра «Останкино». Я примчалась к нему в клинику скорой помощи имени Склифасовского. В палате, кроме Марка, лежали еще человек десять мужчин — в основном молодых, у многих были тяжелые ранения, рядом плакали женщины — матери, жены, подруги.

Из разговоров я быстро поняла, что кто-то из них пришел защищать независимое ТВ, а кто-то, наоборот, приехал из Подмосковья и других регионов его штурмовать. Всем предстояли сложные операции. Пахло дезинфицирующим раствором, лекарствами и близкой смертью. Я выглянула в окно, вдалеке все еще дымился обстрелянный Белый дом — здание российского парламента. Мне стало страшно. Я поняла, что с нами всеми произошло что-то непоправимое.

Я часто вспоминаю этот день, он прочно запечатлелся в памяти. Тот день, когда была расстреляна неокрепшая и наивная русская демократия.

Расстрел здания парламента и ТВ-центра «Останкино» стали кульминацией политического кризиса, вызванного противостоянием двух сил — президента Бориса Ельцина, поддержанного правительством Виктора Черномырдина, и парламентского большинства во главе с Русланом Хасбулатовым, несогласного с практикой проводимых Ельциным реформ, причем Хасбулатова поддерживал вице-президент Александр Руцкой. 21 сентября Ельцин издал указ о роспуске Съезда депутатов, тем самым нарушив Конституцию. 24 сентября Съезд народных депутатов

объявил об отстранении президента от власти и обвинил его в госперевороте. 3 октября в Москве произошли беспорядки. Сторонники парламента во главе с генералом Макашовым захватили здание мэрии и попытались захватить ТВ-центр. В Москве было объявлено ЧП, войска начали штурм парламента, 4 октября всё завершилось. Новая конституция, действующая до сих пор, наделяла президента более широкими полномочиями, должность вице-президента была упразднена.

Сегодня, когда многие пытаются понять, почему происходят вещи, которые были немыслимы еще совсем недавно — почему демократов и реформаторов обвиняют в предательстве, почему свобода рифмуется с воровством, а реальное воровство — с патриотизмом, почему люди снова не верят судам и полиции, почему в повседневную жизнь вернулся страх, почему портреты Сталина всё чаще возникают на улицах городов — нельзя не вспомнить кровавые дни октября 1993 года. Основы того, что называется сегодня путинской Россией, были заложены первыми залпами по молодому парламенту страны. И не в меньшей степени они проистекают из отношения граждан России к произошедшему.

Некоторые авторы независимых СМИ сегодня пишут, что ситуация тогда была далека от гражданской войны, что был спор между Ельциным и Хасбулатовым, а народ оставался в стороне. Это не совсем так. Народ, столкнувшийся с ужасами первых лет рынка, обвалом экономики, безработицей, криминалом и просто нищетой, испытал шок. В СССР жили бедно, но всё же не голодали, учились и лечились бесплатно. Свобода, за которую многие были готовы пострадать в 1991 году, представлялась синонимом справедливой и обеспеченной жизни. Но к руководству экономикой пришли не романтики перестройки, а старые советские директора и алчные новые хозяева, нередко вместе с мафией, стремительно набиравшей силу. Дискуссия в обществе не получалась, не были решены многие вопросы периода перестройки — не было суда над КПСС и КГБ, которых многие ждали, не состоялась реформа суда,

местного самоуправления, о социальных проблемах за- были. Деньги, о которых в СССР никто не думал, хотя бы потому, что в рамках распределительной экономики на них ничего нельзя было купить, вдруг стали мерилom всего. Интеллигенция растерялась, многие ее представи- тели сами бросились в водоворот дикого рынка.

Многие в 1993 году реально боялись возврата к социа- лизму, с которым связывались неминуемые репрессии, и оппозиционный Ельцину парламент этот социализм символизировал.

Хорошо помню, как почти все мои московские учителя и старшие коллеги поддерживали решение Ельцина рас- стрелять мятежный парламент. Когда два известных дис- сидента, Андрей Синявский и Владимир Максимов, пре- одолев многолетнюю вражду, обратились с письмом к власти и обществу России, в котором сказали, что демо- кратическая власть не может расстреливать свой парла- мент, что последствия будут страшны, — ни одно демокра- тическое издание не хотело его публиковать. Письмо по- явилось только в коммунистической «Правде», а авторам многие вчерашние поклонники буквально отказали от до- ма. «Так было нужно — иначе к власти пришли бы комму- нисты», — таков был девиз прогрессивной российской ин- теллигенции образца 1993 года, по сути, ничем не отли- чавшийся от лозунга сталинской поры — «цель оправды- вает средства».

Реставрация советского стиля в политике и общест- венной дискуссии произошла не при Путине, не в 2012 или 2014 годах — она произошла именно тогда, когда «власти- тели дум» и многие образованные и не очень образован- ные граждане оправдали эти первые выстрелы.

Неограниченная или почти ничем неограниченная власть президента, манипулятивные выборы 1996-го, со- путствующие им первые «медийные войны», в которых со- ревновались высокооплачиваемые пропагандисты «ново- го типа», уронившие доверие к профессии, торжество «близкого круга», или «семьи» в экономике, безнаказан- ность силовых структур, отсутствие прозрачности во всех

областях жизни, — всё это было опробовано в середине 1990-х. Кстати, именно тогда начали массово убивать и преследовать независимых журналистов и борцов с коррупцией, и в центре Москвы и по всей стране. Первыми жертвами стали операторы и фотографы у Белого дома и «Останкино». Друг погибшего в те дни ирландца Рори Пека, журналист Владимир Снегирев, бывший рядом с ним у телецентра, писал в книге о Пеке: узнав, что перед ними журналисты, атакующие стреляли в упор. Правда была расстреляна впервые тогда же — вместе с парламентом. Никто не был наказан. Потом к безнаказанности убийц привыкли.

О реальном числе жертв кровавого октября до сих пор нет полной информации. Оценка произошедшему не дана. Недавно молодой депутат ГД предложил назначить компенсацию пострадавшим, но парламент отклонил предложение, мотивировав это тем, что понятие пострадавшего и принципы его определения не ясны. На государственном ТВ тем временем «соловей генштаба СССР» периода афганской авантюры, писатель Александр Проханов с восторгом описывает нападавших на «Останкино» — тех самых, кто убивал журналистов. Оправдание насилия во всех возможных формах происходит в российском эфире ежедневно. И это не менее опасно, чем тот факт, что события 1993-го так и не получили оценки. Так же, как репрессии сталинской поры, как борьба с инакомыслящими, практика ГУЛАГа и в принципе отношение к человеку как к рабочему материалу или помехе в решении геополитических и прочих проблем.

Именно это, глубоко советское по сути, понимание взаимоотношений государства и человека победило сегодня в России, именно его насаждает пропаганда, утверждая, что это насилие «наша национальная гордость», залог уважения соседей и иного быть не может.

Уроки из трагедии октября 1993 года еще предстоит усвоить. Так же, как и из всех последующих трагедий — будь то война в Чечне или конфликт на востоке Украины. Демократическое и свободное развитие России начнется

только тогда, когда на смену реставрированному под новой маской советскому менталитету придет новое понимание, основанное на уважении к человеческому достоинству, правам, жизни, и уважение к своей истории, которое неотделимо от понимания ее трагических сюжетов. Но это зависит не только от власти или властителей, но и от способа мысли самих граждан. Я верю, что молодые, родившиеся много позже 1993 года, сумеют эти уроки усвоить.

«Нейшн», октябрь 2018 г.

ПАВШИЕ И ЖИВЫЕ

15 декабря — День памяти погибших журналистов

В этом году он будет проходить в двадцатый раз. День, которого нет в календаре ни одной другой страны. Его начали отмечать задолго до объявления ООН даты борьбы с безнаказанностью преступлений против журналистов 2 ноября, и об этом дне мало кто поначалу знал даже в России.

Первые встречи в Центральном доме журналиста — полупустой зал, с трудом сдерживающий слезы председатель СЖР Богданов; дети погибших — на сцене, им неловко вручают коробки с оргтехникой сотрудники московского отделения фирмы «Самсунг»; ни одного политика, олигарха, директора телеканала...

Моя заметка в «Независимой» в 2000 году была, кажется, первым сообщением в центральной прессе об этом событии. До сих пор помню пережитые в те краткие полчаса или час в Домжуре ужас, стыд и отчаянное желание всё

это изменить... Я не знала, что скоро и в мою жизнь, и в судьбу еще десятков людей этот день войдет навсегда.

В последние годы ситуация внешне поменялась, в зале появились телекамеры, представители ООН, даже некоторые депутаты, но руководителей федеральных СМИ, кроме Муратова и Гусева, по-прежнему не заметно, и по-прежнему зарубежные журналисты проявляют значительно больше внимания к происходящему, чем журналисты отечественные. Хотя список погибших (в него Фонд защиты гласности включает и пропавших без вести, и умерших при невыясненных обстоятельствах, полагая, что важно помнить всех) насчитывает почти 360 имен, из которых большинство известно только коллегам, друзьям, но не широкой общественности. Большинство трагедий не были расследованы, виновные не названы и не преданы суду. Почему так?

Первый — и единственный — раз список погибших читали вслух на митинге памяти 17 декабря 2006 года, вскоре после убийства Политковской. Тогда пять московских журналисток обратились к столичным властям с просьбой сразу после Дня памяти, в воскресенье, провести марш от Дома журналистов до Пушкинской площади, думали идти вместе с детьми, с семьями, один плакат (нарисовал сын-подросток одной из заявительниц): «Не стреляйте в мою маму». Мэрия отказала, мотивировав тем, что шествие будет мешать прогулкам горожан по бульварам, разрешили только митинг. Там и были прочитаны известные на тот момент 211 имен — чтение заняло 40 минут, что потрясло не только около 500 собравшихся, но и, судя по всему, примерно такое же число продрогших милиционеров, с раннего утра надзирающих за соблюдением порядка в Новопушкинском сквере. В тот день в столице проходил всероссийский смотр Дедов Морозов, они организовано двигались шеренгами по Тверской, мимо сквера, и кремлевский чиновник в одном интервью заметил: надо же, такое красочное шествие, а западные журналисты и даже многие наши передают про какой-то митинг.

В 2014 году, после гибели корреспондентов ВГТРК на востоке Украины, о трагедиях заговорили во весь голос. Похороны Игоря Корнелюка и Антона Волошина в Москве прошли с невероятным размахом — на гражданской панихиде в Доме культуры «Правды» многочисленные парламентарии, члены правительства, звезды эстрады и военные обещали «не забыть и не простить», их круглосуточно повторяли в эфире. Другие выступления — в том числе о первых жертвах конфликта, итальянском фрилансере Андреа Рокелли и его русском коллеге Андрее Миронове — в эфир не попали. В передачах федерального ТВ от 15 декабря 2014 года говорили исключительно о погибших на войне героях. В то же время руководство канала сделало всё возможное, чтобы семьи погибших героев ни в коем случае не встретились с теми, другими, семьями, которые много лет собирались вспомнить близких, а также просить и даже требовать справедливости и расследований. Семьи погибших в Югославии в 1991 году Виктора Ногина и Геннадия Куринного ждали справедливости больше 25 лет — только после самоотверженного расследования Владимира Мукусева, публикации книги и установления монумента в далекой Хорватии журналистам ЦТ на Родине посмертно были вручены награды и установлена памятная доска в Останкино. Расследование так и не возобновилось. Мукусев считает, вся беда в том, что убили советскую съемочную группу в ходе войны не хорваты, а сербы, типа свои. Отец Дмитрия Холодова не дождался ответа на свою жалобу в Европейский суд по правам человека, его получила мама — через 20 лет после убийства сына. ЕСПЧ признал российское государство виновным в некачественном проведении расследования убийства журналиста. Еще несколько исков ждут своей очереди. Но при чем тут ЕСПЧ? Неужели в нашей стране нет тех, кто реально заинтересован в правде и в том, чтобы журналистов вообще перестали убивать?

Алексей Симонов, директор Фонда защиты гласности, еще двадцать лет назад говорил, что всем трагедиям предшествуют угрозы. На угрозы, даже на угрозы жизни,

у нас не принято обращать внимания. Полиция не заводит дел (хотя обязана), даже сами журналисты относятся к ним без драматизма. Женщинам, кстати, в России, как и везде, угрожают втрое чаще и более изощренно. Некоторые из них меняют темы, уезжают в другой город или вообще уходят из профессии. Елену Милашину редакция несколько раз прятала за границей. Юлия Латынина тоже уехала вместе с семьей. И Ксения Ларина. О многих мы вообще не знаем, страна у нас большая. И все, конечно, не уедут. И, безусловно, можно даже сейчас сделать так, чтобы всё это прекратилось. Хотя бы показательно наказать несколько особенно ретивых, исключительно по закону, и применить те нормы, которые предписывают защиту журналистов, вне зависимости от их СМИ и даже их личных убеждений. Пресечь отравляющую эфир и сознание пожилого обывателя ежевечерний поиск «внутреннего врага» (молодые не смотрят, но агрессией, которой пропитано общество, тоже полны всецело), и освободившиеся средства пустить на повышение зарплат работников региональных и местных СМИ, на поддержку проектов, помогающих людям, на просвещение детей и взрослых, и государственных чиновников в том числе. Таких проектов, которые объяснят обществу, зачем нормальному государству нужны независимые СМИ и почему в нормальной стране журналисты должны жить и работать в безопасности.

Я не сомневаюсь, что это случится, даже надеюсь дожить. Но произойдет это только тогда, когда сами журналисты, редакторы, все работающие в отрасли — живые, здоровые и подчас вполне благополучные — поймут, что только от них самих, от их разума, воли и — страшно сказать — солидарности, зависит это светлое будущее. И будущее их детей, кстати, тоже. Горячо любимых и временами самостоятельных. Как Анна Политковская, Артем Боровик и многие, многие другие.

«Журналист», декабрь 2018 г.

МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ

3 мая — Всемирный день свободы прессы. Однако ситуация со свободой ухудшается с каждым годом

Накануне Дня свободы прессы (учрежден ЮНЕСКО в 1993 году) «Репортеры без границ» выпустили очередной доклад, зафиксировавший «очень серьезную» ситуацию с правами СМИ почти в каждой второй стране мира. Россия в общем рейтинге, по сравнению с прошлым годом, опустилась на одну позицию — со 148-го места на 149-е. Лидирует в списке (уже третий год) Норвегия, за ней следуют Финляндия и Швеция, США — на 48-м месте, Великобритания — на 33-м, Грузия — на 60-м, Молдавия — на 91-м, Таджикистан — на 161-м, Турция на 157-м, Белоруссия на 153-м.

Замыкают рейтинг Северная Корея, Эритрея, Китай, Вьетнам, на последнем — 180-м месте — Туркменистан. В этом году в России по материалам доклада отмечаются задержания журналистов, освещающих протестные акции, отсутствие расследования нападения на группу корреспондентов на границе Чечни и Ингушетии, а также наступление на свободу слова в интернете.

Выводы доклада никого не удивили. Российские правозащитники ведут свой мониторинг, его данные значительно богаче исследования «Репортеров». Недавно два доклада о нарушениях прав журналистов и блогеров были переданы в Совет по правам человека и ждут обсуждения. Впрочем, некоторые организации, призванные по уставу защищать права и свободы, уже открестились от докладов, сочтя содержащиеся в них сведения избыточными и даже вводящими в заблуждение.

О последовательном сокращении пространства свободы, в мире в целом и в отдельных странах в частности,

международные профессиональные и межгосударственные организации говорят регулярно, собирают представительные форумы, выпускают рекомендации. Специальные документы в защиту наших коллег приняли ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы, ОБСЕ. Европейская федерация журналистов каждый месяц направляет в Совет Европы заявления о давлении, преследовании, цензуре и непосредственных нападениях в самом обустроенном и благополучном регионе земного шара. Но работа журналистов не становится безопасней.

Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова ещё в 2016 году привела страшную цифру — только 8 процентов убийств журналистов в мире расследованы и завершили судебным приговором. В регионе ОБСЕ — 15 процентов, но это слабое утешение. Более того, только в последнее время Европу потрясли трагедии: взорвана в своей машине самая знаменитая мальтийская расследовательница Дафна Каруана Галисия, убит словацкий журналист Ян Кучак (он погиб вместе со своей невестой), в Стамбуле, в консульстве Саудовской Аравии, убит саудовский журналист Джамал Хашогги. Вероятность скорого расследования этих преступлений у многих вызывает сомнения.

Практика безнаказанности, с которой в сознании европейцев ассоциировались прежде всего Ближний Восток, Мексика, Африка, Юго-Восточная Азия или периферия континента — Балканы и территория бывшего СССР, — пришла в Евросоюз.

Очевидно, что деклараций, содержащих даже самые резкие обещания, недостаточно. И правильных слов, которые регулярно повторяют политики, также мало. Должно появиться какое-то принципиально новое решение.

Именно об этом говорили на довольно необычной конференции, которую организовал офис Представителя по свободе слова ОБСЕ в Вене незадолго до важнейшего дня в календаре ЮНЕСКО.

Главное отличие встречи от многих форумов по безопасности — на этот раз слово дали в основном не полити-

кам и экспертам, а самим журналистам, подвергшимся атакам, родным и близким погибших. Их голоса, их истории, их волнение наполнили зал и создали какую-то удивительную атмосферу, на несколько часов приблизив присутствующих к страшной реальности не в формате сводок и цифр, но в ее человеческом измерении.

«Ей угрожали, сколько я себя помню. Звонили, писали, пугали нас, отца и детей, других родственников. После каждой «громкой» статьи. Люди знали, но молчали. Два раза поджигали наш дом. Машину. Люди молчали. Наконец, ее убили. Люди не очень удивились. И продолжают молчать», — это слова Метью Каруана Галисии, сына мальтийской журналистки. Чтобы оплачивать адвокатов, он сменил работу и вместе с братом продолжает расследование гибели матери.

Коллега Павла Шеремета Катя Горчинская говорила об одиночестве тех украинских журналистов, которые продолжают критически оценивать руководство региона, отрасли, страны.

Пресс-секретарь «Новой газеты» Надежда Прусенкова напомнила о том, что на сегодняшний день наказаны исполнители и заказчики только одного убийства сотрудников газеты — Анастасии Бабуровой и Станислава Маркелова; еще пять дел так и не раскрыты.

Главный редактор «Уральской газеты» из Казахстана Лупкан Ахмедияров, на которого неоднократно покушались после критических публикаций, говорил о страхе, который стал новой формой цензуры. Владимир Ковачевич из Боснийского сербского ТВ, избитый после репортажа об антиправительственных протестах в городе Баня Лука, сказал о том, что жалобы в европейские институты не помогают: власти просто игнорируют беспокойство дипломатов из Брюсселя.

Ине Диппман из немецкого общественного телеканала, пострадавшая во время освещения демонстрации неонацистов в Лейпциге, стала голосом журналистов, столкнувшихся с произволом полиции во время массовых акций в последние месяцы, — их в Европе уже сотни.

Турецкая журналистка, автор настольной книги о гендере в СМИ Элиф Акгуль, напомнила о том, что женщины втрое чаще подвергаются преследованиям и угрозам в сети и что европейские обозреватели обычно говорят об одном-двух резонансных случаях нападения на журналистов, как правило, из столиц, а большинство нападений на журналистов провинциальных СМИ остаются неизвестными.

Главный редактор портала «Печатник» Светлана Лукич рассказала, что временно прекратила работу только тогда, когда стали угрожать её детям, но потом всё-таки возобновила издание.

Паоло Беричци, два года живущий под охраной полиции после угроз мафии, выживший после расстрела «Шарли Эбдо» издатель журнала Рисс, директор хорватского центра расследовательской журналистики Саша Лекович, Татьяна Фельгенгауэр из «Эха Москвы», Лейла Мустафаева из Азербайджана, Павел Добровольский из Белоруссии, Инга Шикорская из Киргизстана, Геворг Газарян из Армении — все те, кто не сдался, не сломался и продолжает делать то, что считают должным — все они говорили об одиночестве. Не об отсутствии единомышленников, поддержки близких, не о признании важности своей работы ведущими профессиональными и правозащитными организациями — но о том, что, по большому счету, многим коллегам и даже многим из тех, кого они старались просветить и защитить, всё равно.

Слушая их, я вспоминала другие голоса — Али Ахмедовича Камалова и Биякая Магомедова из Махачкалы, Михаила Афанасьева из Абакана, Ольги Китовой из Орла и многих других, с которыми в последние годы говорили о том же самом.

Безусловно, свободе слова и неотделимой от нее безопасности в работе журналиста угрожают репрессивное законодательство, коррупция и практика цензуры. Очевидная опасность исходит от агрессивных групп фундаменталистов самого разного рода, националистов и рели-

гиозных фанатиков, которые хотят установить свои порядки в обществе и в информационной среде.

Это реальные вызовы.

Но, может быть, самая страшная угроза — безразличие общества. Там, где работа и жизнь журналиста не имеют ценности, не считаются делом, важным лично для каждого, их будут продолжать бить и убивать, унижать и преследовать. И мы это видим. Но культура безнаказанности не только воспроизводит насилие, она ведет к полной моральной деградации, произволу и стагнации во всех сферах. Свобода слова, защищать которую обязуются конституции и законы практически всех стран, — не просто красивый лозунг. Это важное условие будущего развития, гарантия устойчивости общественного устройства, выработанный за века трагедий и потрясений принцип, альтернативы которому нет.

Именно поэтому ЮНЕСКО в 1993 году решила установить специальный день в календаре, а в 1997 году учредила премию за мужество в журналистике имени убитого мафией колумбийского журналиста Гильермо Кано. Некоторым лауреатам эта премия помогла обрести свободу. Среди получивших ее посмертно — Анна Политковская.

Среди предложений, прозвучавших на встрече в Вене (а предлагали создать национальные комиссии, отслеживающие все случаи, их координацию и многое другое), — простая и вполне реализуемая идея: каждый год в канун Дня свободы слова и Дня борьбы с безнаказанностью рассказывать в СМИ о тех журналистах из самых разных стран, которые отдали жизнь за свободу слова. Начать разговор о значении журналистики надо уже сегодня, надо говорить о важности солидарности, о необходимости диалога в обществе. Мне кажется, это поможет нам не только узнать имена и судьбы тех коллег, кто сделал такой выбор (а мы не знаем большинство имен погибших даже у нас, в России), не только активизировать буксующие расследования, но и напомнить о смысле и значении журналистики нашим читателям и зрителям, а заодно и себе самим. Если мы сами об этом вспомним, есть шанс,

что вместе с читателями сумеем убедить тех, кто принимает важные государственные решения. И добьемся соблюдения законодательства о защите журналистов и коррекции тех законов, которые были приняты поспешно и мешают нам жить и работать. И в перспективе накажем всех, кто «заказывал» журналистов, врал, скрывал правду, и назовем их имена — нет сомнения, после этого общественный климат изменится.

Но это произойдет только тогда, когда мы сами примем решение, что нам всем нужна свободная и ответственная журналистика, что это наше личное важное дело.

День 3 мая, который ЮНЕСКО в этом году встречает в Аддис-Абебе, широко отмечают во многих странах. В России начало мая — особое время года, и Информационный центр ООН в Москве, как обычно, провел мероприятия в конце апреля. Но дело не в дате — у нас в календаре есть и День международной солидарности журналистов 8 сентября, и День памяти погибших 15 декабря, и другие. Главное — знать, что у нас есть шанс сделать личный и солидарный выбор в пользу важнейшей традиции российской публицистики и словесности в целом — идеи свободы, правды и справедливости, сочувствия к человеку и деятельного добра.

Именно эта великая традиция, питавшая нашу великую литературу, ставшую уже всемирным, а не только нашим достоянием, и есть наша гордость, слава и опора, а вовсе не тирания, опричнина и холопство. Она, я верю, придаст нам сил и мужества.

«Журналист», июнь 2019 г.

ПРОГНИВШИЕ «СКРЕПЫ»

Люди не хотят в средневековье

В Санкт-Петербурге гражданское движение «Весна» провело уличную акцию. На импровизированном боксерском ринге активисты представили три сюжета: внук-алкоголик избивает пенсионерку, муж колотит жену и физическое наказание ребенка. Так питерские акционисты отреагировали на состоявшееся в пятницу, 27 января 2017 года, окончательное решение Государственной думы о выведении незначительных побоев близких родственников (не повлекших физической травмы и утраты трудоспособности и зафиксированных впервые) из юрисдикции Уголовного кодекса и переводе ее в юрисдикцию административного права. На практике это означает, что, если до сегодняшнего момента за избивание жены или ребенка можно было получить до двух лет тюрьмы, то после принятия поправок обидчик отделается штрафом до 30 000 рублей (500 долларов США), который может быть заменен задержанием до 15 суток или исправительными работами до 360 часов. В прошлом году статья 116 УК («побои») уже была облегчена, из УК были выведены легкие побои посторонних лиц. Избиения родственников оставались в УК. Теперь, после третьего чтения, 380 депутатов российского парламента поддержали декриминализацию побоев, трое голосовали против.

В преддверии последних чтений по российским городам пошли акции протеста, инициированные женскими и правозащитными организациями, в федеральных и региональных СМИ появились многочисленные публикации, предостерегающие от опасного, по мнению авторов и экспертов, решения. Примечательно, что против декриминализации побоев в семье выступили люди самых разных

взглядов и политических убеждений, практически все серьезные эксперты и даже силовые ведомства. Среди критиков поправки — Министерство внутренних дел, Научно-исследовательский институт Прокуратуры РФ, Институт судебной психиатрии имени Сербского, Общественная палата РФ, Совет по взаимодействию с гражданским обществом и правам человека РФ при Президенте РФ, Ассоциация кризисных центров «Анна», Консорциум женских организаций, десятки гражданских инициатив, рядовые юристы и полицейские. Женские организации просили оставить в УК уголовную ответственность за избиения беременных женщин и детей, но это не прошло.

Инициаторы поправок, в частности депутат Ольга Баталина, не приводя статистических данных, заверили, что общество давно ждет декриминализации побоев в семье; сенатор Елена Мизулина уже не в первый раз сказала, что главная проблема в семье — не домашнее насилие, но агрессия со стороны женщин и отсутствие уважения к мужчине. Статистика полиции говорит об обратном.

Первые официальные данные о числе жертв жестокости в семье, опубликованные почти 20 лет назад, ужаснули: от рук мужей, партнеров и других близких в России за год погибает более 10 тысяч женщин и до 2 тысяч детей. Цифра, сопоставимая с числом советских солдат, убитых за все время Афганской кампании. Только в 2015 году было совершено 50 тысяч насильственных преступлений в семье.

Руководитель ассоциации кризисных центров «Анна» Марина Писклакова-Паркер считает, что эта цифра сильно занижена, так как 70% женщин, обратившихся в кризисные центры, никогда не заявляют в полицию. Новая поправка, смягчающая наказание насильникам, считает эксперт, еще более уменьшит число официальных жалоб и уведет проблему в тень. С ней солидарна член Президентского совета по правам человека Светлана Айвазова, считающая решение ГД очень опасным симптомом и шагом назад в защите жертв насилия. Один из немногих проголосовавших против поправки, депутат Сергей Шаргунов,

считает, что она противоречит Конституции, запрещающей насилие как таковое. Адвокат Мари Давтян напоминает, что речь идет не о шлепках, а о насилии над личностью, прежде всего над несовершеннолетними. Поправка, считает она, только усложнит положение жертв домашнего насилия, тем более что в законодательстве на сегодняшний день нет четкой формулировки жестокости в семье. Юридическое определение домашнего насилия предлагает законопроект о предотвращении семейно-бытового насилия, который находится сегодня на рассмотрении в Государственной думе. О необходимости такого закона уже давно говорят не только эксперты и правозащитники, но и полицейские, которым нужен четкий механизм действий по защите жертв и профилактике жестокости в семье.

За последние 25 лет осмысление проблемы домашнего насилия в российском обществе значительно трансформировалось. В 1991 году она воспринималась большинством как частное дело. Хорошо помню, как несколько месяцев убеждала Виталия Коротича, главного редактора флагмана перестройки журнала «Огонек», опубликовавшего страшную правду о советском прошлом и настоящем, поместить текст об избитых женах. Он долго не мог понять, что это важная тема, такова была сила стереотипов. Сегодня — во многом благодаря огромной работе женских организаций и сотрудничеству российских и международных инициатив — люди осознают, что это преступление, которое должно быть наказано. Даже в популярных сериалах хорошие копы защищают жертв насилия и наказывают распускающих руки мачо. И одним из инициаторов закона о предотвращении насилия наряду с правозащитниками было Министерство внутренних дел.

Российские парламентарии очередной раз не услышали ни пострадавших от насилия, ни представителей гражданского общества, ни профессионалов.

Еще более грустно, что непродуманное, по мнению всех экспертов, решение не только усложнит принятие долгожданного закона о жестокости в семье, но и, скорее

всего, даст зеленый свет ультраправым националистическим группам (к сожалению, пользующимся всё чаще поддержкой власти) вроде «православных родителей» или «ночных волков», которые обвиняют во всех бедах России внешних врагов и «пятую колонну», отравленную либеральным вирусом защиты прав человека. По их мнению, либералы и феминистки, защищающие жертв насилия, покушаются на самое святое — неприкосновенность семьи, основу так называемого самобытного Русского мира. Эти же группы приветствовали, кстати, избрание Трампа как знак победы «нормальных американцев» над ЛГБТ, феминистками и либералами...

Важно понимать, что эти маргиналы, сколько бы они ни кричали, на самом деле не выражают мнения российских людей. Нужно услышать живых мужчин и женщин, которые не хотят жить в средневековье или самодержавно-советской лубочной идиллии, придуманной проворными имиджмейкерами, но надеются увидеть в России уважение к личности, защиту слабого и неотвратимость наказания для насильника.

«Нейшн», февраль 2017 г.

УСТНАЯ РЕЧЬ

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ...

Леонид Жуховицкий о поколении оттепели

Дух свободы, уважение к независимому мнению и честному слову, поиск правды, какой бы горькой она ни была — эти основы отечественной традиции возродили в годы оттепели молодые писатели, так называемые шестидесятники. Они создали не только огромный массив текстов, но и некий нравственный и гражданский код эпохи, который питал и воспитывал как минимум два поколения. Публицистичность, активное участие в обсуждении острых тем, откровенный разговор с самой широкой аудиторией стали знаковыми чертами шестидесятников. Тот мир, который создал своего рода альтернативу официальной идеологии позднего советского «застоя» и подготовил в значительной мере демократизацию перестройки, с его системой ценностей и романтических ожиданий кажется, безвозвратно ушел в прошлое. Или нет?

— Недавно страна простилась с Евгением Евтушенко. Многие писали о том, что вместе с ним ушла эпоха. Куда меньше авторов пытались понять — почему ушла? Что случилось с теми основами, принципами, в том числе в журналистике и литературе, которые вы несли как знамя? Расскажите, как всё начиналось, как вообще зародилось «шестидесят-

ничество», какова роль Литературного института, где учились и вы, и Евтушенко, и многие другие ваши единомышленники.

— Нашему поколению в Литинституте фантастически повезло, примерно 30–40 процентов из нас были вчерашние школьники, остальные — вчерашние солдаты. Со мной на курсе учился Сережа Орлов, прекрасный поэт, танкист, который горел в танке, всё лицо было обожжено, он носил бороду. Расул Гамзатов, окопный лейтенант Гриша Бакланов, десантник Костя Ваншенкин, Юра Бондарев, Володя Солоухин — он правда, не воевал, служил в охране Кремля. Но все равно был мобилизованным, военным человеком. Юлия Друнина, редкая красавица. Коля Старшинов, прекрасный поэт, замечательный человек. И от них мы узнавали правду о войне. Я был мальчик из обычной школы, верил в то, что писали в газетах, в «Пионерской правде», в «Комсомольской правде», что нам говорили в школе запуганные учителя. Когда на семинаре обсуждали «Василия Тёркина» Твардовского, я сказал, что в «Тёркине» очень слабо отражена роль партии и ни разу не названо имя Сталина. В перерыве Коля Старшинов отвел меня в сторону и таким интеллигентным голосом сказал: «Понимаешь, Лёня, на самом деле, всё было по-другому. Там не кричали «За Родину, за Сталина» — а кричали матом». Мы чувствовали себя, конечно, пацанами рядом с этими ребятами, уже много повидавшими. Мы играли в баскетбол, в волейбол, Роберт Рождественский хорошо играл. Когда пришел Женя Евтушенко, мы его приняли восторженно — но не из-за стихов, а потому что он был длинный, а в баскетболе это и надо. Со мной на курсе учился Фазиль Искандер. И мы с ним подружились, и с тех пор до конца его дней так и дружили. Я на Кавказ приезжал и подолгу у него жил в том самом большом доме, который он потом воспел. Потом в институт пришли Белла Ахмадулина и Юнна Мориц, мы тоже подружились, это всё равно был один круг. Беллочка была пухленькая полненькая девочка, с очень суровым недобрым взглядом.

Когда у нее в Женей начался роман, Женя меня уговаривал, чтобы я ее шпынял ее полнотой, чтобы она похудела. Но я от этой дружеской просьбы уклонился.

Та хрупкая красотка с ангельским голосом, которую все потом узнали — это образ, который она сама сделала.

Мы, в общем, все дружили. Хотя, например, у Роберта и Жени были не сахарные отношения. Роберт по натуре был более лояльным человеком. Женька — нет. И у Женьки были к Роберту претензии. А Женя — у него с самого начала был такой характер — постоянно, как Винокуров говорил, «дергал льва за усы». Однажды он мне сказал: «Знаешь, я понял, кто я. Я поэт революции». Написал цикл стихотворений о революции, именно за этот цикл его впервые очень сильно обругали. Потому что руководители наших идеологических контор считали, что революцию надо любить не так, как тот или другой хочет сам по себе, а так, как предписано. А Женя любил революцию сам по себе.

— Ваше поколение хотело видеть идеальную революцию, без крови и тирании? Интерес к истории, культ декабристов, которые стали кумирами?

— То, что мы видели вокруг, мы понимали, не соответствует идеалам революции, как мы ее понимали. Для нас это была борьба за справедливость, борьба за народ... В революции, в декабристах было много жестокого. Но был в лучшем смысле и безусловный идеализм. То есть готовность отдать очень много, а если придется, то и жизнь, во имя идеалов, свободы, человеческого братства. Мы себя называли «ранние христиане»... Бюрократия душила, она была очень жесткой. Но что-то всё же удавалось...

Помню, что тогда не было какой-то творческой ревности к другим талантливым людям. Появился Андрей Вознесенский — стало понятно, что это тоже огромный талант. Когда Женю преследовала критика, Роберт, которого критика ставила на первое место, предложил мне написать статью в его защиту, и мы написали... Потом написал сти-

хотворение «Друг». Это не о том, чтобы Женя к нему стал лучше относиться, это об ощущении братства... И вот постепенно сложился круг тех, кого потом стали называть шестидесятниками. Практически все мы между собой дружили, старались поделиться тем, что узнали. Песни Галича я впервые услышал в исполнении Роберта Рождественского. Он заикался, но как-то пришел ко мне домой и спел мне несколько песен Галича, которые меня восхитили. Я до сих пор считаю, что Галич — лучший сатирический русский поэт. Молодые поэты тогда росли под колоссальным влиянием Маяковского. А Евтушенко как-то пришел и сказал, что лучший поэт — Пастернак, и прочел несколько стихов, «О знал бы я, что так бывает» и «Гамлет», и сказал: «Лёня, ты должен полюбить Пастернака». И я его действительно полюбил...

Так мы жили.

— То понимание мира, человека, взаимоотношений людей, включая гражданские проявления, отношение к своей стране, которое стало частью идентичности советского интеллигента и просто порядочного человека позднего советского периода, возникло впервые в текстах шестидесятников. Эти тексты были насквозь публицистичны, даже стихи. И тогда же возникло понятие «писательская публицистика» (хотя писатели выступали в газетах и были издателями в нашей стране давно). Все зачитывались «Юностью» и «Смелой», у стендов с «Литературкой» выстраивались очереди на городских площадях по всему СССР.

— И перед старой «Комсомолкой» тоже. Помню, на мою статью «Стоит ли прожигать жизнь?» в «Комсомолке» пришло за две недели 15 тысяч писем.

— Больше, чем сегодня в интернете.

— Это было не менее значительно, чем интернет, даже более. Поэт собирал стадион или Дворец спорта. Кстати публицисты тоже собирали. Мы с Сашей Политковским

приехали в Днепропетровск, нас пригласили во Дворец спорта, 6000 человек, мы просто отвечали на вопросы.

— Политковский, как и Фёдор Сизый, у которого в «Новом вторнике» вы публиковали главы из книги о шестидесятниках, и вообще вся старая «Комсомолка», ее молодой тогдашний состав — это были в широком смысле ваши ученики. То есть многие нынешние главные редакторы, «золотые перья», те, кто задает во многом тон и планку качества в профессии, — воспитанники шестидесятников...

— Да, и Юра Щекочихин, Паша Гутионтов, и Лёня Загальский, и еще многие. И сам «Деловой вторник» — уникальный проект, я бы его назвал вполне «шестидесятническим».

— Евтущенко стал депутатом первого, относительно независимо выбранного, Верховного Совета СССР в 1989 году — всем это казалось вполне логичным и даже необходимым. Депутатами стали тогда Бакланов, Черниченко, Коротич, Щекочихин, Кугультинов... Люди верили, что поэты и журналисты приведут страну в норму. Для самих поэтов это было продолжением юношеской мечты о том, что справедливость и правда должны восторжествовать? Как у Окуджавы — «для друзей строят кабинеты»?

— И Горбачёв, и Ельцин были шестидесятники. В воспоминаниях Сахарова прочел, что они дома слушали пленки Окуджавы. На этой волне поколение выросло и в конце концов освободило Россию от рабовладельческого строя. Жена югославского посла в России как-то рассказала, что Окуджаву впервые услышала благодаря Сергею Хрущёву, тот сказал: «Папе почему-то не нравится». Так было!

Когда Роберта зачем-то позвали к Ильичёву в ЦК, Ильичев спросил: «Дети приносят пленки домой, кто такой Окуджава?». Роберт ответил: «Очень хороший поэт».

Женя сказал однажды: «Поэт в России больше, чем поэт». Кто сейчас у нас больше, чем поэт? Майор Прилепин?

Писатели говорили о том, что дороже денег. Об этом писали. И люди это восприняли.

— Что из сделанного шестидесятниками вам кажется самым главным?

— Сейчас, когда Женя умер, я подумал, что во всём, что он делал, была высочайшая порядочность. Такое старомодное слово. На одном из своих последних выступлений по ТВ он говорил о положении русских немцев. У нас о репрессированных народах много говорили, слава богу. Но немцы тоже были репрессированным народом, и перед ними никто не извинился. Хотя во время войны просто гребли и вышвыривали. Когда сейчас говорят о славянском братстве и каком-то еще, я вспоминаю слова Саши Городницкого: «Родство по слову порождает слово, родство по крови порождает кровь». Сейчас слишком много говорят о родстве по крови. А гораздо важнее родство по слову. Пушкин был поэтом для всех народов Советского Союза. И Женя был поэтом для всех, и везде, где была такая возможность, это подчеркивал. Во всем мире гремел его «Бабий Яр», но он писал не только о евреях, писал о цыганах, о малых народностях Дальнего Востока. И о немцах не случайно вспомнил. Для него то, что называется интернационализмом, было элементарной человеческой порядочностью. Это было в крови. Мы дружили все вместе, любили Ахматову, Маяковского, Пастернака, и никому в голову не пришло говорить о том, что Маяковский был с одной стороны из казаков, с другой — сечевик, а по рождению — грузин, что Пастернак был еврей, а Ахматова, видимо, украинка. Это всё была русская литература. Самое главное общее достояние. То, что и держало страну на поверхности. Страна, у которой великая литература, — непобедима.

— Многие упрекали Евтушенко, да и не только его, за сотрудничество с властью, за поездки по миру на государственные средства...

— Великий поэт — это должность. Пастернак был гениальный поэт, но великим поэтом в это время был Твардовский. Твардовский мог ответить на вопрос Хрущёва о литературе: «У нас в лесу есть птицы певчие и птицы ловчие, я боюсь, что птицы ловчие передушат всех птиц певчих». Так и было. Птицы ловчие всегда крутились вокруг трона и всегда душили певчих. Евтушенко ненавидели больше всего потому, что не могли придушить.

— Что не сумели сделать шестидесятники?

— Я думаю, что шестидесятники сделали всё, что могли. Мы умнели вместе со страной. У Женьки в стихах были такие слова о революционере: «Не мог понять парень с шашкой наголо, что будет Троцкий и Бухарин и будет Берия потом». Даже он не понимал, что Троцкий был великим революционером, что Бухарин защищал то крестьянство, которое было уничтожено Сталиным. Мы умнели, помогали поумнеть друг другу и нашим читателям. Сейчас иногда говорят — по ТВ тоже — что шестидесятники потерпели неудачу. На самом деле даже те, кто это говорит, все эти милые люди, они могут говорить то, что думают. И они могут делать это только потому, что были шестидесятники. Иначе ничего бы не получилось. Сегодняшняя возможность печатать то, что ты пишешь, пусть небольшим тиражом, и говорить, что думаешь, — это всё о том, что шестидесятники выполнили свою задачу больше, чем на сто процентов. Просто желаний было больше, чем возможностей. Недавно я услышал от одного телеведущего: «Мой дед Феликс Светов», — это меня потрясло. Феликс Светов и Зоя Крахмальникова были мои близкие друзья, с Зоей мы учились на одном курсе, вместе готовились к экзаменам, помню их новую квартиру на Курской, которой Феликс очень гордился, и худенькую девочку Зою, которая теперь — известная правозащитница и мама троих журналистов... Теперь ровесников почти не осталось. Только Володя Войнович и Эдик Успенский, правда, он помоложе...

Одна моя статья называется «Время убирает свидетелей». Ушел Женька — свидетель эпохи. Фронтовиков осталось раз-два и обчелся. Хорошо, что в Петербурге живет Даниил Гранин. Они уходят, и всякие лакеи могут спокойно врать. Как Медынский. Какая разница, были панфиловцы или нет? Было их 28 или больше? Все погибли или кто-то на свою беду остался жив? Когда-то Саша Смирнов воскресил защитников Брестской крепости. Их ведь тоже записали в мертвые герои. Сейчас происходит нечто подобное. Боря Васильев, потомственный русский офицер, сказал однажды, что всегда было две правды о войне — правда крестьянская и правда дворянская. Крестьянин — на передовой солдат: он видит, как «мы стреляли, мы им всыпали». Дворяне — офицеры: после каждого сражения думают, а где мы ошиблись, что сделали не так. Почему? Их дети тоже станут офицерами. И если они будут врать про это сражение, их детей убьют в следующем. Надо уроки извлекать, а уроки извлекают не столько из побед, сколько из поражений.

Сейчас очень мало осталось свидетелей шестидесятников. Но живут песни... Кто-то мне сказал, что лет через 50 даже тот фильм, который о них снят, будут смотреть, не вдумываясь, правда это или нет. И, может быть, появится желание прочесть книжку, стихи... Недавно я в интернете прочитал, что в Серпухове городской тамошний театр поставил мою пьесу «Выпьем за Колумба», которая в свое время была 25 лет запрещена. Я приехал. Ее поставил Товстоногов, а потом обругали в «Правде» — и всё. И когда меня вытащили после спектакля на сцену, я сказал: спасибо тем, кто играл, и тем, кто пришел, оказывается, как у Булгакова, рукописи действительно не горят.

Так что я верю, что начатое шестидесятниками будет продолжено. Наверное, главное — ставить перед собой невыполнимые задачи...

«Журналист», январь 2018 г.

ПЛАНЕТА 6-й ЭТАЖ

Борис Минаев об опыте поколений

Старая «Комсомолка» — школа свободной журналистики в несвободной стране. Почему традиция не продолжилась после отмены цензуры?

— Боря, согласишься, нам с тобой невероятно повезло: мы начали печататься и работать в старой «Комсомолке», точнее, в «Алом парусе», вместе с нами, на шестом этаже ныне уже сгоревшего здания на улице Правды, 24, работали легендарные мастера и практиковались будущие «золотые перья», ведущие менеджеры и правозащитники, кумиры экрана и политики. Почему, на твой взгляд, главная молодежная газета в тотально несвободном СССР смогла стать школой смелой и честной журналистики, а в свободной России всё стало иначе?

— Я об этом давно думал, о таком парадоксе российской журналистики. Это не только «Комсомолка», это и «Литературка», и «Известия», и другие издания. В каждом из них была своя школа. Советский читатель раскрывал газету, проглядывал заголовки и видел, что большинство материалов совсем не для чтения, такая идеологическая обязателька, и искал, а что почитать? И легко находил. В этом и был парадокс или, напротив, закономерность лучших газет того времени. Все работали в очень жестких рамках. Но в каждом номере ведущих изданий непременно можно было прочитать что-то интересное. Это было, можно сказать, делом чести каждой выпускающей бригады. Материалы о человеческих драмах, о культуре, образовании. В каждой редакции, несмотря на самый строгий контроль, были свои «золотые перья».

— Доверие к журналистам было невероятным. Газет вообще выходило мало, а тиражи были нереальными по сегодняшним меркам. «Комсомолка» печатала 17 миллионов экземпляров, линотипы самолетами каждый день отправляли с крупные города. Журналистов знали по именам, писали личные письма — сотни конвертов получали ежедневно. А если журналист ехал по письму в командировку, то наверняка что-то потом происходило — публикация могла и из тюрьмы освободить несправедно осужденного, и с работы выгнать нерадивого.

— Хотя у молодежной газеты возможности были более ограниченные, чем у партийной, всегда могли позвонить из обкома партии в редакцию и отменить командировку по письму, сказать, что «не вашего уровня дело». Партийную прессу или ту же «Литературку» больше боялись. С другой стороны, атмосфера в редакции молодежной газеты была куда более свободная и неформальная.

— Мне кажется, в «Комсомолке» всегда прислушивались не столько к мнению редактора, сколько к позиции наших мастеров, старались завоевать их одобрение. И все прекрасно понимали, что хорошо, а что нет, что если ты хочешь стать настоящим журналистом, ты не должен идти на некоторые поступки, не должен врать ни в коем случае. И многим это удавалось.

— Требования к материалу были строгие. Во-первых, надо было хорошо писать. Ярко и интересно. Очень строгие правила проверки. Юра Гейко показывал мне странички блокнота, куда записывал свидетельства рабочих какого-то харьковского, кажется, или запорожского завода, где он разбирал конфликт. Ручкой писал, диктофонов тогда еще не было. И на каждой страничке герои должны были поставить свои подписи, что да, всё верно. Нельзя было ходить в ресторан с героями материалов, с людьми из обкома, «принимавшей стороной», если материал был критический. Насчет общего настроения... Или скажем так, газетной этики. Боролась ли газета с советской влас-

тью в принципе? Вроде бы нет. Хотела ли, чтобы власть была более человеческой? Кажется, да. Но из всего корпуса текстов для чтения в газете ты понимал, что этические правила профессии — они помимо инструкций и указаний, они в самом воздухе разлиты. Никто нам конкретно ничего не объяснял. Никто не призывал тебя читать запрещенные книги Зиновьева или «Архипелаг ГУЛАГ», это было твое личное дело. Но было понятно другое. Что если за справедливость в целом, во всей стране, бороться невозможно, то за справедливость в каждом конкретном случае — вполне. И вот этот настрой, этот поиск справедливости был очень важен. Это нас вдохновляло. Вообще, редакция тех лет обладала чрезвычайной энергетикой, огромное количество людей сюда просто притягивало, они приходили со своими проблемами, приносили тексты или письма, сидели в редакции, участвовали в разных газетных акциях, а их было великое множество. Володя Снегирёв вместе с Дмитрием Шпаро прорывались на Северный полюс и дрейфовали на льдинах, как папанинцы; Лёня Репин без конца ставил эксперименты на выживаемость, отправлялся то в тайгу, то на необитаемый остров, то в пустыню, и писал захватывающие тексты об этом. Сплавливались на плотах, поднимались на горные вершины, летали на воздушном шаре... Песков писал о природе, создал целое направление в журналистике, потом вышел его «Таежный тупик».

— Голованов готовился к полету в космос, между прочим, если бы не изменения в руководстве космической отрасли, полетел бы! Лидия Графова спускалась на батискафе на дно Байкала и летала на Южный полюс, а до этого прошла по «золотому кольцу Колымы» и написала о бывших узниках сталинских лагерей, кажется, впервые в советской печати... Вообще, газета активно экспериментировала, наверное, почти все те формы, которые сегодня стали повседневностью, от горячих линий, акций и конкурсов, до вполне рискованных предприятий «меняющих профессию» журналистов, начались именно там. Плюс, конечно, активный право-

защитный, как сегодня бы сказали, фокус. Статья Инны Руденко «Долг» о раненом в Афганистане солдате стала прорывом, признанием наших потерь и привела к созданию системы помощи «афганцам», которых до того вообще как бы не было.

— Да, это было удивительное время, и газета давала возможность людям, жизнь которых было строго очерчена замкнутым и регламентированным кругом (работа — комсомольское собрание — программа «Время» по ТВ), прикоснуться к чему-то экзотическому, необычайному, это их вдохновляло... Насчет информационного пространства — тогда огромная страна была значительно более компактной информационно. Сейчас жители одного региона с трудом представляют, что творится в соседнем. А тогда была идеология, был контроль, но «Комсомолка» оставалась «одна на всех» — все понимали, о чем написано даже между строк, все обсуждали одни и те же книги и перемещались по стране довольно легко.

— И журналисты при этом значительно тщательнее работали над своими текстами, и тексты были глубже и значительнее. И их обсуждали не только на «летучках», но и до публикации. Приезжая из командировки, рассказывали о своих впечатлениях, и в обсуждении выкристаллизовывались главные детали будущего материала... А как много молодых журналистов приезжали на практику из республик СССР и регионов!

— Я попал в редакцию еще школьником, то есть сначала я поступил в ШЮЖ (школу юного журналиста при МГУ), мы написали в ШЮЖе сочинение «Эхо войны», близилось тридцатилетие Победы, сочинение опубликовали в подборке вместе с другими. Помню, долго стоял перед газетным стендом, лил страшный дождь, но я не уходил, промок до нитки и был безмерно счастлив от того, что увидел свою фамилию в газете. Потом Юрий Щекочихин, он тогда был капитаном «Алого паруса», пригласил авторов прийти в редакцию. Какой капитан? Почему в газете есть капитан?

Что это такое? Помню, позднее совершенно всерьез какой-то офицер меня в одной командировке спрашивал: а это звание кто присваивает? Это была такая игра, которую все, вплоть до главного редактора, принимали.

«Алый парус», отдельный мир на планете 6-го этажа. И мы с Мишей Дубровским тогда вместе пришли в комнату 642. Это была совершенно другая жизнь. Жизнь внутри редакционной комнаты, она обладает свойством заражать, такой вирус свободных отношений, творчества, и в то же время это очень жесткая производственная история. Опоздаешь — тебя уволят, ошибешься — тебя уволят. По крайней мере, так кажется поначалу. И я стал просто туда ходить.

И был еще клуб «Алый парус» — как бы при газете, но отдельный. Мы им очень увлеклись... Клуб занимался больше акциями, социальными проектами, как бы сегодня сказали; далеко не всё выливалось в заметки. Ездили в отдаленные детские дома, в дом слепоглухонемых детей в Сергиевом Посаде. Социальных практик такого рода, самодельных и очень человеческих, было очень много, это не исследованная пока что часть советской реальности. Так же, как не исследовано наследие советских гуманистов и просветителей, начиная с Дмитрия Лихачёва и Симона Соловейчика, Шалвы Амонашвили и Юрия Лотмана.

«Парус» — детище Симона Соловейчика и Ивана Зюзкина, он возник в газете как продолжение «коммунарских» отрядов и встреч. А когда в середине 70-х пришел Щекочихин, он принес с собой острые темы, интерес к жесткой стороне жизни подростков, к криминалу. Открыл первую «горячую линию» для трудных подростков.

Новый, после Юры, ушедшего в «Литературку», капитан «Паруса» Павел Гутионтов вместе с Геннадием Жаворонковым, завотделом учащейся молодежи, придумали новую рубрику — вопросы взрослым от имени подростков. Несколько десятков интервью вышли в газете, в том числе Окуджавы, Стругацкого, Быкову, Самойлова, Искандера... Отдел литературы подобного себе позвонить тогда не мог.

— Отношение старших коллег, тех же Руденко, Голованова, Яковлевой, к младшим поражало, они могли часами с тобой говорить о твоей заметке. Может быть, это было основой школы?

— Журналистика была, с одной стороны, целиком зависима от решений партии, а с другой стороны — более многомерна, она понималась как более сложное по своим задачам занятие, чем сейчас. Эта сложность определяла наши мозги, мне кажется. И, конечно, был тот самый вирус газетной жизни, редакции. И наша молодость... Атмосфера всеобщего счастья, несмотря ни на что, она, увы, невозможна. И все мы оказались вместе как бы в странной такой волшебной коробочке... Уникальная атмосфера, уникальная ситуация. Всё было непохоже на тот мир, который встречал нас, когда мы выходили из редакции. С начальством можно было говорить открыто, спорить... Да просто крышу сносило, когда на новогоднем редакционном капустнике шутили публично над начальством, понимая, что могут назавтра уволить — но никого не увольняли... Тогда в основе жизни редакции были человеческие отношения, это было даже важнее, чем способности. Не уверен, что в нынешних редакциях это сохраняется... Это была такая эпоха, затянувшаяся оттепель, продлившаяся на планете 6-й этаж. И в то же время предвестие перемен, которые мы ощущали острее, чем может быть, наши взрослые коллеги. Наверное, то, что мы делали, было не вполне журналистикой. Не в классическом, общемировом понимании этого слова: новости, комментарии экспертов, нейтральность и объективность. Вот уже больше двадцати лет мы пытаемся делать эту просто классическую журналистику. Получается не всегда.

— О свободной бесцензурной журналистике мечтали, кажется, все на нашем шестом этаже. Не случайно некоторые, как только стало возможно, ринулись создавать коммерческие проекты, некоторые вполне преуспели. И каким-то непостижимым образом мы всё время пересекались во време-

ни и пространстве... Но я всё же думаю об «Алом парусе», о нашем поколении, каком-то промежуточном...

— Роль нашего поколения неоднозначная и драматическая довольно-таки. Кто-то в 90-е годы оказался выброшен из профессии — банально не хватало денег, и люди уходили в другие отрасли; кто-то, наоборот, резко пошел в гору... Кто-то ворочает огромными делами, а кто-то — живет на очень скудные гонорары. Поколения в журналистике сменились, и не один раз, за эти годы, сменились и нормы, и правила, сменился, как ты понимаешь, и идеологический фон — тоже не один раз. Но мне кажется, именно наша формация остается носителем того самого этического кодекса, который не разлагается на простые составляющие, у которого нет писаных законов, инструкций, то есть это то, что разлито в воздухе. Умение дышать этим воздухом свободы, стремиться хотя бы к нему — вот это наше. То, что за деньги сделать нельзя.

«Журналист», март 2018 г.

ОЧАРОВАННАЯ СТРАНИЦА

Памяти Эльвиры Горюхиной (1932–2018)

«На войне больше всего поражает человечность. В горячих точках порог ощущения живого меняется. Там возникает ощущение жизни как дара. Каким-то образом сквозь ужас рождается желание всепрощения, стремление обогреть другого».

Эльвира Николаевна Горюхина написала эти слова после одной из своих поездок. Не могу поверить, что их больше не будет. Ее заметок, ее страстного разговора, заразительного смеха. Что ее вообще больше нет. Я впервые увидела ее в 1985 году дома у Нелли Логи-

новой из «Литературной газеты», она приехала из Новосибирска. Потом пересекались время от времени. Не забуду прекрасный круглый стол в РГГУ в честь ее 85-летия, низкий поклон Юре Троицкому за это. Вполне в духе Горюхиной — не о ней, конечно, но о свободе слова, фейках, журналистской чести... После этого мы виделись еще совсем немного — на презентации фильма «Груз несвершенного», они с Натальей Геннадьевной Фиш приехали. И дома у Натальи Геннадьевны, где мы записали это интервью. Краткий вариант вышел под другим названием в профессиональном журнале. Мне кажется, важно еще раз услышать голос Эльвиры Горюхиной. Он продолжает звать нас к добру и правде.

* * *

Журналист не должен быть пристрастен к своим героям. Не имеет права сделать их частью своей жизни. Не может в командировке заниматься другой работой. «Золотое перо России», лауреат премии журнала «Дружба народов» и премии имени Сахарова «Журналистика как поступок», Эльвира Горюхина с самой первой газетной публикации нарушала эти и многие другие правила. И продолжает нарушать.

В горячих точках она ищет первым делом школу или то, что от нее осталось, когда закончились боевые действия, не спешит уехать и наряду с местными педагогами ведет уроки литературы — в Осетии, Карабахе, Ингушетии, Чечне, Беслане... Читает с детьми Лермонтова и Толстого, Бунина и Бродского и говорит с младшеклассниками, как с равными.

В отрывках из сочинений чеченских школьников, которые она публиковала в своих заметках, открывалась та правда о происходящем, о которой не писали самые честные и отважные военные корреспонденты. А сочинения своих новосибирских учеников о Кавказе и «Хаджи-Мурате» она предлагала в самый разгар чеченской войны обменять на 10 захваченных боевиками милици-

онеров. Ее публикации в «Первом сентября», «Новой газете», «Дружбе народов», книги «Записки учительницы о войне» (2000) и «Не разлучай нас, Господи, не разлучай!» (2004) — не только и не столько о трагедиях и страшной повседневности войны, — но о непобедимой силе добра. И тексты ее, тоже «неправильные» с точки зрения строгости жанра или актуального формата, не только волнуют читателя, но и расширяют наше представление о возможностях современной журналистики как таковой. Сама себя она называет не репортером — но странницей...

— Эльвира Николаевна, вы много лет печтаетесь в «Новой газете». Но первые заметки из горячих точек появились в начале 1990-х в только что возникшем «Первом сентября» Симона Соловейчика. Как это было?

— В 1991 году я поехала в Грузию, чтобы своими глазами увидеть, что же там происходит. Ничего не собиралась писать. В Грузии до этого бывала множество раз, и друзья из Тбилиси и Сухуми приезжали в Новосибирск тоже часто. Но я ничего не понимала. Не верить же телевизору. Никакого заранее намеченного плана, даже обратного билета. Пробыла там дольше, чем рассчитывала. И поняла, что должна вернуться. Назад в Новосибирск я обычно летела через Москву, рассказывала московским друзьям о том, что видела. И Неля Логинова (*обозреватель «Литературной газеты» — Н.А.*) сказала, что я должна непременно пойти в «Первое сентября» к Соловейчику. А тот после нашей первой встречи в редакции велел мне немедленно написать текст и придумал название «Почему я поехала на войну». С этого момента он от меня не отставал, мог позвонить в любое время, и после каждой поездки — в Грузию, в Карабах, Осетию, Чечню — требовал текст. Печтал под грифом «Срочно», никакой правки! Так что если бы не Сима, ничего бы от моих поездок не осталось на бумаге...

— О чем был первый сюжет?

— О мальчишке. Мы были в Западной Грузии, демонстрация, вооруженные люди с двух сторон. Мальчишка лет шести увидел военных с автоматами — и бегом к ним. А напротив, через поле, — тоже вооруженные люди. Враги, тоже грузины. Он и к ним потом пошел. И назад. Вот он шел от одной шеренги вооруженных людей через поле к другой и ничего не понимал.

Помню его глаза, когда он оказался между двумя враждующими силами.

— План поездок был, хотя бы предварительный?

— Главный план — встретить людей. Прийти в школу. Ролан Быков сказал когда-то, что главное место в любом городе или селе — это школа. Не Дом культуры, не администрация. Пока не побываешь в школе, вообще ничего поймешь.

— Про вас однажды сказали, что вы на самом деле не журналист вовсе, но летописец трагического опыта, который не вмещается в рамки стандартных форматов. Есть мнение, что сегодня именно женщины в профессии расширяют заданные рамки, вторгаются в реальную жизнь, помогают своим героям, участвуют в их судьбе. Особенно на войне. Вы согласны?

— Про меня Сергей Соколов из «Новой газеты» как-то сказал: Горюхина возродила жанр странничества. Надела рюкзак и пошла. Наверное, он прав.

Ты идешь по дороге, не знаешь, где будешь ночевать. В какую сторону вообще пойдешь. Хотя, конечно, моя задача — побывать в школе, осетинский, ингушской, в Грузии, в Карабахе... Привычный маршрут — из Назрани: в Северную Осетию, по военно-грузинской дороге до Тбилиси, оттуда в Нагорный Карабах. Денег нет на самолет, надо ехать на автобусе... Да, я, наверное, не журналист, я всегда стараюсь вернуться в те места, где уже побывала, посмотреть, что там случилось, повидать людей...

— Вы побывали практически во всех горячих точках Северного и Южного Кавказа в самый разгар боевых действий. Встречались с участниками противоположных сторон конфликта, попадали в села и районы, куда практически никто из журналистов не мог попасть. Как это удавалось?

— Меня спасало то, что я русская учительница из города Новосибирска. Почему чеченские дети писали в ответ на мою просьбу рассказать о себе и своей жизни? Писали бы они русской журналистке? Я приходила и говорила: «Моих детей очень волнует ваша судьба, я к вам пришла, потому что хочу детям в Новосибирске рассказать о вас. Они хотят узнать о том, как вы живете. Всё, что вы напишете, будет лежать на партах у моих учеников, когда я вернусь домой». И чеченские дети садились за парты и писали. В 1995 году я приехала в Самашки, был уже третий штурм села. Самолеты, вертолеты, артиллерия. Но школа была открыта! И две чудные учительницы-чеченки, Луиза и Лиза. Спрашиваю, преподают сейчас Лермонтова, Толстого? Отвечают: только их сейчас и надо преподавать, «Валерик» Лермонтова и «Хаджи-Мурат» Толстого. Вот кто спасал честь России!

**— Верно ли, что в свое время вы к Фиделю Кастро про-
рвались, единственная из всей советской делегации, и за-
ставили его читать школьные сочинения своих учеников?**

— Да, была большая делегация. Поэтесса Людмила Щипахина решила преподнести Фиделю цветков. Розу. Не пустили к команданте. Безопасность. А я прошла с сумкой детских сочинений. Что у новосибирской учительницы может быть?

**— Какое редакционное удостоверение вам дороже дру-
гих?**

— Однажды Ролан Быков выписал мне документ, простую бумагу от его Фонда, о том, что просит мне помогать и пропускать везде, что я учительница и меня волнуют только дети и старики. Эта бумага мне помогла не раз.

— В 1990-х многие помнили, кто такой Ролан Быков. Сегодня, наверное, уже нет. Выросли поколения, у которых нет тех общих воспоминаний.

— Не так давно в Подмоскowie, в Пущине, проходила школа молодых педагогов, приехали тридцать учителей из Чечни и из российских городов. И знаете что? Они работали, спорили, реагировали на программу совершенно одинаково, и не сразу было понятно, кто из Чечни, а кто из Подмоскowie! Спорили, между прочим, о том, стал бы Толстой Толстым, если бы не писал о Кавказе. И чеченские педагоги доказывали, что и без «Хаджи Мурата» он был бы великим писателем, «Севастопольские рассказы» уже это показали. Вот где настоящие скрепы!

— Вы всегда очень живо рассказываете об увиденном на войне. Часто было страшно?

— Я не всегда понимала. Не понимала, почему советуют прыгать из грузовика, наклониться. Почему майор Измайлов, с которым нас задержали в Чечне, пока я заговаривала зубы охраннику, незаметно вырывал из блокнота страницы с контактами наших силовиков... Потом, когда всё обходилось, уже не было страшно... Главное на войне — это люди, которые с тобой. У меня есть подруга Тамара, в Панкисском ущелье. Помню, мы идем с ней по приграничной полосе и я замечаю, что она как-то странно идет, петляет. Спрашиваю, почему. Отвечает — чтобы я оказалась на другой стороне, не на стороне боевиков. Потому что ее как чеченку вернут родным, а за меня будут просить выкуп, миллионы. Кто мне Тамара эта? Которая сама готова попасть к боевикам, чтобы меня спасти? Кто мне другая женщина, Амалия, которая почти не знает русского языка, которая нас с Еленой Милашиной вела в безопасное место? И многие другие? К этим людям мне всегда хочется вернуться. И я возвращаюсь, по одному и тому же маршруту, и через год еще... И они меня ждут.

— Что больше всего поразило на войне?

— Человечность. В горячих точках порог ощущения живого меняется. Возникает ощущение жизни как дара. Каким-то образом сквозь ужас рождается желание всепрощения, стремление обогреть другого.

— Вы верите в Бога?

— Не могу сказать, что я очень церковный человек, но когда в день моего рождения мы оказались под обстрелом, я думала — ведь, наверное, я зачем-то родилась, и будет очень неправильно, если в этот день меня убьют. Просила, чтобы этого не случилось... Я свою книжку назвала «Не разделяй нас, Господи, не разделяй». Это слова молитвы, я слышала их в южноосетинском селе, разбитом совершенно, ее на грузинском читала старая женщина, они просила о мире, со всеми...

— Сегодня всё чаще говорят о том, что главная причина конфликтов на Кавказе и всех трагедий, случившихся за последние десятилетия, — распад СССР, незрелые попытки построить демократию, свободную от советского опыта. Вы сталкивались с ностальгией по советскому прошлому на Кавказе?

— Знаете, что удивительно? Нигде, ни в одном селе или городе, я не видела разрушенных бюстов Ленину и Сталину. Ванати, Цхинвали, Сухуми... Разгромленная школа, дома, весь город в руинах — и в неприкосновенности бюст Сталина. И Ленин стоит. Я понимаю, почему мы возвращаемся к Ленину и Сталину, почему они из нашей жизни не уходят...

— Недавно в «Новой» вы снова написали о том, что культура, слово, великая русская литература спасут страну. Но дети читают мало и слышат так много случайных и просто злых слов...

— Они понимают значительно больше, чем нам кажется. Вот пример. В Кострецах, 300 километров от Москвы, закрывали школу. Глава администрации района обещал

перед выборами открыть новую и обманул. Школьники вышли на митинг. Сами, без учителей. Начиная с третьеклассников. Я писала об этом. Спросила у детей, что они чувствовали, когда лицом к лицу встретились с этим самым главой администрации — смущение, страх? Один девятиклассник подумал и сказал — нет, это была ненависть. Вот совершенно новое восприятие, его не было еще несколько лет назад. Ненависть к вранью и желание отстаивать свои интересы. Молодым сегодня надоело, что их всё время обманывают...

* * *

Через несколько дней после нашего разговора с Горюхиной я получила письмо, которое не могу не привести хотя бы частично.

«Дорогая Надежда! Я как-то упустила, что вы записываете на диктофон, говорила наспех. Вы ушли, а я поняла, что важное не сказала, а то, что сказала, сумбурно. Хочу уточнить одну вещь. Помните, я настаивала: подлинные скрепы — это Толстой и Лермонтов... Не сказала главное: доверие на войне обеспечивается не только громкими именами, а теми именами, которые спасают честь русского народа. Доверием может стать (и становится!) человек. Человек не вообще, а конкретный, имеющий имя.

За десять с лишним лет блуждания без единого удостоверения попадала в страшные переплеты. Как выходила из них? Просто. Если ты долго ходишь, у тебя знакомых оказывается много. Вот они тебя и спасают.

Вот эти невидимые глазу сцепления сердец — самое сильное впечатление на войне. Вселенная тебе покажется домом. Все друг другу так или иначе родственники. Национальность не имеет никакого значения, а если имеет, это дело десятое, двадцатое. Ты — человек! Этим сказано всё. Так что защитников на войне было много. Иногда достаточно сказать одно имя — и ты в безопасности...»

На прощании с Эльвирой Николаевной собрались самые разные люди, старые друзья, ученики, коллеги, очень много молодых лиц.

Светлая память, Эльвира Николаевна. Вы навсегда останетесь с нами.

«Новый журнал», декабрь 2018 г.

ЧТО ДВИЖЕТ ЗВЕЗДЫ И СВЕТИЛА

Лидия Графова о смысле профессии и защите прав человека

Лидия Графова — уникальная фигура на отечественном журналистском Олимпе. Она не устает разрушать привычные и вновь возникшие стереотипные представления и мифологемы о смысле и роли профессии в российской действительности, о фатальном значении поколения или школы, о неотвратимой смене стилей, жанров, констант и предпочтений аудитории. Отчаянно противостоит популярной идее о сервильности и изначальной зависимости журналиста — в 2016 году делает это с той же страстью и самоотверженностью, что и в середине 1960-х, и личным примером доказывает, что совершенствование быстротекущей действительности зависит в том числе от конкретного выбора и действий конкретного человека. В течение одной недели она умудрилась получить орден Андрея Первозванного и награду Московской Хельсинкской группы. Является бесспорным приверженцем одной темы, которой за двадцать с лишним лет посвятила более 500 статей и очерков в газетах с несхожей политической ориентацией. Также стала абсолютным чемпионом по числу критических по отношению к государственной

политике публикаций в официальном издании российского правительства — «Российской газете». Наконец, именно ее публикации смогли повлиять на изменение и совершенствование этой политики, хотя до совершенства еще очень далеко. Точного числа людей, которым она сумела помочь, поддержать и просто спасти, не знает никто, даже она сама.

«Статьи в защиту обиженных властью людей я начала писать еще в «Комсомольской правде». В те глухие советские времена само словосочетание «права человека» считалось крамольным, о том, что творится с этими правами в нашей стране, говорили только «вражьи голоса» в эфире. Когда в 1978 году я перешла из «Комсомолки» в «Литературную газету», пробивать «крамольные статьи» стало легче, — пишет она в предисловии к последней книге «Разнесенные ветром», удивительной и очень своевременной книге. И продолжает: — На западе такого журналиста сочли бы выбывшим из профессии. Там задача журналистов — просто давать информацию, а я не могу быть объективной — мешаю «правозащитный ген», всё пытаюсь (впрямую!) влиять статьями на власти. Общество у нас в России иное, чем на Западе, рычагов влияния на власть у нашего общества нет. Вот потому и возрастает роль прессы».

«Разнесенные ветром» — это удивительное собрание опубликованных текстов, оставшейся за кадром при подготовке материалов переписки с инстанциями, героями публикаций, властителями дум, тем же Александром Солженицыным или Михаилом Горбачёвым, это история сопротивления несправедливости на фоне трагедии и Форума переселенческих организаций, которому в апреле исполнилось 25 лет. История личного подвига десятков не сломленных обстоятельствами людей. А также — размышления автора о сути происходящих с нами всеми за 25 лет перемен. В том числе — о профессии. Книгу уже многие коллеги прочитали. Она была представлена на торжественном вечере в честь

25-летия Форума в Центральном доме журналиста в Москве и на специальном заседании Совета по правам человека при Президенте РФ по проблеме миграции. Но, думается, ее не вредно было бы включить и в программу обучения молодых журналистов — в книге не только слепок истории граждан страны, которой больше нет, не только отчет о преступном равнодушии и героическом сопротивлении ему, но и о бесконечности личного подвига и веры в человека.

Наш разговор с Лидией Ивановной, прерываемый постоянно телефонными звонками, — своего рода пунктирные заметки на полях, некоторые акценты на том, что могло бы помочь полнее понять не только феномен Графовой, но и значение современной журналистики тем, кто только начинает путь в профессии или задумывается о нем.

— Почему вы решили пойти в журналистику? Что увлекло?

— Я даже не знаю. Я жила в Крыму, в Симферополе. Старалась много читать. Помню, на меня произвела очень сильное впечатление статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе». Это была знаменитая статья. Пожалуй, она и стала каким-то толчком. Сочинения я всегда писала хорошо и с восьмого класса публиковалась в «Крымском комсомольце». Вот и всё. У меня не было альтернативы.

— И сразу в «Комсомолку»?

— Сначала был факультет журналистики. Недавно меня пригласили на факультет вместе с двумя моими бывшими однокурсниками, что-то а-ля мастер-класс, и назывались мы «дети оттепели». Мы вспоминали, как в этой самой аудитории принимали Дудинцева, как всё это было. Нам очень повезло в жизни. Я, конечно, сказала студентам, что по сравнению с ними мы были просто счастливые.

Тем более нужно сегодня сопротивление тому черному облаку, которое спускается на Россию.

— Кто вам преподавал? Кто остался в памяти?

— Любимая моя Кучборская Елизавета Петровна: «О, Агамемнон!..». Или потом принимает экзамен, кто-то говорит какую-нибудь чушь. Она: «Я сидзею, я сидзею...». Эти наши амфитеатром спускающиеся ряды аудитории, они воспаряли вместе с ней. Пахло античностью. Конечно, Западов. Конечно, Архипов. Ну и молодой тогда Ясен Николаевич Засурский. Открывал встречу с нашим первым курсом Худяков, он во время войны потерял кисть руки, поэтому рука была в перчатке. Он говорил: «Газету надо делать чистыми руками», — и при этом прятал свою кожаную руку.

— Я училась в другое время и всегда завидовала вашему поколению студентов: вам выпало учиться в пору невероятного идеализма, надежд на то, что жизнь будет меняться быстро и энергично, что начнутся необходимые перемены...

— Да, тем более для тех, кто приехал из провинции, как я. Это была жизнь взалхлеб, конечно. Я поступила в 1955 году. Очень переживаю, что недостаточно пользовалась благами науки, потому что у нас очень много времени занимало общение. Конечно, научить писать на факультете невозможно, но можно научить учиться. Я плохо использовала то счастье, которое было дано. Поэтому я говорила на той встрече: «Хватайте, дышите, потому что потом будет некогда».

— О чем была ваша первая заметка в «Комсомольской правде»?

— «Серебряные купола». Это я в Крыму увлекалась звездами, Симферопольское общество любителей астрономии до сих пор живо. И пока я училась, те, кто подросли, осуществили нашу мечту. В детском парке построили маленькую обсерваторию. Реальную. Это была мечта всего

нашего детства. Я написала про это, принесла в «Комсомолку». И статью опубликовали на первой странице, а мне предложили место стажера. Это было в 1960 году.

— Кто был главным редактором тогда?

— Воронов. Только что ушел Аджубей. Воронов был из Питера. Такой стеснительный. Всегда, когда заворачивал материал, краснел и извинялся. Кажется, он пережил блокаду. Загом был Панкин, который потом очень ярко повел «Комсомолку». Он рисковал, он красиво ушел, его вспоминают сейчас больше других. Членом редколлегии был Давид Новоплянский, он опубликовал мою заметку. Я пришла в газету в 1960-м, а в 1962-м ушла в декрет, и на мое место сел Юра Рост, приехавший из Питера. Это был отдел репортажа, то есть назывался отдел новостей, и прекрасная школа, потому что — «срочно в номер». Я до сих пор люблю, когда «срочно в номер». Когда не срочно, могу долго тянуть. Особенно трудно начать, потому что хочется рассказать сразу всё. А потом я перешла в литгруппу, как бы получила повышение. Это был доступ к самым интересным письмам. Приходили они ворохом. Влад Пронин любит вспоминать, рассказывает одну и ту же байку в самых разных аудиториях, как будто бы я дала ему письмо и отправила в командировку. И таким образом стала его крестной мамой в журналистике. Это не соответствует действительности. Так же, как Богданов рассказывает обо мне байку — уже про Магадан...

— Но ведь Магадан был!

— Конечно, был. За 19 счастливых лет в «Комсомолке» можно было избрать любую точку на карте страны и полететь. Спускалась на дно Байкала, побывала на Северном полюсе. Тогда меня очень интересовали места ГУЛАГа. Написала материал про Соловки, чем пропитана эта земля. Тогда материал в «Комсомолке» не пошел, я вообще первой в советской печати написала о Соловках. Потом — «золотое кольцо Колымы». Сейчас даже странно вспоми-

нать — на каких-то грузовиках, с пересадками. Там и было озеро Джека Лондона, где мне встретился «австрийский шпион», о котором не может забыть Богданов.

— Расскажите о нем.

— Мне сказали, что в поселке Ягодное живет очень интересный человек, работает грузчиком в книжном магазине, а вообще он австрийский шпион. Я с ним встретила. Он был экзотическим — поджарым, с помпончиком на шапочке, нож висел на поясе. Он меня повел на озера. Там такая цепь озер — озеро Серая Чайка, озеро Танцующих Хариусов, озеро Джека Лондона. Одно из самых незабываемых впечатлений. Мы шли, и он говорил: здесь холмик, тут похоронен вот тот-то зек, здесь — тот-то. Потом мы немножко плыли на лодке, и кто-то сделал фотографию, которая потом попала в книгу. Питер Демонд — это его псевдоним, взял его, когда потом стал писателем. Он жил в Закарпатье, работал в каком-то музее или библиотеке, его взяли просто за то, что был австриец по происхождению. Никаких других преступлений он против сталинского режима не совершал. Отсидел в Магадане примерно 15 лет. Я тогда узнала эту традицию, что многие зеки, вырвавшись на свободу, не уезжали, а оставались — во-первых, потому что на земле, где они ходили под конвоем, особенно важно ходить свободными. А главное — когда они съездили на Большую землю, увидели, что люди живут совершенно по-другому, им невозможно рассказать о том, что пережито, они не могут понять. Я подобное испытала, когда возвращалась после войны — мне довелось семь раз бывать во время чеченской войны в Чечне и Ингушетии. Знаю это чувство, когда приезжаешь, и полон всем этим! Месяц уходит на акклиматизацию, потому что люди не понимают, а главное, им невозможно рассказать, чтобы они поняли. Питер Демонд остался там. Родители его к тому времени умерли, и он работал грузчиком в книжном магазине. И у него была уникальная библиотека, а жил в землянке, которую построил своими руками. Прошло два года. Потом он приезжает в Москву (я уже работала

в «Литературной газете»), не предупреждая, просто приходит повидаться. И кладет мне на стол толстенную рукопись, напечатанную на машинке. Называется «Зекамерон XX века». Это было потрясающе. Я написала заметку в газете. Сразу несколько издательств откликнулись. Он быстро стал знаменитым, писал какие-то авантурные романы, потом переселился в Москву, женился на женщине из «Пионерской правды». Никакого романа с «австрийским шпионом» на самом деле у меня не было.

— В «Литературке» в поздние советские годы можно было публиковать то, чего не пропустил бы ни один другой редактор, газета находилась на особом, привилегированном, положении. С другой стороны, были редактора, которые имели смелость помещать острые материалы и открывать новые темы, тот же Панкин, Егор Яковлев, Ненашев. И выбор все-таки был — не опубликуют в одном месте, пойдешь в другое... Сегодня, когда риски совсем иные, можно публиковать практически всё и свобода, о которой и мечтать не могли, а эта смелость редакторская, мне кажется, исчезла из жизни...

— Это особый разговор. Конечно, «Литературке» повезло, Чаковский со своей трубкой, засыпающий на планерках, с орденами, пробивал, будучи евреем, между прочим... Газету называл Гайд-парком при социализме, красивое название. Вроде бы Сталин когда-то еще сказал, что должен быть свисток для выпуска пара.

— Об этом Симонов писал в «Записках человека моего поколения».

— Еще в 80-х я написала статью, которая называлась «Свобода слуха». Как предчувствие того, что гласность сама себя заглушила. Солженицын, кажется, говорил, что, когда прорывается потоп, сначала несется весь мусор. Все начали говорить-говорить, и никто никого не слышал. Я уже начала заниматься миграцией, опубликовала статью в «Российской газете» об ошибках тогдашнего министра,

неплохой, кстати, был министр. Прихожу к нему, спрашиваю: «Вы читали?». И он коротко ответил: «Я газет не читаю. Мне некогда». Понимаете, они стали гордиться тем, что у них «свобода слуха»! Самое трагическое, что и низы перестали читать. Потому-то так трудно журналистам моего поколения. Я была избалована действительностью, и сколько было ярких побед! По моим статьям против анонимок ЦК КПСС принимала два постановления: запрещающее заниматься анонимками и одновременно о наказании за месть в ответ на критику. В начале перестройки. А потом про журналистку из Житомира, Аллу Ярошинскую, оклеветанную, — и она становится депутатом горбачёвского Съезда народных депутатов. Александр Николаевич Яковлев прочитал, поддержал Ярошинскую. Та журналистика была адресована верхам. В нормальной стране журналистика опирается на людей. А у нас люди поняли, сколько есть продажных журналистов. Мою любимую «Комсомолку» сегодня, как жабу, берешь в руки.

— Но воспитанники старой «Комсомолки» сегодня во всех газетах и других СМИ — это основной состав «Российской газеты», «Новой газеты», многих других... Вы много лет писали об обиженных и непонятых, о жертвах репрессий, об инвалидах, которых забыло государство, оклеветанных и гонимых. Вы начали писать о вынужденных переселенцах и беженцах двадцать пять лет назад. Вам кажется, что они — наиболее пострадавшие?

— Это просто фантастика: двадцать пять миллионов русских, а вообще — двадцать девять миллионов людей титульных национальностей, чьи корни на территории России, оказались после распада СССР отрезанными от родины. Их забыли, как деревеньку с крепостными, когда решался вопрос о суверенитете республик. И вот они возвращаются на родину, пережившие часто трагедии, и им не дают не только жилья и работы — не дают гражданства. Вот одна из самых больных проблем. Это то, о чем мы говорим в администрации президента. Закон о гражданстве принят был в 2002 году, четырнадцать лет

назад. Нужно придать репатриационный душ нашему законодательству, связанному с гражданством. Почему меня туда занесло? Потому что бесконечны издевательства, которые терпят возвращенцы в Россию. Я недавно сама оформляла завещание моей мамы, которая оставила часть квартиры моему внуку, — мы оформляли его десять лет! И всё нужны какие-то бумажки из Крыма... Как терпят это всё люди? Это издевательство, завуалированные репрессии. Почему я не могу смириться? Потому что вот с самой ранней юности, когда перед нами открылись все издевательства над людьми, все репрессии сталинских времен, мы глубоко и страшно пережили всё это. Мы были детьми, мы ничего не могли сделать, конечно. Вообще, кто тогда кого мог защитить? Вот это чувство вины перед теми, кому не смогли помочь, оно не отпускает. И я сейчас пытаюсь помогать другим людям, это с меня и смыывает ту невольную вину, понимаете? Для меня это продолжение репрессий, они смазанны, но суть не меняется. У людей практически отнимают возможность нормально жить и дышать. И потому я не могу смириться. Я уже сто раз говорила, что брошу, что всё это невыносимо. Но вот сейчас открою почту, и там обязательно опять будут очередные SOS, и опять надо писать, и опять надо ходить в миграционную службу. Я уже не пишу почти статьи, я больше ходатайства пишу. Раньше было проще — могла в субботу прийти на Октябрьскую, тут недалеко, в МВД, там сидел Ромадановский, я приносила ворох писем, самые тупиковые. И он мог звонить и решать самые тупиковые вопросы. Теперь я уже стала персоной нон грата в миграционной службе, где являюсь членом общественного совета.

— Мы начали разговор с оттепели, с жажды обновления и покаяния, которые наполняли общество и журналистику. Тема была продолжена в перестройку, и снова говорили о покаянии, о всенародном покаянии за преступления прошлого. Потом эта тема ушла, и сегодня всё чаще говорят, что не в чем и незачем каяться, многие боятся этой темы. Многие считают, что ни в чем не виноваты. Покаяние не состоя-

лось, и не завершены остались многие дискуссии прошлого. Иногда мне кажется, что в этом — в незавершенности очень важных разговоров — основа многих нынешних бед и преступлений... Того, что нравственная составляющая вообще исчезла.

— Моя недавняя статья про философа Миркину — как раз об этом. Мне один знакомый, генерал, написал после публикации — как жаль, что статья быстро кончилась, как всё хорошее. Хочется жить, прочитав про такого вдохновенного человека, как Миркина. И о покаянии она говорит великолепно, конечно же... Моя первая поездка в ФРГ — одна из первых вообще за границу. Я там всё время сталкивалась с тем, что студенты на каникулах едут уборщиками в Освенцим. Это и стало причиной возрождения Германии. И еще одна важная тема. Очень горько, что у нас реабилитирована официальная религия: не бывает, заметьте, похорон известного человека без того, чтобы его отпевали. Это уже стало такой модой. Ужасно, что это мода. А истинной веры нет. Ну какая же вера, когда столько жестокости, фантастической несправедливости, столько лжи. Такое впечатление, что, когда всё было под прессом, та же религия, та же вера была более истинной.

— Без покаяния нет веры...

— Ощущение своей вины — это и ощущение своей ответственности. За всё, за каждую мелочь, которая происходит. Мы имеем ко всему отношение. И эта идея Миркиной, что важно чувствовать себя атомом всего человечества, это очень просто звучит, но это очень важно... От тебя многое зависит... Иногда ночью я слушаю программу Быкова «Один», ему задают вопросы. Его спрашивают, верит ли он в бессмертие души. Он сказал: «Моя первая жена была биолог, и она, когда с ней говорили на эти темы, отвечала: вот ты чувствуешь в себе искру Божию, что ты не просто тело, что-то в тебе есть? Это и есть чувство Бога». Царство Божие внутри нас. Это на самом деле так. И очень страшно, что у нас религия становится некой идеологией.

— Молодым сегодня в сто раз труднее, чем нам в свое время, когда могли, в том числе, учиться у вас... Что бы вы кратко сказали сегодня молодым о главном в профессии?

— Я не знаю, что главное. Это самая счастливая профессия. Потому что ты ее любишь, ты можешь реально влиять на конкретные души людей, можешь менять к лучшему их жизнь. Если мы говорим о публицистике, а не о репортаже, важно думать, зачем. Зачем ты хочешь это написать, что хочешь сказать людям, какой меседж, пусть самый маленький. Вот это самое главное. С детства мне хотелось, такая привычка, доказать, что я не напрасно живу на этом свете. Журналистика — профессия, которая дает возможность доказывать это каждый день. Когда у меня проходит день, я жутко переживаю. Мне ничего в жизни не жалко, кроме времени. Время, которое проходит бездарно, — это жуть.

«Журналист», май 2017 г.

«МЫ СОВЕРШЕННО НЕ ГОТОВЫ К БУДУЩЕМУ»

Светлана Алексиевич о нашем отдельном и общем существовании

— Светлана, мы с вами встретились в середине 1990-х, это уже больше 20 лет назад, и всякий раз — в Москве, в Европе, в Минске — говорили о человеческой природе, о памяти, о гене агрессии и деструкции в человеке и о том, как его преодолеть. Сегодня агрессия и нетерпимость — повсюду; в России после выборов, судя по последним выступлениям СМИ, они даже набрали новую высоту. Мы в кольце врагов, все инакомыслящие — тоже враги... Почему так?

— Ненависть в обворованных, обманутых, униженных людях ищет выхода. И эти процессы ненависти в общем достаточно грамотно направили вовне, против внешнего врага; уже давно это произошло, полная милитаризация сознания. Это такая форма отвода вовне энергии, которая может взорвать что-то внутри. Ничего нового здесь Путин не изобрел. У меня была статья, которая называлась «Коллективный Путин». Я писала о том, что дело не в Путине. Путин просто аккумулировал, артикулировал — у кого-то ясные, у кого-то неясные, — желания общества, которое действительно чувствовало себя униженным, обворованным, обманутым. Мы, те, кто делал перестройку, задавали себе среди прочего вопрос: «Почему молчит народ?» Когда поехала по России уже значительно позднее, побывала в глубинке, я поняла, почему народ молчал: он не понял, что произошло, он не ждал этого. То есть обновления, какого-то освобождения от вранья — ждал. Но то, что произошло потом, ему было просто непонятно. Перестройку делала какая-то часть интеллигенции в больших городах во главе с Горбачёвым. А остальные? Люди были в совершенной прострации. Никакого капитализма они не хотели. Может быть, идея капитализма вообще не совпадала с ментальностью русской. И когда Путин произнес: «Вокруг враги, мы должны быть сильными, нас должны уважать», — всё встало на свои места, люди знают, как жить. И они опять сбились в мощное народное тело.

— Но ненависть? Откуда ее столько? Неужели русские такие злые от природы? Неужели в прошлом (а оно как будто замещает настоящее в последнее время) мы хотим видеть только победоносные битвы — неважно, какой ценой победы были достигнуты? Только тиранов? Ведь было в истории и много другого...

— Можно сказать, что мы — военные люди, и любая неудача возвращает нас назад. Сейчас мы отброшены почти в Средневековье. Когда я ехала по Москве прошлым летом, то видела огромное количество людей, которые стоят, чтобы увидеть какой-то религиозный обряд. Чьи-то мощи,

кажется. Это форма побега от того, что происходит вокруг сейчас.

В какой-то момент мы сошли с нормального пути, на который, казалось бы, стали, — и в общем так и не шагнули в XXI век. Я помню, как в 2000 году ездила в Европу, как нам там радовались, как говорили, мол наконец-то вы с нами. Мы должны понять, как снова стали людьми войны, как забыли то, о чем рассказывали нам отцы.

— Мои родные и знакомые — фронтовики — не любили День Победы и вообще не любили вспоминать о пережитом...

— Многие героини моей книги «У войны не женское лицо» говорили, что победа — это не то, о чем нужно говорить и вспоминать. Говорить и вспоминать нужно об опыте, как быть человеком, как не убивать. Одна женщина рассказывала: когда объявили о конце войны, они с сослуживицами расстреляли весь боевой комплект боеприпасов — снаряды, патроны, все до одного. На следующий день в их часть приехала комиссия, попыталась в чем-то кого-то обвинить, и все искренне недоумевали — а зачем всё это теперь? Людям казалось, что после таких слез, после таких страданий война уже никогда не может случиться. Но сегодня Россия опять ведет две войны, и на русском телевидении снова звучат угрозы — кого-то там можем превратить в «радиоактивный пепел».

— И в ответ — нарастающая изоляция России, новые санкции, а в России новый виток воинственной риторики, которая уничтожает всё лучшее...

— Когда я сама оказалась на войне, то поняла, что человек, взявший в руки автомат, становится другим, не тем, кого мама водила в хореографическое училище. Как будто бы в него вселяется бес, вскормленный военной культурой, которая пронизывает наше общество и безоговорочно в нем властвует. Зло более натренировано, чем добро. У искусства, кстати, есть темная сторона, вдохновленная

злом. На войне я увидела, как много там красоты; что смерть и красота всегда рядом, — как в ночном небе летят снаряды, как поют солдаты вечером, каждый на своем языке. Вблизи смерти люди открывают в себе то, что спрятано в них очень глубоко. В первые недели моего пребывания в Афганистане я попала на выставку современного оружия. Человек потратил много времени на то, чтобы сделать зло красивым.

Я недавно видела по телевидению, как духовой оркестр солдат отправляют в Донбасс, героический такой репортаж, но я думаю, что настоящий герой сегодня — это тот, кто не стреляет.

Как писал Достоевский в своих дневниках — «сколько человека в человеке»? Не так много людей об этом задумываются и несут личную ответственность за происходящее в мире. Даже сегодняшняя нарочитая религиозность не принесла этого, она сгруппировала людей как будто в некое народное тело, которое, известно, чувствует, но не думает.

— В ваших книгах герои, чаще героини, женщины, «проговаривают» самое важное и страшное, то, о чем не пишут в победных сводках и обычных репортажах. Женщинам более свойственно ощущать трагедию?

— У женщин и детей есть какое-то особое знание о человеческом безумии, которое неизвестно каким образом укоренилось в нашей природе. В своих книгах я стараюсь показать голоса и версии людей, которые смотрят на события с разных сторон. Одну войну видела летчица, другую — артиллеристка, третью — женщина, которая была в рукопашной. Она сказала мне: «Я вам расскажу о такой войне, от которой и генерала стошнит», — это один из лучших рассказов в моей книге. Рассказывает: когда начинается рукопашная и люди сходятся друг с другом вплотную, то человек пропадает, а вместо него остается некий биоид. Когда колют в глаза и в живот, когда не кричат, а мычат, когда работает только один инстинкт, — выясняется,

что на самом деле мы припорошены культурой лишь слегка. И все мне говорили: главное — не встретиться глазами с тем, кого убиваешь, в кого стреляешь. Потому что война требует бездумья, только так можно убивать. Стрелков говорил, что в Донбассе на протяжении первой недели сложнее всего было заставить людей стрелять друг в друга. Потому что для этого нужно из мирного времени шагнуть куда-то туда, где дают медали за то, за что обычно сажают в тюрьму. И сначала люди делали это нехотя, по принуждению.

Я — абсолютный пацифист. Никто не убедит меня в том, что человеческая жизнь чему-нибудь равна, — это божественный дар, и он дан не для того, чтобы умереть где-нибудь в Донбассе или в Сирии. Вопрос неприятия войны каждый человек должен решить для себя, выйти из той системы, не участвовать в ней. Думаю, в глазах потомков мы будем выглядеть, как варвары, — потому что мы так обходимся с человеческой жизнью.

— Сегодня многие в России разочарованы происходящим на Западе, агрессией по отношению не только к российской политике, но и к русским вообще, активным созданием нового образа врага. Для российских либералов — это самое горькое разочарование, настоящая травма.

— На Западе традиция демократии всё же имеет давнюю историю, люди сами участвуют в демократии. Я верю, что и Европа, и Америка сохранят свои принципы. Я недавно была в Польше и видела, что там происходит. Даже эта страна не устояла, эти темные идеи, поиск врагов — и там. В основе всего этого, мне кажется, — страх перед будущим. Оно настолько новое, пугающее, непривычное, его никто не может прогнозировать. И всё же очень важно говорить. Разговаривать с людьми повсюду, попытаться их понять.

— Вы много лет исследуете «красного человека» — человека советской эпохи. Этот тип уже уходит, кто приходит на смену? На встрече в Гоголь-центре в Москве, в Эрмитаже

в Питере большинство аудитории были совсем молодые люди, которым важны ваши книги и ваше мнение. Они спрашивали вас обо всем, им нужно было на что-то серьезное, чего они еще не понимают, опереться... Что вы думаете о них?

— Надеюсь, они смогут сказать свое слово. «Красный человек» не сумел. Почти за сто лет своего существования в истории.

«Красный человек» — несвободный человек, он не привык к свободе, к самостоятельному выбору. Главные его чувства — обида и ненависть. Как только возникает спор — он готов стрелять в оппонента. Даже образованные вполне люди готовы стрелять. Стрелять, сажать, ждать, что придет кто-то, кто всё решит. Во «Времени секунд хэнд» я писала о том, как люди в последние годы вдруг вернулись в привычное состояние — они знают, как надо.

В России был очень краткий период демократии, в Белоруссии — еще короче. Потом пришел Лукашенко, и у нас остался социализм. До недавнего времени у Лукашенко был контракт с населением, он выполнял какие-то обязательства. Такой императорский социализм. Лукашенко сам недавно сказал: «Какая правозащитная деятельность? Все решает один человек». И люди не возражают. Один таксист недавно мне говорит: главное это семья — зарабатывать денег, новую шубу жене купить, домик в деревне достроить. Это все желания...

— На встречах в России, и еще раньше, в Европе, и в Нобелевской лекции вы говорили, что нас ждут еще более страшные войны, чем все предшествующие — не человека с человеком, но людей с природой.

— Природа будет проверять нас, как Чернобыль, как Фукусима. Сильный тайфун способен превратить цивилизацию в груды мусора.

Я была в Чернобыле, когда оттуда вывозили людей. Солдат сказал, что одну женщину не могут силой вытащить из дома. Когда я подошла, она увидела меня одну среди мужчин, и сказала: «Деточка, ну разве это война?»

Посмотри, птицы летают, я даже мышку утром видела». Эта новая опасность не бросает бомбы, не имеет запаха, цвета, она невидимая. Я была после катастрофы на Фукусиме, там было точно то же самое, один к одному, что я видела в Чернобыле: тысячи людей, согнанные со своей земли; прекрасные дома, прекрасная земля — всё оставлено. Такие же лица людей. Правда, люди воспитаны в другой философии, нет такого культа страдания. Они стараются прожить свою жизнь сейчас. У наших людей постарше жизнь была просто перечеркнута после Чернобыля. А в Японии люди пытаются всё равно жить. Там тоже жестко государство контролирует, ничего не говорит. Если в Чернобыль можно было приехать журналистам, то к Фукусиме нас только за 10 километров пустили, дальше — военная зона, нельзя.

— Что сегодня говорят о Чернобыле в Белоруссии?

— Ничего не говорят. Это не принято. Ученые старались и стараются как-то помочь, с самого начала собирали деньги, пытались сделать что-то для людей, объяснить, как себя вести, что можно, что нельзя. К ним не слишком прислушивались. Очень многие люди умерли. Наши проблемы упираются в проблемы культуры. На Фукусиме в общем-то следят, чтобы меры предосторожности выполнялись, службы работают. И люди делают то, что нужно. А у нас — нет. Даже когда требовали уничтожить продукты зараженные, не уничтожали. Как крестьянину выбросить продукты? А это смерть, растянутая во времени, это другая смерть, другая реальность. Говорят крестьянину, что перед ним зараженная вода, — он смотрит: вода как вода. Помню, идет бабка, несет молоко, солдат за ней идет, следит, чтобы вылила. Но она всё равно не выльет, это просто невозможно. И к каждой бабке солдата не приставишь. Это культура. Поэтому так много больных детей. Потому так многие умерли. Я приехала из Европы — очень многих знакомых не стало. Рак. Писатели-фантасты говорили о горизонтах освоения новых энергий и освоении вселенной, а тут мирный атом оказался смертельно опасным...

Это очень трудно понять и принять. Мы вообще очень хрупки, мы совершенно не готовы к будущему, к новым вызовам.

— Как быть? Где найти точку опоры?

— Мне кажется, нам надо осмыслить происходящее. Социальное. И более широкое, всеобщее. И разговаривать. Долгое время казалось, что перестройка, все эти процессы — необратимы. Мы были очень наивными, нам казалось: придет демократия, и всё решится само собой. Когда я несколько лет назад ездила по России, часто слышала: Светлана, это у вас, в Белоруссии — у нас всё это уже позади, возврата к прошлому нет, это невозможно.

И вдруг раз — и всё возможно. А самое главное — с нами со всеми всё возможно сделать. И сопротивления нет. Кто-то уезжает, кто-то уходит во внутреннюю эмиграцию, кто-то старается мимикрировать и затихнуть.

Я думаю, если мы будем дальше так же молчать — это уже станет опасным. Придут силы еще сильнее сегодняшних. Беда, что мы не договорили очень многое в 1990-х. Мы не успели проговорить наше прошлое, отпустить. Осудить сталинизм. Всё развивалось слишком быстро, всё пошло в материальную сторону. Самое удивительное — насколько все вдруг попались на материальное. Мне кажется, испытание лагерем люди выдержали лучше, чем испытание долларом. Я долго жила в Европе, помню, что, когда уезжала, в Белоруссии было много людей демократически настроенных, готовых обсуждать, что-то делать. Приехала через десять лет — и не вижу почти никого. Куда они делись? Не могли же все умереть и уехать? Может быть, это разочарование... Может быть — что-то поколенческое...

— Благодаря вам, мир узнал о Белоруссии. Вы вернулись в Минск. Вас ценят на родине? Что удастся сделать в Минске первому в истории страны Нобелевскому лауреату?

— До премии некоторые люди иногда спрашивали: почему я пишу на русском. Но идея говорила на русском. Сейчас я встречаю на улице людей, которые мне рады. Кто-то в кафе торт сделал для меня. Кто-то благодарит. Кто-то просит помочь. Люди сами тоже предлагают помощь. Очень много времени забирают встречи, подготовка к событиям в Клубе.

— Клуб Светланы Алексиевич вот уже больше года приглашает в Минск выдающихся деятелей культуры Европы и России, собирает полные залы; приезжают те, кого в Белоруссии давно не видели. Вы верите, что эти встречи помогут воспитать новое поколение? Пробудить?

— Когда уезжала, мне казалось, что скоро всё в Белоруссии изменится. Но оказалось, всё надолго. Я живу в Минске, хотя много езжу, выступаю. Решила сократить поездки, надо сохранить время и силы для работы. Почему Клуб? Хотела привезти в Минск людей, которые умеют мыслить самостоятельно. Александр Сокуров, Владимир Сорокин, Ольга Седакова, Александр Морозов, Рута Ванагайте... Это люди, неудобные для многих и у себя дома. Руту Ванагайте просто преследовали после ее книги об участии литовцев в уничтожении евреев. Кстати, и мою статью об этом лучшая независимая польская газета не напечатала. Но именно такие независимые люди, гуманизма, несут свет.

Новая реальность предлагает и даже навязывает нам технократическую культуру. С одной стороны, люди стали жить дольше. Действительно, на 30–40 лет отодвинулась реальная старость, но к этому, кстати, многие тоже не готовы. Об этом мало говорят. На Западе — иное, там мои знакомые и в 90 лет активно интересуются окружающим, участвуют в жизни других, молодых. С другой стороны, я заметила: когда людей сажают в тюрьму, — а в Белоруссии часто сажают, и в России тоже, — они очень быстро «сдают». Тот же Никита Белых — был цветущий мужчина, а после нескольких месяцев заключения стал просто раз-

валиной. Это напомнило мне фотографии белорусских заключенных. Значит, мы все очень зависим от медицинских технологий. Когда мы оказываемся вне их влияния, в обычной среде — не выживаем.

— Но технологии реально продлевают жизнь, улучшают ее качество, расширяют возможности человека. Делают возможным то, о чем и не мечтали несколько лет назад, — вспомните недавно ушедшего Стивена Хокинга. Это просто фантастика!

— Сегодня новое популярное веяние — абсолютная вера в технологии. Когда-то так верили в химию. Потом — в физику, это увлечение было до самого Чернобыля. Сегодня многие считают, что именно технологии, роботы помогут решить все проблемы. Но я верю: мир спасет гуманный человек. Лично я удивляюсь и не могу понять, почему русская элита — ведь не все же там путинцы и ура-патриоты, — не говорит о самых важных вопросах: о природе, которая восстала против нас, о гуманитарных знаниях, которые изгоняются из школы. Надо защищать не только отдельного человека, но очень важно защищать гуманитарное знание, гуманитарного человека как вид. Что первое сделал Трамп, когда пришел в Белый дом? Выбросил всё, что имело отношение к окружающей среде, к проблемам потепления.

Сегодня вообще нет стратегического взгляда в будущее. В наше время совпали две катастрофы — политическая катастрофа, холодная война, и космическая катастрофа. Чернобыль, Фукусима — человек к этому не готов. Политика — более знакомо; белые, красные — это проще. А Чернобыль показал наше незнание, наши пределы. И я удивляюсь, почему об этом не говорят философы, даже наши белорусские. Сегодня необязательно воевать, необязательно Путин или Трамп захотят войны, просто что-то, кто-то может сорваться, и всё исчезнет.

Технический прогресс — это разновидность войны сегодня. Но мир спасет не технология, а культура.

— Что могут сделать писатели, гуманитарии в сегодняшнем агрессивном и разорванном мире?

— Вырабатывать культуру сопротивления распаду и агрессии. Я не знаю, почему либералы стали так рано сдаваться. Потребительство оказалось очень пронырливо. В советское время в нашем аскетизме мы не знали, что это такое. И многие боятся... Мы знаем друг о друге на уровне коллективной мифологии и холодной войны, мы недостаточно любопытны. Все демонизируют Путина, а дело не в конкретном человеке, но в коллективном Пути-не...

— Вы были членом российского ПЕНа до его трансформации в прогосударственную структуру, теперь — член инициативной группы ассоциации «Свободное слово», новой организации, которая защищает права художника и журналиста, право на выражение независимого мнения. Почему это важно для вас? Что могут сделать творческие организации?

— Мы не должны отступать. Беда, что многие такие организации разлагаются изнутри. Как тот же российский ПЕН. Их покупают. Надо искать новые формы сопротивления. Сейчас писатель не соберет стадион, но 700–800 человек точно придут. Надо найти слова, которые помогли бы людям. Мне понравилась одна женщина, — подошла ко мне после выступления и сказала: «Я не сильный человек, но я знаю, что я всегда буду на стороне добра». Надо об этом больше говорить.

Александр Морозов у нас на заседании Клуба об этом очень точно сказал. Всё зависит от личного мужества каждого из нас. Или его отсутствия. Ведь кто-то предал Серебренникова. А Малобродский не предал. И многие именно тогда поняли — это касается всех. И стали солидаризироваться. В следующий раз придут за тобой. Такая проба. Тест. Все стали опасаться и думать, как быть, это уже новый момент.

— Судьба Нобелевских лауреатов в России — быть поруганными соотечественниками. Бунин, Пастернак, Бродский, даже правоверный вполне Шолохов. И вас обвинили в русофобии практически сразу после премии и Нобелевской лекции. Нашлись коллеги-писатели и журналисты, которые не постеснялись просто лгать. Российская Общественная коллегия по жалобам на прессу по обращению ассоциации «Свободное слово» осудила агентство «Регнум», разместившее сфальсифицированное интервью; к сожалению, об этом решении знают немногие. А о том, что Алексиевич якобы русофобка, — многие. Вас это тревожит?

— Я дала журналисту шанс, хотя понимала, что у него есть своя задача. Я думаю, читатели всё увидят сами. Мне лично очень помогают живые лица, голоса тех людей, с которыми я встречалась в Москве, в Петербурге.

— Что бы Вы пожелали российско-западному культурному взаимодействию, которое почти заморожено?

— Важно дать слово людям культуры, иной диалог сегодня проблематичен. Должны быть личности, готовые включиться в этот диалог. Тот же международный ПЕН. Не нужно делать массовок, интернет и новые технологии помогут. Руту Ванагайте, ее выступление у нас в Клубе, посмотрело более миллиона человек. Потом ее перевели на русский.

Мне кажется, важно говорить об актуальных темах, которые волнуют людей, определяют наше время. Тема палача и жертвы сегодня оказалась очень актуальна. Я думаю, точно так же надо больше привозить людей в Россию. Надо противостоять ненависти.

Пришло время сопротивляться. В тоталитарном обществе может произойти всё, что угодно. Вот российский ПЕН издает воинственные сборники. Представить, что писатель может оказаться на стороне войны, было невозможно еще совсем недавно.

Я вернулась, потому что считаю — писатель должен жить дома. Мы воспитаны в культуре борьбы, но удивив-

тельно, как мы потеряли эту культуру. Один писатель мне сказал: «Нам всем есть что терять. Как можно не быть доверенным лицом Путина, если у сына рестораник?» Надо сопротивляться!

«Новый журнал», апрель 2018 г.

СОЛОВКИ. В ЛАБИРИНТЕ

Юрий Бродский о нашем прошлом и настоящем

В конце 2017 года книга Юрия Бродского «Соловки. Лабиринт преображений» была удостоена специального приза премии «Просветитель». На ярмарке интеллектуальной литературы «Нон-фикшн» к стенду издательства «Новой газеты» выстроилась очередь. Внушительный том, 450 страниц великолепного текста и уникальных фотографий — это не только продолжение и развитие первого исследования («Соловки. Двадцать лет Особого Назначения», 2002). Это фундаментальное исследование, реквием и молитва одновременно. Хронологический отчет и напряженное размышление о далеком прошлом, которое пронизывает настоящее, об основных векторах развития и болевых точках российской жизни, сосредоточенных на небольшом участке суши архипелага в Белом море. Юрий Бродский, фотограф и историк, посвятил Соловкам без малого 50 лет.

Для как минимум двух поколений писателей, исследователей, просто заинтересованных современников он давно стал «гением места», о котором рассказывают легенды. Главный консультант знаменитого фильма «Власть Соловецкая» и многих последующих, автор первой в СССР экспозиции о ГУЛаге (в музее Солов-

ков) «Железной рукой загоним человечество к счастью!». Знают его и в Европе — первая книга о СЛОНе увидела свет в Италии раньше, чем в России, выставки фотографий прошли в Милане, Римини, Варшаве, Дрездене... Их главной темой были узники Соловецкого лагеря, повседневность СЛОНа и страшная правда.

Но новая книга — совершенно особая. Академик Лидия Неведомская очень точно охарактеризовала ее смысл: «Главная отличительная черта этой книги — редкий и поэтому особенно ценный синтез трех способов постижения мира: научный, художественный и религиозный. Фактография выверена с научной точностью, строй речи и визуальное оформление соответствуют, а отношение автора к Соловкам демонстрирует его искреннюю веру в морально-нравственные нормы людей и в беспредельную мудрость Творца».

21 декабря 2017 года Центр по противодействию экстремизму запросил экземпляр книги в магазине «Москва» для проведения психологическо-лингвистической экспертизы. Поводом стало обращение неких жалобщиков из посёлка Соловецкий, усмотревших в издании «признаки действий, совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

«Новая газета», члены ассоциации «Свободное слово», «Мемориал» и многие другие увидели в этом очередную попытку заткнуть рты тем, кто напоминает о трагических и кровавых страницах отечественной истории.

— Юрий, вы можете прокомментировать сообщение о просьбе запретить вашу книгу?

— Организатором письма является околмонастырский активист, который без благословения духовного отца даже картошку не пойдёт сажать, не то что человека. Граждане Соловков, подписавшие письмо с серьёзными обвинениями, книгу не читали и не видели. Она не могла появиться на острове в то время, когда активист собирал

подписи. Достойные люди именно по этой причине отказались поставить свою подпись, как они мне говорили.

А коллективные жалобы — характерная черта поведения горластой кучки мракобесов. Они требовали закрытия компьютерного класса, где школьники могли играть в неправильные игры, добились смены прекрасного директора школы. Им не понравилось, что в клубе во время поста показывали фильмы с Чарли Чаплиным. Они отменили на острове показ «Кода да Винчи», якобы антицерковного фильма, а потом и клуб разрушили, чтобы не было соблазнов. Во время ГКЧП эти ребята список составили, кого надо репрессировать как антисоветчиков. Я об этом знаю, так как фигурировал в этом списке.

— Что для вас Соловки?

— Соловки есть точка самоидентификации России. Неслучайно Соловки поминают «инженеры человеческих душ» Пушкин, Лев Толстой, Чехов, Тургенев, Лесков, Рерих, Бунин, Булгаков, братья Стругацкие... Они не были на Соловках, но само название острова являлось для них символом.

Название малюсенького архипелага в Белом море занимает на страницах русской истории место несоизмеримо большее, чем площадь островов на карте страны.

— Если Соловки — это один из символов России, то что для вас символ Соловков?

— Лабиринт. Соловки — это земля лабиринтов. Изображения спиральных лабиринтов, похожих на мозг человека, возраст которых достигает нескольких тысяч лет, известны на всех континентах, кроме Антарктиды. Но такой концентрации лабиринтов на небольшой территории нет нигде в мире, кроме Соловков.

Дмитрий Муратов, увидев впервые большой лабиринт на Заяцком острове, прошептал мне: «Жуть! Это как история России. Влево, вправо, влево, вправо, а на самом де-

ле всё по кругу». Опыт Соловков бесценен, но не востребован.

— Расскажите, как вы вообще попали на Соловки?

— В 1970-м в Каргополе, где мы с напарником производили фотосъёмку слайдов по договору со студией «Диафильм», я встретил пилота, командира вертолёт, который год назад спас в Туруханском крае нашу экспедицию романтиков, проводивших отпуск в тайге. Планировалось, что наша группа с нашивками «Академия наук», доставленная на таёжное озеро гидросамолётом, поднимется на водораздел, сделает на горной реке плот и сплывет на нём до жилых мест. Но что-то пошло не так. Мы не рассчитали сил и, отжатые лесными пожарами, оказались в абсолютной глуши, за 300 километров от ближайшего жилья. Ободранные и обгоревшие, мы 50 суток (вместо семи дней) не видели людей. Наш костёр случайно заметили лётчики, искавшие своих геодезистов.

Новая встреча с моим спасителем затянулась на несколько дней. Мы, чередуя дела с возлияниями, слетали на фантастическую рыбалку, ребята показывали мне заброшенные деревянные храмы, а потом «одарили» Соловками. Я ничего об островах толком не знал.

Вертолёт, который обслуживал какую-то экспедицию, вылетел из Онеги, промчался вдоль залива и завис над спортивной площадкой у озера. Сесть борт не мог, так как это фиксировалось приборами. Но я успешно прыгнул на землю, отбежал в сторону и лёг в траву, наблюдая, как новые друзья улетают. Ощущение было необычное — будто я вернулся после разлуки. Обустроился я в кремле, в пустой комнатке на загаженной мельнице, возле помещения с горой изношенной обуви, оставшейся, как потом узнал, со времён лагерей. Прожил три дня, но нужно было возвращаться. Ушёл на материк на пароходике «Лермонтов», который совершал рейсы два раза в день. Билет стоил рубль 95 копеек.

Через две недели появилась возможность вернуться на остров. Мне повезло: нас с коллегами по какой-то партийной разнарядке мобилизовали на мелиоративные работы в Волоколамский район. Я там откупился, сделав фотографии для местной Доски почета. Получил на руки табель, будто бы отработал 14 дней. Не заезжая домой, сел в мурманский «Полярный экспресс» — до Кеми. Полка в общем вагоне — копейки, а то и бесплатно.

Потом прилетел на Соловки зимой. Копил отгулы, сдавал за отгулы кровь. Билет на самолёт АН-2 из Архангельска стоил 7 рублей, многие могли себе такое позволить. На острове я числился внештатным фотографом музея. Снимал архитектуру для буклетов, добычу водорослей, производил фотофиксацию экспонатов. Сотрудничество с музеем давало возможность иметь комнату в полузаброшенном Новобратском корпусе.

Следов лагерей в начале 70-х было огромное количество: надписи на стенах, дверные глазки, кормушки. Их тогда уже целенаправленно уничтожали, и я старался сохранить если не оригиналы, то фотоизображения. По гороскопу я — «учёная собака, которая остро чувствует несправедливость».

Вокруг меня — и в этом моё счастье — было много прекрасных людей... В какой-то момент знакомлюсь на острове с Ефимом Эткиндром. Он был с дочерью Машей, а с нами — Володя Загреба, врач и писатель. Сидя ночью у них на сеновале, на 7-м пикете, я рассказывал новым друзьям о своих находках, да и о себе. Я, мол, лыжник, альпинист, секретарь комсомольской организации, воюю с бюрократами... А Ефим Григорьевич (он был тайным хранителем одной из копий рукописи «Архипелага ГУЛАГ») мне говорит: «Ты, Юр, всё делаешь правильно, но у тебя исходная точка не совсем правильная. Давай вместе подумаем...»

Мы о многом тогда с ним говорили на Соловках, а потом в Питере, дома, на Новороссийской улице. Ефим Григорьевич рассказывал и делился опытом. Он был добро ко мне и доверял.

Уроки профессора даром не прошли. Приезжаю на родной завод в подмосковной Электростали и говорю: «Не буду я вступать в партию». Я был кандидат. Скандал, конечно.

— И это военный завод?

— Средмаш, почтовый ящик №3, я там 42 года проработал. Сначала испытателем, а потом создал фотослужбу и возглавлял её. У меня было там много замечательных коллег. Без их поддержки, наверное, не выжил бы.

...После недобровольного отъезда Эткинда из России я знакомлюсь с писателем Фёдором Александровичем Абрамовым, он приезжал на Соловки, я ему тоже рассказывал, показывал. Подружились. Договорились, он будет писать роман, я ему помогать с материалом. Я в восторге! Летаю по всей стране, счастливый. За свой счёт. До Петропавловска добрался. Записываю рассказы бывших узников. Восстанавливаю историю Соловецких лагерей. А меня уже пасёт КГБ. Несколько раз «профилактировали», пугали, пытались посадить за то, чего я никогда не совершал. К счастью, чекисты, меня теребившие, умом не блистали, и это позволяло сводить противостояние к ничьей. Кроме того, ко мне хорошо относилось руководство моего предприятия по производству ядерного топлива. Я работал на благо предприятия самозабвенно, а заводчане не раз выводили меня из-под удара. Среди них были очень сильные личности. Директор, решительно меня защищавший, позже стал министром.

Когда Фёдор Абрамов, для которого я собирал соловецкие воспоминания, умер, то мне удалось привлечь к сотрудничеству Андрея Битова. Отец его первой жены, Георгий Шамборант, сидел в СЛОНе, и Андрей был не чужд теме Соловков. Он — умница и боец. Мы с ним однажды прошли по архипелагу несколько десятков километров пешком, он сапогами ноги в кровь стёр, но терпел, ни разу виду не подал. Вот только книгу про остров Битов не на-

писал, не сложилось. Но чего только стоит его тост: «За Соловки, чтобы они стояли, но на них не сидели!»

— На Соловках оставались бывшие узники?

— Нет, на острове их не было. Но иногда они приезжали, хотя старались не афишировать себя. Чаще (тоже потихоньку) приезжали родственники погибших, пытавшиеся найти могилы своих близких. Люди, пережившие ужасы ГУЛАГа, не спешили делиться пережитым. Ольга Лобанова, отсидевшая пять лет, мне говорила, что даже дочери она не решалась поведать о том, что видела на острове. «У вас жизнь впереди, а я на всю жизнь напуганная», — извинялась она передо мной, когда мы подружились. И я пересказал в своей книге её историю и истории полусотни других людей, потому что мне удалось заручиться доверием этих людей. Сегодня из бывших узников Соловков в живых не осталось никого.

— Фильм «Власть Соловецкая», в создании которого вы принимали достойное участие, стал знаком эпохи, он открыл шлюзы, и тема репрессий как части советского прошлого стала одной из важнейших, ее осмысление было синонимом реальных перемен в настоящем и надеждой на обновление в будущем.

— Когда в 1986-м возникла идея создать фильм о Соловецких лагерях, директор картины Владимир Москалейчик приехал ко мне домой, сказал, что очень достойные люди назвали меня лучшим знатоком по СЛОНу. Он пригласил меня на «Мосфильм» в качестве научного консультанта. Режиссёр Дмитрий Чуковский (Марина Голдовская сначала была только оператором, а режиссёром стала только в процессе работы) дал мне сценарий, называвшийся тогда «Спаси меня хоть крепостью, хоть Соловецким монастырём». Я сценарий изучил, сделал для творческой группы доклад со слайдами, который закончил словами о том, что работать со съёмочной группой не смогу, так как у меня совсем иное видение проблемы.

Мне было очень грустно, так как люди, собиравшиеся делать фильм, мне приглянулись с первого взгляда.

Но тут автор сценария — Виктор Листов — улыбается: «Очень хорошо, что ты правду сказал. Сценарий писался для того, чтобы деньги получить. А работа над фильмом ещё впереди. Твои знания нам очень нужны. Помоги нам, а мы тебе будем помогать осмыслить Соловки».

Мы многое изменили в сценарии, нашли новых героев, включили новые темы. И название — «Власть Соловецкая» — родилось само собой. У меня было ещё два десятка фильмов, в создании которых я принимал участие, но такого счастливого сотрудничества больше не случилось никогда.

Когда фильм был сделан, то он увидел свет исключительно благодаря поддержке М.С. Горбачёва, которому М.Е. Голдовская смогла 7 ноября 1988 года показать на даче «Власть Соловецкую».

До появления «Власти Соловецкой» любое упоминание о СЛОНе было вне закона. Андрей Миронов, погибший в мае 2014-го вместе с итальянским журналистом Андреа Рокелли на Востоке Украины, был отправлен в лагеря уже при Горбачёве. Ему в Ижевске прокурор инкриминировал то, что он де публично заявил, будто «У нас власть не советская, а соловецкая».

Соловки-лагерь упоминать крепко-накрепко запрещалось. Память о репрессиях коммунисты старались уничтожить. В 1959 году председатель КГБ Александр Шелепин специально предупреждал главу компартии Н.С. Хрущёва о том, что хранение десятков тысяч дел расстрелянных угрожает расконспирированием спецопераций со всеми нежелательными для государства последствиями. В актах о сжигании архивов Соловецких лагерей в качестве единицы измерения истреблённой памяти фигурируют мешки. Десятки мешков с документами.

Сотрудников Соловецкого музея на острове под роспись знакомили с «Памяткой» КГБ о том, как экскурсоводы должны реагировать на вопросы туристов про лагеря. В группы экскурсантов на Соловках нередко внедряли до-

носчика или провокатора-чекиста, чтобы выявлять нарушителей «Памятки».

— Чему был посвящен музей в советское время? Монастырю? Кто приезжал на экскурсии?

— О монастыре как о богомолье в советское время говорили поскольку-постольку, упор делался на историю тюрьмы, на хозяйственную деятельность обители, на военную историю. Особое внимание уделялось антирелигиозной пропаганде, по этому поводу устраивались всевозможные проверки, вплоть до комиссий из ЦК КПСС.

Приезжали на остров самые разные люди: по профсоюзным путёвкам — трудовые коллективы, сборные группы из разных регионов страны, много было и «дикарей» — людей, приезжавших в индивидуальном порядке. Это была самая благодатная публика, мы на экскурсиях им потихоньку рассказывали о том, что тут было во времена лагерей.

— Но в перестройку ситуация изменилась. И то, что пытались скрыть и спрятать, стало достоянием гласности?

— После выхода на экраны «Власти Соловецкой» директриса Соловецкого музея Людмила Лопаткина (она — умная) предложила мне сделать выставку о лагерях. Люди хотели знать правду о прошлом, и замалчивать её было невозможно. Нам самим нужно было понять, почему появился ГУЛАГ и почему, родившись на Соловках, он в начале 1930-х выплеснулся на материк.

Лагеря возникли на Соловках одновременно с приходом советской власти. В 1923 году состоялись первые расстрелы. В 1925-м сложилась система СЛОН. К этому времени весь лес на островах был уже вырублен. Лес — это валюта! И соловецких заключённых гнали валить лес на материке. Лагерные отделения Соловков функционировали от Ленинградской области и Мурманска до Сибири. Варлам Шаламов сидел в Вишерском отделении СЛОНа на Урале. Соловецкие заключённые сначала вали-

ли лес, а потом строили дороги, добывали полезные ископаемые, черпали нефть... Лагеря на материке до начала 1930-х продолжали называться Соловецкими. Слово «Соловки» из географического названия преобразилось в название системы, в символ нового порядка.

— Малоизвестный сюжет — сотрудничество монахов с чекистами. Многих он шокирует, я думаю.

— В истории Соловецкой обители, начиная с её основания, когда наёмники с железными прутьями «жестоко и с гневом» гнали карелов, немало грустных историй. Еще до прихода большевиков братия создала на островах «совет монашеских депутатов» и свергла власть архимандрита Иоанникия. В 1927 году 112 монахов обители, которую никто не закрывал, числились в составе администрации Соловецких лагерей Особого Назначения. Они получали обмундирование НКВД первого срока, монашескую пайку да жалование два раза в месяц по 30 серебряных рублей. Денежное довольствие у братии было меньше, чем у других вольнонаёмных сотрудников (иноки не были членами профсоюза), но сребренников хватало на содержание неработающих начальников обители.

— Ваша выставка была первой экспозицией о системе лагерей в СССР?

— Да. Мы сделали выставку в основном по моим фотографическим и текстовым материалам, собранным подпольно в годы советской власти. Я был идеологом экспозиции, а мой друг, питерский театральный художник Александр Баженов, стал автором художественной концепции и своими руками собрал все придуманные им деревянные конструкции. Главный хранитель Соловецкого музея Антонина Сошина знала, где найти заныканные до поры до времени материальные свидетельства деятельности СЛОНа. А Антонина Мельник, журналист по образованию, выполнила редактирование и литературную обработку текстов.

Экспозиция получилась удачная, она просуществовала 20 лет, хотя её несколько раз кромсали чиновники от культуры, пока не объявили морально устаревшей. Когда начали делать новую экспозицию, меня позвали консультантом, но все мои предложения отвергались. Доходило до абсурда — я предлагал сделать несколько фриз со стихами из «Реквиема» Ахматовой, а мне говорят: нет, Ахматова у нас не сидела. Общаться с этими чиновниками не имело смысла.

Бывший чекист, советник архангельского губернатора по развитию Соловков, придумал концепцию дозированной подачи материалов о лагерях. Её суть в том, что, говоря о лагерях, необходимо поминать только православных новомучеников, избегая говорить о том, кем были мучители. Он уже договорился до того, что «без новомучеников и исповедников соловецких не было бы победы в Великой Отечественной войне». Никто чиновнику не объяснил, что почитание новомучеников — это в первую очередь небезопасное смысловое следование подвигу людей, замученных за неприятие советского режима.

— На экскурсиях сегодня говорят о том, что на Соловках погибли в основном православные священники. Но ведь среди узников были и атеисты, и ученые, и аристократы, и убежденные коммунисты, и просто случайные люди.

— Среди соловецких заключённых, никогда не было более 10% узников, сидевших в лагере по церковным делам. Причём включая и католиков, и раввинов, и мусульман, и шаманов, и приверженцев разных сект.

В Соловецких лагерях на островах и в их отделениях на материке оставили свою жизнь или часть жизни около миллиона человек. Каждый год сюда приезжают самые разные люди из разных стран, самые активные пытаются поставить в единственном маленьком загончике вокруг соловецкого камня с надписью «Соловецким заключённым» памятные знаки своим близким: украинцам, вайнахам, полякам, скаутам...

«Один памятник для всех сотен могил, рвов, ям, в которых зарыты тысячи трупов, должен еще более подчеркивать обезличивание, забвение, стёртость прошлого», — сказал Дмитрий Лихачёв о Соловках. И поэтому не дадут сегодняшние соловецкие монахи сделать мемориальной камеру в Новобратском корпусе, где сидел Дмитрий Сергеевич. Архангельский губернатор не раз публично обещал, что будет такой музей, но Соловецкий монастырь этого не допустит! На родине ГУЛАГа о ГУЛАГе сегодня стараются забыть. Следы лагерей уже уничтожены. Священноначалие сегодняшнего монастыря со своей колокольни решает, что и как показывать посетителям Соловков.

На Секирной горе, официальном месте расстрелов, на площадке, где земля пропитала кровью на метры, нет ни табличек, ни монументов. Приезжают на площадку за алтарём храма Вознесения молодожёны — выпить под крики «горько!» шампанского. Приезжают сюда молоденькие инокини из женского отделения мужского монастыря, гоняют тут на снегоходах, у них это называется «покатушки». И обижаться-то на них нельзя. Вид с горы очень красив. А сколько душ тут погублено, им невдомёк.

«Мемориальцы» привезли из Питера и поставили в Савватиево, вблизи места убийства первых политзаключённых, гранитную плиту с именами шести узников, застреленных вечером 19 декабря в 1923 года. «Они боролись за свободу народа, честь и достоинство личности». В первую же ночь плита исчезла. Монах-скитоначальник пояснил Юрию Дмитриеву, что почти все убитые социалисты были эсерами, а значит, террористами.

В июне 2010 года во время посещения урочища Сандармох, где в 1937 году были убиты 1111 соловецких узников, Патриарх Московский и вся Руси Кирилл свёл причины зверств коммунистического режима к утрате большевиками веры в Бога. Вроде бы «неверующий человек может быть зверем, а верующий — никогда». Увы, крестик на шее или партбилет в кармане, как и прокурорская ко-

карда, не могут быть сами по себе гарантией высоких моральных качеств.

Исчезновение материальных свидетельств, напоминающих о монастырских тюрьмах и советских лагерях, завершено. Последний из научных сотрудников, занимавшийся историей мест заключения, уволен накануне летнего сезона 2017 года. Масштабные ремонтные работы, производимые непрофессиональными наёмниками, нарушили пропорции и гармонию древнего архитектурного ансамбля, включённого в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Игумен монастыря не стесняясь предлагает увезти камни соловецких языческих лабиринтов на материк. Он ввёл в оборот термин «разьюнескаться» — выйти из под эгиды ЮНЕСКО.

— Сколько людей приезжают сегодня на Соловки?

— Около тридцати тысяч в год. Столько посещают Эйфелеву башню ежедневно. На остров Эльба в год приезжает 3 миллиона человек. Столько же — 3 миллиона в год — поднимается в труднодоступный тибетский монастырь Шаолинь. И эти три миллиона совершенно не мешают отшельникам и монахам жить в своём маленьком монастыре, соблюдая свой внутренний устав. Всё можно организовать. Я полагаю, что соловецкая монастырская администрация лукавит, когда заявляет, будто туристы мешают монахам и паломникам.

Люди всё равно будут стремиться на остров, нужный и археологам, и орнитологам, и архитекторам, и специалистам по лишайникам, и историкам, и тем, кому дорога память о жертвах репрессий. И ещё сотням людей, для которых общение с Соловками есть способ самовыражения, как для других музыка или рисование.

— И потомки сотрудников НКВД?

— Они не хуже и не лучше нас с вами. В 2017 году приезжала из Америки редкая умница, медик-биолог, обаятельная Галина Чёрная. Она в СССР была лишена граждан-

ства и впервые за много лет решила посетить Россию, причём именно Соловки, где её дед-чекист в самые страшные годы оказался недобровольно.

Я не согласен с теми, кто говорит, что надо до шестого колена заклеить потомков палачей. Не забуду, как после выхода «Власти Соловецкой» к нам пришла дочь начальника управления СЛОНа Фёдора Эйхманса. Он сам потом был расстрелян как английский шпион. Ее мать приехала на Соловки на свидание со своим отцом, а начальник увидел симпатичную девушку, обещал освободить отца, если та выйдет за него замуж. Обещание сдержал, Эльвира Фёдоровна родилась от этого брака. После расстрела отца ей довелось испить чашу члена семьи «врага народа», включая высылку. А в постсоветское время нашлись активисты, клеймившие её как дочь палача. (Ф.И. Эйхманс палачом, по-моему, не был, в отличие от своего предшественника А.П. Ногтева или начальника Соловков Д.В. Успенского.) Она вопрошала нас: «В чём же я виновата? И моя дочь Маша?» Они к концу концов, слава богу, смогли эмигрировать в Америку.

— Какой памятник вы хотели бы увидеть на Соловках?

— Зураб Церетели мечтает поставить на 70-метровой Секирной горе 100-метровую статую Христа — самую большую в мире. Я не сторонник гигантизма. Пусть будет Христос, но как статуи Родена. Сюжет: Иисус Страждущий — человек, сидящий в темнице в ожидании казни. У меня есть фотографии статуи, которая принадлежала Соловецкому монастырю, а потом стала экспонатом музея СЛОНа. Фигура Спасителя выполнена из дерева, но кандалы и цепь на ней железные, соловецкие, из местной тюрьмы.

Или можно расчистить на берегу моря площадку, чтобы каждый, кто захочет помянуть погибших, мог принести свой камень (их вокруг тысячи), и положить его в пирамиду. Вечно живой памятник. А когда память иссякнет, камни рассыплются по берегу и не будет проблем, как с огромными монументами советской эпохи.

— Состоится ли в России покаяние, о котором так много говорили в конце 1980-х, когда снималась «Власть Соловецкая»?

— Покаяние — не количество земных поклонов и не декларация о благих намерениях. Суть греческого слова «покаяние» — это «переосмысление». Без покаяния немислимо возрождение. На острове, известном как точка самоидентификации России, переосмысления не произошло. Сегодняшняя попытка возвращения в прошлое, когда Соловецкий монастырь монопольно владел Соловецким архипелагом, — это путь к повторению трагедии, уничтожившей Российскую империю с её бездарными правителями и миллионами зависимых от них людей. Нам опять будет нечего предъявить миру, кроме своего отрицательного опыта.

«Новый журнал», январь 2018 г.

ВОСПИТАТЬ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ясен Засурский

о «парижской весне» и значении просвещения

Факультет журналистики МГУ был совершенно уникальным явлением позднего советского времени. Главная кузница идеологических кадров страны и в то же время — очаг вольнодумства, где читали лекции Синявский и Грушин, Белая и Кучборская, Бабаев и Бочаров, на которые стекалась вся Москва. Ясен Засурский деканствовал сорок лет, был свидетелем и соучастником многих важнейших событий. Его называют своим учителем политики и медиамагнаты, пулитцеровские лауреаты и звёзды экрана, люди самых различных взглядов и судеб. С ним дружили нобелевские лауреа-

ты и просто великие писатели. Американскую литературу он знал лучше многих коренных американцев. Удивительным образом за долгие годы он не изменил идеалам юности, «поколения оттепели», и вере в идеалистическое предназначение профессии. Человек-факкультет. Великий современник.

— Ясен Николаевич, сотни коллег с гордостью называют себя вашими учениками. А кого вы сами могли бы назвать своими учителями?

— Это довольно сложно сделать. В Институте иностранных языков я начал заниматься американской литературой, разбираться в Америке мне очень помог профессор Морис Осипович Мендельсон. Потом я поступил в аспирантуру, моим руководителем был Роман Михайлович Самарин, очень эрудированный, широких взглядов человек. Вот такие были учителя. А потом я был предоставлен в значительной степени самому себе, и люди, встречи с которыми оказывались важны с точки зрения понимания журналистики, общества, были очень разные — и одного со мной возраста, и старше, и моложе, и это было очень полезно. В университете это Николай Сергеевич Чемоданов, одно время декан филфака, Константин Иакифович Былинский, блестящий знаток русского языка. Во Франции — Жак Леоте. В 1958 году я впервые приехал во Францию, по линии ЮНЕСКО получил стипендию и читал лекции, а также сам слушал лекции в международном центре подготовки преподавателей журналистики в Страсбурге. Там были прекрасные французские специалисты, это стало время оттепели. Жак Леоте был директором центра высшего журналистского образования в Страсбурге. Там же познакомился с американским профессором Никсоном, который возглавлял международную ассоциацию преподавателей-исследователей средств массовой информации.

Я хотел бы назвать американца Джорджа Гербиер. Он в значительной степени помог понять, как СМИ разви-

ваются в разных системах. Гербиер приезжал в СССР, занимался сравнительным анализом венгерской «Недсабатшаг» и «Правды». Он говорил, что пресса не может быть абсолютно независимой, но может быть автономной. Другой американец, Герберт Шиллер, антифашист, был и остается выдающимся критиком материализации общественного сознания. Всё это люди разных взглядов, с которыми всегда было интересно говорить.

— Вы были современником, свидетелем самых значительных событий истории второй половины XX века — Великая Отечественная война, борьба с космополитизмом, потом XX съезд партии, отставка Хрущёва, война в Афганистане, перестройка...

— Война — это было страшное потрясение. Когда в 39 году был заключен пакт, мне было не много лет, а мой дед по матери, Федор Макарович Макаров, долго ругался и говорил: «Нам немцы еще надерут задницу». И самое ужасное, что дед умер 5 декабря 1941 года, его отпели на Ваганьковском кладбище. Москву бомбили, и гроб подсакивал от взрывов.

В дни XX съезда у нас на факультете выступал Шепилов. И он первый сказал, что надо перестать называть американцев акулами империализма, что у нас много других проблем, мяса, например, не хватает. Это был неожиданный поворот. XX съезд принес оттепель, на ее волне я полетел во Францию по стипендии ЮНЕСКО, видел приход Де Голля к власти. Оасовцы, как сказали бы теперь, террористы, бросали пластиковые бомбы. Тогда же я впервые увидел телевидение в действии — в СССР оно только начинало развиваться. Ровно через 10 лет, в 1968-м, я снова приехал во Францию, тогда бушевала студенческая революция. Это было замечательное зрелище: студенты захватили Сорбонну, писали, что профессора все флики, прислужники власти, бунтовали против общества потребления. Говорили: не хотим жить ради телевизоров и стиральных машин. Было интересно. Когда я об этом, вернув-

шись, рассказывал своим студентам, они удивились: что они там, совсем с ума сошли, телевизоры им не нужны. А потом, в 1969 году, я был в Америке и видел уже американский студенческий бунт, когда молодежь требовала окончания войны во Вьетнаме. Колумбийский университет практически не функционировал, бунтовщики требовали смены руководства — но это не относилось к школе журналистики. Я спросил — почему. В ответ услышал: студенты знают, что будут работать в газетах, где бунтари не нужны. А в подпольной прессе, которая появилась тогда, они работать не собирались.

В 1968 году, во время чешских событий, мы провели конференцию о новых технологиях, о том, что информатика сделает журналистику другой. Тогда у нас компьютеры только появлялись. Приехали Гербиер, Шиллер, Норденстренг из Финляндии, крупнейшие специалисты. Два наших аспиранта написали статью о перспективных новых информационных технологиях и пошли в «Правду». Им сказали: наша газета издается тиражами большими, чем газеты в Америке, и они нам не указ.

— Не потому ли мы в итоге проиграли холодную войну, что гнули «через колено»?

— По двум причинам. Потому что у нас не было свободы печати, и мы каждый раз убеждали людей в том, во что они мало верили, и не сообщали о реальных событиях. Так что передачи по радиоголосам звучали очень убедительно. Взорвался дом на набережной в Москве — советские газеты не сообщали об этом, а «Би-би-си» передала. Мы проиграли по причинам чисто политическим, не найдя сил преодолеть узость мышления, догматические взгляды. Воевали и с США, и с Китаем, очень узко смотрели на развитие общества. Это не давало оснований для победы. У нас были замечательные достижения в области космоса, атомной энергетики, но не было свободной мысли. Когда в 1968 году на Западе студенты выступали за приоритет общечеловеческих ценностей, на них обру-

шивалась советская пропаганда, им не давали возможности найти общий язык с молодой советской интеллигенцией.

Собственно, СССР был успешным, пока существовало индустриальное общество — капитал, рабочий класс. А потом, когда рабочий класс стал сокращаться и на первый план вышли интеллектуальные ресурсы, строй начал пробуксовывать. Конечно, спорить открыто с тем, что диктатура пролетариата — в основе всего (хотя пролетариата-то уже почти не осталось), было невозможно. В СССР начался новый опасный антиинтеллектуализм. И мне кажется, он погубил нашу страну. С моей точки зрения, он и сейчас нашу страну губит. Мы не ценим интеллект, знание, способность мыслить свободно.

— Сегодня мы всё чаще вспоминаем тех, кто бунтовал и сопротивлялся обстоятельствам в советское время. Но не кажется ли вам странным, что до перестройки, до официальной свободы, пусть краткой, у нас было больше не только талантливых ученых и писателей, но и ярких журналистов, чем в наши дни? И вообще журналистика — лучшая ее часть — была интереснее и честнее?

— Тогда многое значила личная позиция, личное сопротивление. Сама идея свободной мысли была очень важна, она противостояла безысходности. Мне кажется, наша главная проблема в том, что в период новой революции (иначе говоря, перехода к рынку) на первый план не были выдвинуты общечеловеческие ценности и идеалы, идеи свободы и человечности. Высшие ценности человека по сравнению с машиной. Маркс призывал в свое время освободить человека от отчуждения — у нас именно это отчуждение и произошло. Во главу угла встало всё сиюминутное, потребительское, причем большинство не имеет возможности потреблять.

Конечно, появились возможности купить новую технику, что-то еще, но идеалов нет. Последний раз о них говорили в августе 1991 года, об идеалах свободы. Но кто о них

сегодня помнит? Кто и когда на выборах говорит о свободе, о правах человека? Для меня серьезнейшим разочарованием стали выборы президента в 1996 году. Я участвовал в дискуссии на НТВ, проводили ее американцы, и на первый план вышла идея — любой ценой спасти Ельцина, во что бы то ни стало. Получилось, как в свое время: любой ценой спасти СССР. Верх взяли тактические (и шкурные) интересы. Огромный потенциал России, который сработал и в 1917 году, превратился в свой антипод сразу после Брестского мира и разгона Учредительного собрания. Ведь кайзеровская Германия была самым реакционным государством Европы! Это решение погубило Ленина. Такая позиция господствует у нас до сих пор, и пока она существует, Россия не выйдет из того бездуховного состояния, в котором пребывает. Все разговоры о создании некоей национальной идеи — просто болтовня, она чаще всего сводится к тому, чтобы поддержать того или иного хорошего человека.

— Получается, наша журналистика, так долго мечтавшая о свободе, сама не выдержала испытания временем?

— Конечно, не выдержала, потому что вместо свободы многие искали вседозволенности и воли, а особенность свободы в том, что она обязательно требует ответственности. Не перед президентом, правительством и профессором, а перед своей совестью. Это самый высокий уровень ответственности в политике и журналистике. Хотя и сегодня есть журналисты, которые отстаивают подлинную свободу, готовы ей служить, и их убивают за это.

— Когда мы учились, невозможно было представить, что журналистов будут убивать, в нашей стране, в Москве...

— Это страшная трагедия. Аня Политковская, Юра Щекочихин, который первым написал о мафии, другие... Ни одно время не гарантирует спокойной жизни тем журналистам, которые хотят рассказать правду. Рассказывают о тех, кто мешает нам жить. И люди это понимают.

И помнят. И некоторые продолжают их дело. К сожалению, у нас сама концепция подлинной свободы — во имя человека — не получила развития, ее растоптала коммерция, украла ее лозунги. Сегодня у нас есть свобода порнографии, сквернословия, свобода продавать свой талант. Я далеко не пурист, но мне кажется, свобода не в этом. По большому счету, мы потеряли свободу раскрытия своей духовности.

У нас появились очень важные вещи — информация сегодня открыта, журналисты знают, что происходит в Кремле, в правительстве, едут на передовую. Информации вообще много. Но при всем том журналистика не смогла быть ответственной на уровне Аграновского. А ведь он писал до победы демократических идей, и у него было чувство меры и чувство такта.

— Последние годы много говорят о том, что российские СМИ должны больше ориентироваться на жесткую, информативную американскую модель, что идея профессии как служения устарела. Ваше мнение?

— Безусловно, журналистика должна быть насыщена информационно, но информация утрачивает всякий смысл, если она лишена человеческого начала. Об этом говорит и российская традиция со времен Радищева. Кстати, та же традиция и у европейской журналистики. Западная журналистика вообще очень разная. Американская делится на несколько составляющих. Там хорошо развита культура репортажа. Нельзя печатать новость, не подтвержденную дважды, нельзя убеждать своими умозаключениями — требуются факты.

Но в Америке существует культура, которая очень далека от наших реалий — там всё решается юридически. Если ты прав в суде, значит, ты прав. И, конечно, никто в СМИ не будет, как у нас, утверждать, что принятый закон ничего не значит. А для французской и английской журналистики, как и для нашей, существенны проблемы духовности, гуманизма.

— В начале 1990-х вы были инициатором первых совместных программ сотрудничества российских и американских ученых. Как возникла эта идея?

— У нас давно сложились хорошие отношения с американскими филологами, исследователями русской литературы. И в 1990 году возникла идея — издание книги о русской и американской литературе. Она не реализовалась, но зато реализовались ежегодные поездки писателей и ученых, наших и американских, друг к другу. Это было очень полезно, открывало новые возможности.

— Последние годы наша журналистика вышла за рамки закрытого идеологизированного общества, столкнулась, как и все мы, с глобальными проблемами. Но вписываемся ли мы во всеобщий контекст?

— Плохо вписываемся. В последнее время все так ушли в свои российские интересы, что забыли обо всем остальном, о глобальном вспоминаем разве что в связи с ценами на нефть. Пожалуй, за всю историю мы впервые ушли на периферию мировой интеллектуальной дискуссии. А вписаться нам придется. Глобальные угрозы уже существуют. Трагедии, которые мы пережили — это не просто гибель детей, невинных людей, это не только наше личное горе, но и часть всеобщих процессов. Нельзя ту же Осетию отделить от остального мира.

— Верите ли вы в молодых, в студентов? Есть ли признаки надежды на то, что наша профессия выйдет из нравственной спячки?

— Безусловно. Недавно мы показывали студентам фильм «Убить журналиста». Многие на обсуждении говорили о том, что готовы сражаться за правду, отстаивать высокие идеалы. Конечно, столкновение с практикой бывает непросто для многих. Но дело не в этом. Когда проводили опрос студентов, чего они ждут после окончания МГУ, большинство на первое место поставили «интересную работу по специальности». А на других факультетах

большинство надеялись на высокооплачиваемую работу. Разумеется, для наших выпускников заработок тоже важен, но не на первом месте.

— Что изменилось за последние годы на факультете?

— У нас возникли новые курсы рекламы, пиара, экономики и другие. Работают немецкий, французский, финский центры журналистики, где выступают журналисты-преподаватели из этих стран. А также испанский, японский, индийский и другие центры, где изучают разные культуры, и студенты могут прикоснуться к новому миру, больше попробовать. Не для того, чтобы стать этнографами, но чтобы увидеть проявления человеческого начала во многих вариантах. Это давнее свойство русской культуры — не противопоставлять себя другим, но впитывать лучшее и с Востока, и с Запада, от этого русская литература и культура становились только богаче. Поэтому у нас по-прежнему изучают и Гомера, и Флобера, и Джойса, и современных авторов.

— Хочется верить, знакомство с реальностью нашей профессии молодых не слишком разочарует. Наша практика всё больше становится похожа на прежнюю: всё больше контроля, всё меньше возможностей для самостоятельного творчества и анализа...

— Очень печально, что вымываются из прессы значительные фигуры. Яркие индивидуальности всегда доставляют неприятности, но без них ландшафт скудеет. Вообще, самостоятельно мыслящих людей надо уважать. Действительно, у некоторых наших руководящих деятелей существует иллюзия, что если взять под контроль СМИ, тогда пойдет лучше. Мне кажется, скорее будет наоборот — это приведет к панике. Будет скрыто от глаз читателя то, что реально происходит. В СССР всё было тишь, да гладь, да божья благодать, а потом в течение двух-трёх недель страны не стало. Была примитивная информационная провокация — сообщили, что Горбачёв заболел. Затем вы-

ступления военных, не получившее никакой поддержки. Всё это вызвало к жизни волну, которая смела и путчистов, и весь СССР. А если бы люди регулярно получали информацию о том, что там происходит, были бы точные сведения о том, где президент? Я по этому поводу в свое время писал статью в «Известия», которая так и называлась — «Если бы у дачи Горбачёва дежурили журналисты». Сразу после событий. У нас ведь всегда издевались над тем, как на Западе журналисты неотступно следуют за президентом, из воды его снимают на пляже и т.д. Папарацци. А ведь если бы у нас так было, никто бы не сказал, что Горбачёв заболел.

— Если не ошибаюсь, как раз в дни путча на факультете проходила международная конференция, одна из первых.

— «О печати и ее принципах», так она называлась. Утром 19 августа у факультета, у Манежа стояли танки, солдатики разговаривали с людьми, мирно так. Американские коллеги были сильно напуганы, тем не менее мы начали заседание, сказали, что свобода печати останется, что путч не изменит нашу решимость ее отстаивать. Кто-то сразу после заседания ушел на улицу. Надо сказать, журналисты, вообще Москва, очень достойно себя повели в те дни.

— Когда-то вы говорили, что начинаете день с «Известий»...

— Раф Шакиров сделал газету в свое время интересной, мне кажется. Читаю «Коммерсант», «Независимую газету»; «Московский комсомолец» публикует интересные материалы; с удовольствием читаю Мишу Ростовского, Юлию Калинин. И с литературной точки зрения, и позиция у них всегда очень четкая. Стала интереснее «Российская газета», здесь работают и молодые журналисты, и такие опытные, как Всеволод Овчинников. Читаю с интересом Ирину Петровскую, в свое время смотрел передачи Евгения Киселёва, Леонида Парфёнова.

— А радио слушаете?

— Я с 46 года постоянно слушаю «Би-би-си», это прекрасная школа объективной информационной журналистики. Люблю слушать программы из Америки — новости, анализ, передачи о российских событиях. Здесь всегда присутствует несколько точек зрения. Так же, кстати, и на нашем «Эхе Москвы». Это замечательно. Сообщают о новостях сразу же, берут интервью. Я смотрю «Си-Эн-Эн» и «Би-Би-Си Уордл». Наше «Эхо Москвы» от них не отстает. Радиостанция — один из лучших проектов, говорю об этом с удовольствием, потому что радио родилось у нас на факультете. Денег у нас не было, тогда помогли Моссовет, «Огонек» Коротича, Ассоциация радио СССР. Собрали деньги, потом они пошли к Гусинскому, в «Газпром». И здесь остаются честными, толерантными, но в то же время нетерпимыми к проявлениям фашизма, ксенофобии. Иногда думаю, наступают себе на горло, чтобы дать высказаться оппонентам. Работают на слушателя, хотя и имеют свои симпатии и антипатии, свою точку зрения.

— Другими словами, подобие общественного вещания, которого у нас пока нет. Будет ли?

— Я поддерживаю идею общественного вещания. Думаю, общественное радио и телевидение у нас в конце концов появится, но для этого должны произойти сильные изменения в психологии журналистов и аудитории, в психологии Государственной думы, Совета Федерации, Администрации президента. Такое вещание требует безусловного доверия к тем, кто его будет контролировать, к Совету канала. А в нашем обществе нет такого сектора, которому доверяли бы даже журналисты. Когда нечто подобное предложили создать после августа 1991-го, журналисты восстали, они не хотели, чтобы ими кто-то управлял. Для того, чтобы пришло понимание важности развития гражданского общества и его институтов, должно пройти время.

— И, наверное, должны быть и консолидированные силы нашего профессионального сообщества? Как вы его оцениваете?

— Оно удивительно разрознено, отчасти поэтому нет общественного телевидения. Увольнение Парфёнова вызвало реакцию — но не всеобщую; была сложная ситуация в «Известиях» — тоже не возникло общекорпорационного волнения. Журналисты пока выступают каждый за себя, это, кстати, касается и политиков. Подозреваю, многие из них не говорят и не делают того, что думают, из опасения потерять место в парламенте, как и журналисты — в газете. Это результат тяжелого экономического положения. Нужно, чтобы было также более гомогенно с точки зрения доходов.

— Что бы вы могли назвать своим самым большим успехом?

— Наверное, то, что всё-таки удалось отстоять в обучении студентов принцип интеллигентности, без которой журналистика не может быть полезной и интересной людям. Несмотря на все трудности и компромиссы, наши студенты читали не только Пушкина и Достоевского (хотя последнего тоже, бывало, по-разному оценивали), но и «Один день Ивана Денисовича», который входил в программу курса советской литературы. Был случай, когда одного нашего выпускника в Иванове уволили за то, что нашли у него «Архипелаг ГУЛАГ». На съезде Союза журналистов нас тогда обвиняли, что неправильно воспитываем. Нам удалось привлечь на факультет людей значимых с точки зрения их гражданской позиции, лекции по литературе читали Андрей Синявский, Галина Белая, Анатолий Бочаров, по социологии — Борис Грушин, Юрий Левада. Преподавали у нас Эдуард Григорьевич Бабаев, Кучборская, Ковалёв, Шведов, они каждый по-своему учили свободе мысли, уважению к свободному слову, к общечеловеческим вечным ценностям. И студенты читали то, что хотели. Удалось их в какой-то степени оградить от ре-

троградности, даже при тех рамках, которые были. Не регламентировали их — разве что на картошку посылали.

— Что бы вы подарили себе на день рождения?

— Немного свободного времени. Чтобы послушать, почитать что-то интересное и достойное. Я люблю журналистов, которые быстро сообщают новости. Конечно, хотелось бы, чтобы это были наши выпускники.

«Журналист», 2010 г.

МИР СПАСЁТ КРАСОТА

Уильям Брумфилд о путешествиях на Русский Север

Мы встретились впервые на конференции в Кембридже, где американский славист прочитал невероятный доклад о росписи «небес» в шатровых церквях архангельской Мезени и показал фотографии памятников — некоторые из них сохранились в тому времени только на его снимках. Уникальная коллекция фотографий русского деревянного зодчества была передана автором в вашингтонский музей и не пострадала во время новоорлеанского наводнения, затопившего университетский офис и разрушившего дом автора. Сейчас она доступна в интернете всем желающим. Говорят, что он провел почти непрерывно целую неделю, лежа в сугробе у маленького храма, ожидая появления солнечного луча, отразившегося в куполе. Что тридцать километров толкал вместе с шофером по грязи забарахливший уазик (к уазу, микроавтобусу по прозвищу «санитарка», и русским водителям у него особое пристрастие).

А сам Уильям Брумфилд продолжает свое бесконечное путешествие по российской глубинке.

— Помните свою первую поездку?

— В 1970 году я ещё студентом приехал в Советский Союз по программе обмена, провел целое лето. Это очень много дало, особенно в плане литературном. У нас были прекрасные преподаватели — профессиональные, дружески настроенные, готовые помочь. Готовясь к путешествию, я купил мою первую камеру, маленькую «Конику», и две пленки «Кодак» (ASA 25). Практически ничего не зная о том, как снимать, я полагал, что небольшое количество слайдовой пленки будет как раз то, что надо. Кто-то подсказал, что я смогу купить слайды на месте. Советские слайды через несколько месяцев испортились. А вот кадры из тех двух пленок, которые я привез с собой, публикую по сей день. Летний свет, сильная выдержка ну и мое собственное умение видеть помогли создать снимки Москвы и Ленинграда, которые я, вернувшись, показал в моем университете Беркли. Они произвели сильное впечатление. Одним из моих немногих зрителей был Глеб Петрович Струве, сын известного политика, кадета Петра Струве. Глеб Петрович, профессор русской литературы, бесконечно ей преданный, был постоянным критиком советской системы. Его высокая оценка моих снимков была совершенно неожиданной, тем более дорогого она стоила. Он сказал, что я вернул часть его культурной памяти. После этого я немедленно подал заявку в аспирантуру, по обмену в Ленинградский государственный университет.

— Как это было?

— Мы жили на Васильевском острове — иностранные аспиранты, американцы, британцы, швейцарцы, французы. Каждую неделю ходили в театр, это было великолепно. Конечно, были трудности. Но, надо сказать, мы не слишком на них обращали внимание.

— С советскими студентами общались?

— Не так много. Мы всё-таки жили отдельно, и язык не такой свободный. Больше общались с представителями старшего поколения, это было очень интересно. Потом я приезжал регулярно. Однажды за совершенно смешные деньги отправился в составе международной группы по СССР — Самарканд, Бухара, Баку. Потом были другие поездки по СССР, круизы по Волге, я везде старался снимать. А потом уже стало легче, и я расширил географию своих путешествий.

— Как выбирали свои маршруты?

— Моя работа на Русском Севере (исторически определенном как территория вокруг Белого моря) началась с поездки в Кижы летом 1988 года и продолжалась все 1990-е.

Архангельская земля была особенно богата памятниками деревянной архитектуры светского и религиозного назначения — это было основным предметом моего интереса. Съёмки были одновременно и трудными, и очень успешными, особенно в зимнее время. Дни непрерывной работы на сильном морозе часто заканчивались вечерами у печи, в которой потрескивали поленья, и не одним тостом за здоровье присутствующих... Я сталкивался с потрясающим гостеприимством и щедростью людей, самых разных. Одновременно с работой на Русском Севере в конце 1990-х я начал думать о других путешествиях. Двигателем моих последующих поездок на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, вплоть до порта Владивосток, стал интернет-проект «Встреча границ», который задумал хранитель библиотеки Конгресса Джеймс Биллингтон при поддержке Конгресса США и библиотек Российской Федерации. В основе проекта был поиск параллелей в освоении территорий в России и США. Русские в основном продвигались на восток, а американцы на запад, и те, и другие так же вступали в контакт с местным населением (временами довольно жестко), так же строили железные

дороги и так же писали книги и слагали легенды о берегах Тихого океана. В 1988-м Биллингтон попросил меня как фотографа и специалиста по русской архитектуре разработать фотоконтент, который мог бы иллюстрировать и высветить развитие этого эпоса, как он отражался в архитектуре. Мои отношения с Библиотекой Конгресса всегда были очень продуктивными. В 1985–1986-м я работал в качестве куратора первой передвижной выставки Сергея Прокудина-Горского, пионера в области цветной съемки. В 1903–1916 годах он объехал почти всю Российскую империю и сделал более 2 тысяч снимков, стеклянные негативы увез в эмиграцию, потомки продали их Библиотеке Конгресса. Так что я в каком-то смысле повторял путь Прокудина-Горского. В 1999–2002-м я пять раз ездил по направлению из европейской части России через Урал на Дальний Восток. Каждая поездка невероятно обогащала мое знание России, и каждая требовала невероятного напряжения сил.

— Вы родились и жили на американском Юге, в протестантской среде. Как возник интерес к России?

— Когда мне было восемь лет, я играл в саду и стрелял в русских солдат. Все знали про «красную угрозу» и всё такое. Отец подошел и очень серьезно сказал: «Русские не враги. Я их видел. И мы никогда не будем с ними воевать». Он видел русских пленных после Брест-Литовского мира в 1918 году: это были простые крестьяне, призванные на фронт, они ни в чём не были виноваты, они страдали. Потом они вернулись домой, никто не знает, что с ними стало, началась Гражданская война. Отец находился тогда в составе американского контингента. Я запомнил его слова.

Мама всегда любила русскую музыку. Когда в семье были трудности, она играла Чайковского. Достоевский стал моим любимым писателем. Сейчас я думаю, что мои путешествия и книги — своего рода продолжение отцовских слов.

— Считаете, что вас ведет провидение?

— Я воспитывался в строгих протестантских правилах: чтение Библии и так далее. Но в церковь хожу редко. В православные храмы — хожу. Знаю, что я грешник. Но стараюсь делать то, что могу и должен.

— В ваших последних газетных публикациях заметен интерес не только к старине, но и к недавней истории, к связи времен и смыслов. К архитектуре ГУЛАГа — об этом несколько публикаций. Можно ли сказать, что советский период для вас как исследователя стал более привлекательным?

— В целом каждая среда — городская или сельская — обладает своим архитектурным своеобразием, в том числе деревни и постройки советского времени в Комсомольске-на-Амуре или Норильске. В моей работе об истории в архитектуре, особенно сталинского периода, неизменно отражаются те или иные господствующие идеологические концепции.

Это интересно в любом случае. Поскольку я всегда готов к путешествию, я нередко ехал в тот или иной регион за компанию, чтобы поддержать коллегу или друга. И чем больше людей я узнавал, тем больше приглашений получал. Так поехал в Челябинскую область, Липецкую, Татарстан и недавно в Белгородскую область. Два года назад меня пригласил в Норильск тамошний музей. В других случаях я составляю довольно ясный план, как это было с проектом «Встреча границ». Я регулярно публикую снимки и эссе в проектах *Discovering Russia*, *Russia Beyond the Headlines*. О современности и истории, это важно.

— К трудностям повседневной жизни в СССР, потом в России привыкли быстро?

— Я с самого начала не слишком их замечал. Был момент, когда мы боролись с клопами в общежитии в Ленинграде, содрали обои. Но справились быстро. Я научился перемещаться по русским дорогам. Огромные расстояния, невообразимые для европейца. Главным средством

был узик. Полный привод. Две ручки переключения передач, два бака (слева и справа), упругая подвеска, высокий клиренс. Ремни безопасности? Не смещайте меня! Максимальная скорость 100 километров в час, но вы вряд ли сможете разогнаться, петляя по изрытым глубокими колеями грунтовокам и разбитым ямами проселочным дорогам, для которых этот российский аналог джипа был создан. Нигде в России нет такого количества подобных дорог, как в Архангельской области. Сочетание бедности и нерасторопности властей — в результате, наверное, худшие дороги в европейской России. Но опытный водитель узика (в просторечии «санитарки») успешно ведет его в любую погоду, не останавливаясь! Я не очень знаю, как он это делает. Но я говорю с ним, и это успокаивает. Моя задача — держать фотоаппарат наготове, исследуя горизонт на предмет наличия луковичных куполов старых церквей. Во всех моих путешествиях узик показал себя великолепно.

— Вы много раз бывали на Мезени, на Кольском полуострове, в Карелии. Выпустили книги, в том числе настоящую энциклопедию русской архитектуры «Пути к Белому морю», на русском языке, что особенно важно для российского читателя. Чем влечет Север?

— На Русский Север я готов возвращаться всегда. В заключительных строках книги «Потерянная Россия» я писал об очевидном сходстве в восприятии образа прошлого в России и на американском Юге. Я понял еще очень давно, когда только начал в юности «заболевать» великой русской литературой, что существует близость в трагическом восприятии мира русскими и жителями американского Юга. Описание уходящей старины равно близко обоим. В западном искусстве описание развалин занимает особое место, «романтические руины» побуждают к размышлениям о судьбе, о переменах в жизни людей. В мироощущении жителей послевоенного Юга, потерпевшего поражение в гражданской войне, развалины усадь-

бы, скажем, всегда поднимали вопрос о судьбе конкретного человека в целом. «Призраки Миссисипи», таким образом, рифмуются с «Потерянной Россией». Впервые я был поражен сходством между Россией и американским Югом еще в Ленинграде в 1971 году. Красота этого города, несмотря на всю его обветшалость, пронзила меня и напомнила о Новом Орлеане, основанном через пятнадцать лет после Петербурга. Первоначальный образ обоих городов во многом обязан французскому военно-инженерному искусству. В тот год я также лучше понял, почему литература американского Юга так привлекает русских. Самые очевидные примеры — переводы Фолкнера, постановки Теннесси Уильямса, их в России читали все. И я пытался на своем тогда далеко не совершенном русском описать своим русским собеседникам таинственный Новый Орлеан. Потом я понял, что Русский Север похож на американский Юг ощущением того, что, как пишет об этом Фолкнер, «прошлое не мертво. Оно даже не прошлое». На Севере я в разные годы видел десятки деревень, чья сохранный архитектура остается свидетельством живучести творческих и культурных традиций. К сожалению, многих из них уже нет. Сходство России и американского Юга — обостренное ощущение трагедии и память предков, павших в кровопролитных войнах. Я видел почти в каждом населенном пункте памятники погибшим. Так что в определенном смысле, отправляясь на Русский Север, я возвращался домой, на американский Юг.

— «Потерянная Россия» — это и разрушенные, перестроенные памятники. По вашим оценкам, насколько утрачено архитектурное наследие?

— Многие утрачено, но многое осталось. Россия огромная страна, и в маленьких городах подчас сохранилось значительно больше памятников, чем в больших, в больших зачастую памятники реконструируют, при этом теряется связь с ландшафтом. В каких-то городах, в Красноярске, Иркутске и Тюмени, удалось многое сохранить, это зависит не только от средств, но и от понимания значения

культурного наследия. В России даже в деревнях строили не просто церкви, а роскошные храмы с богатым интерьером и убранством, их строили, как правило, безымянные мастера. Очень важно сохранить и поддержать то, что уцелело в бурном XX веке. А уцелело, должен сказать, немало.

— На ваш взгляд, было больше утрачено в советское или уже в постсоветское время?

— Сейчас, мне кажется, стало лучше. Конечно, многое утрачивается. Трагическая судьба русских усадеб. Нет хозяев. Усадьба Гончаровых стала музеем — а соседние разрушаются. Государство не всё может поддержать. Иногда находятся музейные работники, подвижники настоящие. Но не всегда. Мне повезло познакомиться и подружиться с Комичем ещё в советское время. До сих пор многое делаем вместе. Я очень признателен российским музейным работникам, искусствоведам.

— Сегодня церковь стремится вернуть себе исторические памятники. Это благо или зло?

— Церковь иногда помогает их сохранить. Знаю несколько таких примеров. Всё зависит от людей.

— Каков ваш личный рецепт профессионального успеха в фотографии?

— В целом я предпочитаю прямой подход к структуре, который создает ясную перспективу и позволяет построить «самопрезентацию» объекта. Чем меньше специальных средств, тем лучше. Технические приемы — профессиональные линзы, темная комната, эффект темной комнаты, фотопш — это мои секреты. Как бы то ни было, самое главное — это твои глаза, умение видеть, хотя техника тоже имеет значение. Важно выбрать детали. Иной раз я отступаю от строгости документального подхода и делаю более лирические или драматические снимки, соответственно выстраивая кадр и экспозицию.

— Только что вышла ваша книга «Путешествие сквозь империю» (Мне кажется, «сквозь» в данном случае лучше, чем «через», так как путешествие — в глубь истории и нашего понимания ее, а не только преодоление пространства.) Она — результат масштабного многолетнего проекта, посвященного наследию Сергея Прокудина-Горского. Но не только. У меня несколько вопросов в этой связи. Первый: как в вашей жизни возник Прокудин-Горский? Что он для вас значит сегодня? Как происходило освоение его наследия, громадный труд по цифровизации его фотографий?

— Мое изучение и «документация» русской архитектуры развивались по своей траектории. Я начал фотографировать в первый свой приезд в Россию, летом 1970-го, задолго до того, как услышал о Прокудине-Горском. В 1985 году меня пригласили в Библиотеку Конгресса оценить коллекцию Прокудина-Горского, планировалась выставка его работ. Эта первая выставка, восемь цветных фотографий с негативов Прокудина-Горского, открылась в ноябре 1986 года и вплоть до 1991-го путешествовала по тринадцати другим выставочным адресам. Выбор Библиотеки пал на меня, так как у меня уже была докторская степень в славистике (университет Беркли, 1993), то есть я обладал достаточными знаниями в русском языке и литературе, истории. Сыграло роль и то, что я довольно много ездил по Советскому Союзу, бывал и в местах, запечатленных Прокудиным-Горским, много снимал и выставлялся как фотограф, а в 1983 году вышла моя книга «Золото в лазури: тысяча лет русской архитектуры» (book Gold in Azure: One Thousand Years of Russian Architecture). Исследуя альбомы мастера в отделе фотографии и графики, я понял, насколько часто наши приоритеты в области съемки переключивались. В некоторых случаях это объяснялась естественным интересом к истории русской архитектуры — соборы во Владимире XII века, к примеру. Но другие пересечения наших путешествий были более глубинными — такие, как моя поездка в Узбекистан в мае 1992-го, когда был аспирантом и учился по обмену в Ленинградском государственном университете. Исследуя альбомы Проку-

дина-Горского, я понял, что это судьбоносный поворот. Повторял как мантру: «Я это тоже видел!» Я снимал грандиозные монументы Самарканда и Бухары (сегодня серьезно реконструированные) и видел их примерно такими же, какими он их запечатлел за шесть десятилетий до меня! Я занимаюсь коллекцией Прокудина-Горского вот уже больше 35 лет. В течение последних десяти лет постепенно, шаг за шагом, написал аннотации ко всем его работам в цвете из коллекции Библиотеки Конгресса. И начиная с 2017-го регулярно публиковал статьи под рубрикой «Открытие России» (Discovering Russia) на сайте Russia Beyond. Знакомство с коллекцией Прокудина-Горского не побудило меня изменить сферу интересов, не вызвало желания повторить его путешествия или намерения повторить его точку зрения. Часто логика нашего снимка и особенности видения архитектурного объекта зависят от нашей перспективы. Мой контракт начался, и я приступил к работе. Но как бы то ни было, сопоставление наших снимков, разделенных шестью с лишним десятилетиями, а иной раз и сотней лет, говорило не только о сходстве, но больше о контрасте, о состоянии, в котором находятся памятники, и об историческом контексте.

— В прекрасном эссе, завершающем книгу, вы говорите о философии памяти, о том, как фотография помогает постичь историю и нас самих. Что сегодня важно понимать о философии памяти?

— Когда мы говорим о памяти, мы обычно обращаемся к тому, что произошло в определенное время в определенном месте, и наши эмоции и наш интерес участвует в воссоздании воспоминания. А фотография как подлинный документ позволяет скрепить время и место, чтобы выбросить оба. Образ стимулирует нашу память. Но фотография — многозначный объект, который зависит от нашего интеллектуального усилия и возможности уловить смыслы, в нём таящиеся. Она дает возможность перемещаться во времени, интерпретировать, концептуализировать, создавать свой нарратив и увлекаться им. И когда мы

видим сопоставимые снимки одного и того же места, сделанные в разное время (как в моей последней книге), можем создать зону памяти, которая охватывает судьбы людей и народов, наций. Фотографии могут быть уникальным способом познания мира, его ощущения, рецепторами познания мира. Такими их делает наше восприятие, наша интерпретация.

— По вашим наблюдениям, русские исследователи и обычные люди боятся своей истории? Не готовы ее понять? Предпринимают ли усилия для того, чтобы осмыслить? Они похожи в этом на американцев?

— Мне кажется, трудно делать обобщения о том, как нация в целом воспринимает и интерпретирует историю и память. Существует много возможностей для мифологизаций разного рода. Это касается и американцев, и русских, и французов, и поляков, и всех остальных. Мы видим, как правда на каждом повороте сталкивается с этими возможностями между странами и внутри стран. Что меня тревожит, так это, скорее, борьба внутри западного академического мира по поводу того, какие сменно сферы исследования достойны изучения, «достойны истории». В моем случае это история русской архитектуры во всей своей полноте. Но здесь я бы поставил вопрос по-другому: кто определяет, что именно мы изучаем в русской архитектуре или изучаем ли мы ее вообще? Как я уже говорил, западная академия определенно безразлична к исследованию русской архитектуры, небольшое исключение составляет разве что международное движение авангарда и конструктивизм. Маргинализованная и считающаяся в каноническом смысле незначительной, русская архитектура редко привлекает внимание исследователей. В моем случае имела место постоянная борьба между двумя совершенно различными областями – славистикой и историей искусства. Меня поддерживала работа в области художественной фотографии, документального ресурса для изучения русской архитектуры, и то, что мои работы представлены в Национальной галерее искусств. Я был членом

Общества историков архитектуры в конце 1980-х и начале 1990-х, в 1989 году опубликовал одну из очень немногих по данной теме статей в академическом журнале общества JSAH. В 1995-м меня пригласили возглавить первую и единственную поездку JSAH в Россию. Это был фантастический опыт, но он не привел к устойчивому интересу Общества к русской архитектуре. Языковой барьер, культурные различия, бюрократические ограничения — всё это вместе взятое не позволило развиваться серьезному интересу. Работая над первой книгой, «Золото в лазури» (Gold in Azure: One Thousand Years of Russian Architecture), я научился многому — прежде всего, как получить поддержку на новаторский проект в совершенно незнакомой многим области. Первыми меня оценили издатели — потому что мои фотографии хорошо продавались и помогали реализовать книги. За ними проявили интерес к новому проекту фонды и грантовые организации — в их приоритетах поддерживать творческие инициативы.

Появление первой книги с фотографиями и документацией показало, что я могу делать. Представители академии были последними, кто это понял, отчасти потому что я принадлежал сразу к двум направлениям. Историки искусства считали меня не вполне своим, могли усомниться в моих «полномочиях». Но разве «полномочия» историков искусства включают знание русского языка, культуры и исторического контекста? А ведь это очень важно для понимания русской архитектуры. С другой стороны, слависты часто не понимали мою работу в области истории архитектуры. Что общего она имеет со стандартами существующих университетских программ славистики для студентов?

В то же время многие использовали мои работы, в том числе фотографии, и старались помочь — среди них Ричард Вортман. Я убеждён, что кто-то из коллег-славистов должен полностью посвятить себя этой области, которая не вписывается в тесные рамки форматов — включая историю архитектуры, работу «в поле» для полного и подробного документирования и сохранения образов памятников.

Я сторонник сохранения стандартов. Но на деле не раз отмечал, что временами слависты углубляются в историю искусства, в области, которые формально относятся не только к славистике, в том числе в сферу культурологической терминологии и методологии. Но вот историки искусства по большей части совершенно безразличны к русской историографии, иногда даже слышать об этом не хотят. А поскольку университеты не включают историю русского искусства в число приоритетов, трудно предполагать, что скоро появятся новые молодые исследователи.

— Вы учились у лучших представителей русской интеллектуальной эмиграции в США. Приходилось ли вам сталкиваться с русскими эмигрантами в последующие годы? Что можно сказать о вкладе русских эмигрантов в культурную и интеллектуальную жизнь США?

— Я учился в Беркли у блестящих профессоров, представителей первой волны русской эмиграции. Большую роль в моей жизни сыграл Глеб Петрович Струве — он подошел ко мне после первого показа моих фотографий. Впоследствии мы не то чтобы часто общались, но встречи с ним имели на меня огромное значение. Николай Рязановский, автор фундаментальной истории России, человек огромного диапазона — я слушал все его курсы и без них не представляю, как сложилась бы моя жизнь... Мы общались с разными эмигрантами, пели вместе в хоре. Среда эмиграции для молодого слависта была как воздух. Интересная среда, в целом консервативная, антисоветская, в основном республиканцы. Мне всё это было очень интересно. В ходе работы над фотографиями Прокудина-Горского я понял, какой подвиг они совершили, как стойко держались.

— Когда вы впервые взяли в руки «Новый журнал»? Какое впечатление он произвел? Что хотели бы увидеть на его страницах сегодня?

— Впервые — наверное, когда учился, еще до аспирантуры. Известный пушкинист, венгр, беженец после 1956

года Пол Дебрицени, который потом преподавал в университете Северной Каролины и заведовал кафедрой, и его коллеги всегда читали «Новый журнал». И в Беркли все читали. Были тесные связи с Николаем Моршиным — он печатал в журнале свои стихи. Потом в Гарварде у меня был член совета, который занимался Гайто Газдановым. Так что «Новый журнал» для нас, славистов, был, не скажу, что Библией, но чем-то совершенно неизбежным и важным — неким золотым стандартом честности и отношения к культуре.

То, что он открылся в 1942 году и существует до сих пор, — удивительно; это говорит о глубоких интеллектуальных, культурных основах, о прочном фундаменте, ведь были и другие журналы, которые начинали выходить в эти годы, но они больше нет. «Новый журнал» нашел свой путь, стал маяком. В нём всегда присутствовала свободная мысль, но не было чрезмерного радикализма. Это всегда вдохновляет и обнадеживает. Что я хотел бы видеть на его страницах? Мне интересно всё, что они публикуют.

— Следующий вопрос: существуют одна или две русские культуры? Об этом долгие десятилетия спорили эксперты. Ваше мнение?

— Почему только две? Есть множество русских культур, но только одна Россия. Ахматова, Цветаева, Бродский — они отвечали на этот вопрос. Я часто думаю о Бродском. Его выгнали, а он не хотел в эмиграцию и мог бы сыграть огромную роль в создании нового поколения великих поэтов. Но, возможно, время великих поэтов прошло. Нужны другие голоса. Может быть, как раз «Новый журнал» даст ответ.

— Что бы вы посоветовали исследователям русской культуры в России и за ее пределами?

— Прежде всего, быть в России. И не только в Москве. Не идти кратчайшим путем. Общаться с людьми. По мере возможности, не с одними коллегами-учеными, а с самы-

ми обычными людьми. Может быть, это моя мечта. Надо быть в России, «включиться» в Россию. Я понимаю, что не все западные исследователи согласятся с этим. Бродский сказал об этом: «Все мои стихи более или менее об одной и той же вещи — о Времени. О том, что Время делает с человеком». Это не означает, что поэзия лучше прозы, но отражает понимание Бродским иерархии «язык — время — пространство». Время больше пространства, но язык больше времени.

— В конце прошлого века интерес американских СМИ к русской культуре был велик. Иностранцы корреспонденты в Москве имели русские корни, как Сергей Шмеман, или степени в славистике, как Джон Кохан. Рецензия на вашу первую книгу о русской архитектуре в «Нью-Йорк Таймс» в 1980-х заняла три полосы и включала цветные снимки, что было новацией в то время. Что сейчас пишут о русской культуре в американских СМИ?

— Да, тогда мои снимки были в числе первых цветных фотографий в «Нью-Йорк Таймс». Сейчас другое время, к сожалению. Большинство СМИ пишут о том, что хочет читать и слышать публика. Отклики на мои последние книги значительно скромнее. Но я верю, что серьезный интерес американской аудитории к русской культуре вернется. Я убежден, что культура — главный инструмент в совершенствовании отношений между людьми, между политиками в том числе.

— Вы работаете на стыке жанров: эссе, фотография, исторический анализ. Что важнее?

— Острота восприятия, ощущение времени и пространства, ускользающего мгновения и наследия столетий одновременно. Удивление от прикосновения к миру природы и миру культуры. Я не считаю себя фотографом или исследователем. Я — очарованный странник с фотоаппаратом. Верящий в то, что мир в итоге спасет красота.

«Новый журнал», 2021 г.

МЕЖДОМЕТИЯ

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ ГЛАМУРА

Наше время — пора гламурного телевизионного авторитаризма. Это придумала не я, так сказала соседка-психолог, с которой мы наблюдали очередную программу «Малахов +». И доказала, что Малахов, при всей своей простоте и доступности, вполне гламурен, как любой персонаж, с определенной регулярностью возникающий в «ящике».

При этом внешность, речь и ее содержание, биография и квалификация, да и вообще любые индивидуальные характеристики не имеют принципиального значения. Узнаваемое лицо привлекательно по определению. Оно побуждает идентифицироваться с ним, искать для него публичного применения вне доводов разума о том, насколько это целесообразно.

Когда небезызвестного Виталия Калоева назначили заместителем министра строительства Северной Осетии (Вспомнили? тот самый несчастный муж и отец погибших в авиакатастрофе над Европой, что пошел и покарал допустившего ошибку диспетчера.), эта новость несколько дней открывала сводку главных событий в русскоязычном интернете и обошла все СМИ. С одной стороны, господин Калоев опытный архитектор, и дай Бог каждому досрочно освобожденному получить в родном городе работу по специальности. С другой — совершенно понятно, что при всем к нему сочувствии он никогда не получил бы сего на-

значения, если бы не гламурный телесериал «Возвращение героя», который своим бесстыдством поверг в растерянность даже привыкшего ко всему обывателя. И сам Калоев едва ли здесь при чем — действует логика сериала, он должен раскручивать интригу.

Или взять новоиспеченного депутата Госдумы Светлану Хоркину. Хорошая спортсменка, интересная женщина, героиня светской хроники. Разве беда, что о ее собственных взглядах на развитие отечественного спорта (и, разумеется, общества) аудитория пока не ведает? Она ведь сказала, красуясь перед камерой в первый день работы, что готова отдать всю себя государственному служению. Что еще? По крайней мере, в России теперь не хуже, чем в Италии, — у нас тоже есть член парламента, снявшаяся топлесс для мужского журнала, причем куда моложе известной Чиччолины.

Категорически ничего не имею против откровенных снимков или против спортсменки Хоркиной лично, но подзреваю: не будь она красавицей-знаменитостью, ее не включили бы в партийный список.

Вообще, спортсменов в нынешней Думе как никогда много, что на самом деле неудивительно — избирателям нужны узнаваемые лица и лица тех, кто реально и не хуже других ковал медали на олимпиадах. Беда не в том, что чемпионов много среди законодателей, а в том, что среди любимцев экрана довольно мало артикулированных и грамотных людей, говорящих о серьезном, — будь то политики, ученые или практики. Нет сомнения, такие люди есть в отечестве и их немало, но они в большинстве своем не выступают в прайм-тайм.

Аудитория тем не менее выносит свои вердикты популярности — в том числе и создателям телесюжетов. А результаты настораживают.

Так, лучшими журналистами России участники соответствующего опроса единодушно назвали... Лолиту, Ксению Собчак и Яну Чурикову! Даже Аркадий Мамонтов и Владимир Соловьёв были оттеснены. То есть шоу заменило собой репортаж, расследование, реальную беседу.

Шоу — это наше всё! Чистый авторитаризм и тот сон разума, который рождает неприятное.

Впрочем, есть у нас в стране один непререкаемый авторитет, эталон, под который чистят себя и строгие чиновники, и легкомысленные шоумены. Это Владимир Путин, самый популярный, по свидетельству журнала «Тайм», политик мира и бесспорный лидер всех возможных отечественных рейтингов. Мужественную внешность Владимира Владимировича видят женщины в романтических сновидениях, его скупой манере подражают юные «молодогвардейцы», его красоте и мудрости посвящен заслуживающий отдельного разговора сайт laputina, на котором действующий президент предстает настоящим голливудским супергероем. Стоит ли удивляться, что число его личных фанатов растет с каждым годом? После патетической газеты «Любимый президент», издаваемой двумя московскими пенсионерами, первенство, бесспорно, принадлежит Светлане Фроловой (она же матушка Фотинья) из деревни Большая Ельня Нижегородской области. Широкую известность, пусть и на региональном уровне, Светлана Робертовна снискала тем, что основала ни много ни мало религиозную общину «святого Путина», члены которой искренне верят, что в прошлой жизни мать-основательница была княгиней Ольгой, а Путин — князем Игорем, и моление иконам с изображением гаранта спасут Русь от антихриста.

Та самая соседка-психолог, которая увлекла меня рассказом о телегламуре, не нашла в нижегородском сюжете нечего особенного — дескать, то же бывает по отношению ко многим телезвездам. К сожалению, добавила она, никакого знакомства с реальными достоинствами звезд подобные фанаты не имеют, а фанатизм является проявлением глубокого комплекса и заторможенности индивидуального развития и стопроцентно мешает жить предмету столь нелепого обожания.

Президенту Путину сегодня уже трудно помочь — армия его личных фанатов столь велика, что перевоспитать ее или хотя бы призвать прислушаться к реальным словам

президента, чтобы по меньшей мере сознательно выполнять его решения, невозможно.

Вопрос в другом: как долго еще наша аудитория будет находиться в летаргическом сне, убаюканная гламурным телевизионным потоком? Когда начнет выделять из его мишуры реальные фигуры и высказанные идеи, смысл текущей политики и живые человеческие лица — в том числе те, перед которыми она фанатеет? (Хочется верить, это произойдет в не слишком отдаленном будущем.) И наконец, последний вопрос: «Кто пойдет в личные фанатики нового президента?»

«Деловой вторник», №10 (643), март 2008 г.

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

В самый разгар иракской кампании на американском телевидении прошла нестандартная акция. Молодые люди в разных городах и штатах солидарно заявляли, что больше не хотят есть знакомую всем посетителям «Макдоналдса» жареную картошку «френч фриз» (французская жареная) и требуют переименования ее во «фридом фриз» (типа жареная свободная). Причем немедленно.

Интрига состояла в том, что накануне правительство Франции осудило бомбардировки Багдада.

Без малого неделю репортажи с мест гастрономического конфликта перемежались с репортажами о победоносных действиях на фронтах и обеспечивали необходимый пропагандистский эффект.

Между тем хозяин забегаловки на Манхэттене (она располагалась по соседству с квартирой друзей, у которых я как раз гостила) действительно изменил название картошки в меню.

Этот не отраженный в записках политологов сюжет вспомнился мне, когда недавно главный санитарный врач России торжественно объявил, что «ножек Буша» мы больше завозить не будем по причине их несоответствия высоким отечественным стандартам.

Вот уж действительно удивил. О том, что американские окорочка — не подарок, наслышано уже не одно поколение соотечественников. Еще на заре перестройки, в эпоху дефицита и надежд, когда очереди за молоком и сыром выстраивались задолго до открытия магазинов, детская врачиха предупреждала: не берите малышу эти самые ножки, лучше сходите на рынок и найдите тощенькую подмосковную птичку.

Тем временем в этих самых очередях рассказывали небывалые истории, в том числе фантастические: не зажиwала рана, ничего не помогало, а приложили «ножку» — сразу затянулась, там ведь сплошная химия. Ножки, напoмню, носили тогда имя отца нынешнего президента, против которого лично большинство российских потребителей ничего не имели, а покупали мороженые конечности преимущественно по бедности.

О том, что на свете бывают вредные продукты, вообще-то известно давно. Незабываемый пример — грузинское вино, минеральная вода «Боржоми» и примкнувшая к ним продукция молдавских виноградарей. Последняя недавно была реабилитирована, по крайней мере, частично. Говорили еще что-то про польское мясо, впрочем, с мясом у нас вечно какие-то неприятности — то через третьи страны проникнет отбракованное бельгийское, то перемороженные инфицированные австралийские тушки (правдивая история их ввоза и дальнейшая судьба неизвестны, как и количество генетически модифицированных добавок к печеньям и консервам).

Хочется верить, что дети в школах и яслях российских городов регулярно травятся не всей этой гадостью, а просто недомытыми овощами. И что контроль над качеством продуктов питания, произведенных нашими или заокеанскими фермерами, будет реальным, строгим, неподкуп-

ным и не зависящим от сиюминутных обстоятельств, вроде охлаждения или потепления политического климата.

Климат, увы, не всегда благоприятствует потребителю. В школьные годы нас, например, учили, что самый бесполезный и опасный продукт — это жевательная резинка. Что от кроссовок потеют ноги и развивается плоскостопие, а джинсы через спекулянтов забрасывают вражеские агенты для ухудшения репродуктивного здоровья советской молодежи. Многие сверстники, не будучи в силах разрешить конфликт между доверием к печатному слову и правдой собственной подростковой жизни, вздохнули с облегчением, прочитав в самом несерьезном разделе для старшеклассников крошечную заметку о том, что в стране разрабатывается отечественная джинсовая ткань, и скоро из нее будут шить брюки и юбки.

Сегодня наивные драмы и мечты эпохи застоя просто смешны. У нас другие масштабы! Вот Дима Билан услышал, как американский военный спикер потребовал у России вернуть трофейные «Хаммеры» — и швырнул в нос империалисту свой кровный. Пусть пока что только виртуально. Вот найдет, куда подевалась некогда любимая игрушка, — и точно транспортирует, прямо в Пентагон. И собратьев по шоу-бизнесу призвал вернуть на историческую родину американские внедорожники. Правда, не все готовы последовать его патриотическому примеру. Что и обнадеживает.

О патриотизме сегодня говорят очень многие и очень по-разному, нередко — крайне путанно, и нередко желание гордиться своей страной соседствует с желанием поскорее назвать имя врага и обвинить его во всех собственных неудачах. А о тех, кем мы действительно можем гордиться, о реальных достижениях и реальных проблемах, решение которых как раз и есть самое патриотическое дело, говорится совсем мало. О том, что мог бы сделать каждый, на своем месте, здесь и сейчас, если он действительно готов потрудиться на благо Отечества, — тоже. Наверное, самое время такой разговор поддержать.

Ну не уподобляться же нам в конце концов тем американским недорослям, что голосуют за политически корректный фастфуд.

«Деловой вторник», №32 (665), сентябрь 2008 г.

ВОЗДЕЛЫВАЮЩИМ СВОЙ САД

Разница между русским и европейцем видна сразу, в любых обстоятельствах, и трагически очевидна даже ребенку. В этом убедил меня лет десять назад сын, только что вступивший в юношеский период и взятый в педагогических целях в командировку в шведское королевство, где я освещала социальную повестку дня и повседневные заботы граждан этой малонаселенной, но очень благополучной страны. Произошло это на острове Гринда, неподалеку от Стокгольма, куда столичные жители любят выезжать в выходные подышать свежим воздухом и насладиться дикой природой.

Посреди дикой природы тут и там ненавязчиво напоминали о себе обустроенные площадки для барбекю и уютного костра с низкими скамеечками, неизменными урнами для мусора и биотуалетами. Мы шли по уютной тропинке, петляющей между холмами и перелесками, впереди и позади брели жаждущие единения с природой люди разного возраста и комплекции, и одна из них, симпатичная бабушка со школьным рюкзачком за плечами, вдруг остановилась, увидев брошенную мимо очередной урны банку от пепси-колы, подняла и машинально бросила в мусоросборник, не прекращая оживленно обсуждать что-то со своей спутницей. Вот тут ребенок, равнодушный к шведскому дизайну и истории и слегка презирующий скандинавских сверстников за слабое знание математики

и других естественных наук, задумчиво протянул: «Послушай, наверное, они все тут иностранцы...»

То есть именно эта бабушка и автоматически поднятая ею банка, кем-то брошенная, его зацепили больше, чем всё шведское благополучие, показное и истинное. Просто ему никогда не доводилось наблюдать ничего подобного — ни в родном школьном дворе, ни в подмосковном дачном поселке, ни на элитном курорте, населенном исключительно архитекторами российских демократических реформ. Правда в том, что отношение к чистоте окружающего пространства и месту человека в этой среде в отечестве удивительным образом не зависит ни от статуса и достатка, ни от политических предпочтений. Наши бомжи, интеллектуалы и депутаты мусорят вокруг себя направо, буквально и метафорически. В этом смысле помойка рядом с элитными поселками, сливы нечистот в заповедные озера и тонны материалов о злоупотреблениях чиновников и народных избранников — явления одного порядка. Не хочется думать, что в них скрывается нечто экзистенциальное. Впрочем, классики уже лет двести напомнили о последствиях холопства и временщичества, о рабстве тощем и барстве диком, двух сторонах одной проблемы. Мы никак не можем почувствовать, что наша огромная страна или крошечный клочок, на котором мы живем, строим гараж, возделываем грядки или просто ходим через дорогу — это наше, и мы отвечаем за то, что на этом клочке происходит, сегодня и сейчас. А если мы хотим спасти человечество и одарить его небывалой духовностью — так начать опять-таки надо с этого самого клочка. И с себя самих.

И вот тут и происходит загадочная метаморфоза — если во имя спасения человечества и воскрешения имперских амбиций многие готовы тратить собственные силы и средства (в том числе и немереные бюджетные), то на решение простых задач никогда не хватает ни того, ни другого. Тогда возникает вопрос: быть может, масштабная кампания по возрождению национальной гордости имеет совершенно иной подтекст и ее организаторы (и потребите-

ли значительной части государственных средств) на самом деле имеют в виду нечто прямо противоположное — реанимацию недавно забытых холопских инстинктов, подавленных комплексов, которые делают аудиторию легко управляемой и агрессивной, не позволяют людям почувствовать себя настоящими гражданами страны, реально ответственными за всё, что здесь происходит? Это, надо сказать, меньше всего выгодно России как государству, претендующему на серьезную роль в мире, ее будущему, становится помехой — и для российского руководства. Ибо это — тупик. Выгодный лишь самим временщикам и холопам (разница между которыми, впрочем, весьма условна, временщик редко чувствует себя по-настоящему свободным). Именно поэтому он не готов разгрести мусор и налаживать человеческую жизнь.

По счастью, не все таковы. В самых неожиданных уголках и ситуациях наши соотечественники всё чаще напоминают о таких полузабытых понятиях, как человеческое и гражданское достоинство и здравый смысл.

Вот недавний пример из подмосковной Купавны, типичного поселка вблизи Первопрестольной, где, казалось бы, трудно было ожидать серьезного социального всплеска. Очередное самоуправство районных властей (мэр города Железнодорожного, к которому с недавних пор относится поселок, в нарушение всех правил продал под котеджи общественный парк) вызвало к жизни реальное народное протестное движение, вылившееся в пикеты, митинги, передачи по центральному ТВ, судебные иски и, увы, насилие над протестующими. И всё это продолжается без малого сто дней. Замечу — все эти сто дней на месте гражданских баталий наблюдается странная для Подмосковья чистота. Просто как у Вадима Черняка, замечательного поэта и барда, который еще в романтические шестидесятые призывал именно к этому. Многие помнят его строки. «В старом аэропорту, даже если рядом новый, как сияющий целковый, — соблюдайте чистоту...» Как будто он всё это предвидел.

Разумеется, я — оптимистка. Верю, что наше всеобщее помутнение умов закончится, и мы начнем сознательную жизнь, все вместе и каждая семья, каждый гражданин в отдельности, — и будем серьезнее относиться не только к глобальным проблемам, но и к обстоятельствам повседневности, от которых, как мы видим, во многом зависят и глобальные сюжеты. Как говорили те же классики, очень разные — от Вольтера и Толстого до Булгакова и недавно ушедших от нас Приставкина и Аксёнова — давайте возделывать наш сад, пытаться построить достойно нашу собственную жизнь, бесконечно увлекательную и единственную, и воспитывать себя, и совершать повседневное усилие, необходимое для выдавливания из себя раба. Уверена, у нас получится.

«Деловой вторник», №29 (709), август 2009 г.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Знакомый режиссер несколько лет снимал в Исландии людей, которые общаются с параллельными мирами, — те, надо сказать, ничуть не походили на сумасшедших: обычные учителя, полицейские, священники, общественные деятели, даже бывший премьер-министр. На обсуждении ленты в Доме кино прозвучало предложение автору направиться на поиски собеседников не на заморский северный остров, а в русскую глубинку.

Это было задолго до осады уральской Сагры бандитами и гибели перегруженной и неисправной «Булгарии».

В страшный день 9 июля, когда все телеканалы транслировали сводки новостей о жертвах катастрофы на Волге, в памяти вдруг возникло это обсуждение. На минуту показалось, что я вижу и слышу персонажей той картины,

вдруг провалившихся в какую-то черную дыру между реальностями, и не разобрать, какая из них — настоящая.

Может быть, оттого, что все без исключения телеканалы в разной степени встревоженными голосами повторяли возникающие новые детали трагедии и число погибших, углублялись в шокирующие подробности о многочисленных неполадках, о теплоходах, спокойно проплывших мимо тонущих, но не говорили главного. А убедительного голоса лидера, лично обратившегося к гражданам с неформальными словами сочувствия национальной трагедии и личным обещанием не допустить повторения, мы так и не услышали. Не увидели сонма олигархов, бросивших все дела ради создания фонда помощи семьям погибших, транспорту в целом и многому другому, как это бывает в других странах.

Я шла по раскаленному Садовому кольцу и думала: почему так? Может быть, оттого, что катастрофы, природные и иные, у нас происходят чаще и гибель людей, будь то беспомощные старики в горячей богадельне, дети, запертые в трюме тонущего корабля или разорванные взрывной волной от бомбы смертника, не так потрясают обывателя? Или это телевидение виновато? Или дело в чём-то другом? Честно говоря, освещение самого сюжета на ТВ вызывало чувство по меньшей мере недоумения и рождало естественный вопрос: всё ли в порядке с головой у некоторых ведущих и тех, кого они интервьюируют?

Трудно не согласиться с политологом Орешкиным, который на вопрос корреспондента радио о происшедшем так и ответил: сказать нечего и говорить неохота. Всё понятно и так.

И политолог в эфире, и московский таксист сходятся в том, что причина этой, равно как и многих других трагедий, не только в устаревшей технической базе и отсутствии надлежащего контроля, а в установившейся системе кумовства, в коррупции, безнаказанности тех, кто не выполняет своих прямых обязанностей, в отсутствии реальной гласности. Не однажды, говоря о «Булгари», вспоминали недавний беспредел в Сагре, прежде всего потому,

что, судя по всему, и в первом, и во втором случае всё могло бы сложиться иначе. Техногенные и социальные катастрофы как-то пугающе часто стали идти рука об руку...

Последние годы карта России сильно изменилась — одновременно с официальным укрупнением регионов и появлением новых адресов модернизации. В сознании современников осели названия, не отмеченные особым административным статусом. Кущёвская, Беслан, Дубровка, Каспийск, Манежная площадь, Кондопога... Адреса беды, имена невинных, гибель которых не смогли предотвратить...

Это наши общие невосполнимые потери. Их много, и в каждом регионе добавляются свои, и подлинное число жертв неизвестно. Как и число человеческих драм, со всем этим связанных.

Лиц большинства погибших и пострадавших мы не знаем. О тех, кто повинен так или иначе в происшедшем и ушел от ответа, можем иногда догадываться. Подробнее поговорить не всегда удается, что-то отвлекает — то планы грядущих спортивных состязаний, то модернизация, то чья-нибудь неловкая фраза, наконец. Типа недавнего заявления крупного московского чиновника чеченскому ТВ насчет того, что лидер республики не просто эффективный менеджер, но богоизбранная фигура, как и российский премьер. Редкий блогер удержался от комментария. Но беда не только в неудачной фигуре речи и даже не только в том, что сказано это всё было накануне двухлетней годовщины похищения и убийства известной правозащитницы и журналистки Натальи Эстемировой, следствие по поводу которого мало продвинулось, несмотря на личные указания Президента РФ. Миллионы людей увидели, что чиновник совершенно не понимает страну, в которой живет и работает, и существует уж точно в ином измерении, чем подавляющее большинство россиян. Точно так же, как те, кто принимает бездарные решения о реформе здравоохранения и образования, пенсионного обеспечения и трудовых отношений, безопасности пассажиров и многого другого. И эти две реальности — или их

больше? — вряд ли пересекутся когда-нибудь, если не произойдут радикальные перемены. Например, начнется модернизация не отдельных наукоградов, но всей устаревшей системы жизнеобеспечения людей, и жизнь и благополучие каждого станут главным приоритетом принятия решений и мерилom успеха каждого политика. Ведь мы действительно хотим идти вперед с гордо поднятой головой...

Возвращаясь к последним трагическим сюжетам, хочется сказать: может, стоит посвятить какое-то время поиску фактов и показать в СМИ лица всех, кто безвинно погиб в затонувшей «Булгарии», как десять лет назад на страницах «Нью-Йорк Таймс» появились фотографии и краткие биографии жертв теракта 11 сентября 2011 года. Возможно, это помогло бы нам начать больше ценить и наших сограждан, и самих себя...

«Деловой вторник», №22 (795), июль 2011 г.

БУМЕРАНГ

Десять лет назад, в августе, в Стокгольме, где я собирала материал о лучшей в мире системе социального обеспечения и интеграции мигрантов, знакомая журналистка привезла меня в конспиративную квартиру на окраине города.

Ничем не примечательную дверь в типовой пятиэтажке открыл человек средних лет, с дымящейся сигаретой и папкой под мышкой, такой офисный трудяга, похожий на чиновников шведского собеса, которых я только что интервьюировала.

Хозяина звали Стиг Ларссон, и в папках, заполнявших стеллажи по стенам, и в той, что он держал в руках, встречая нас, были собраны данные о трехстах с лишним нацистских группах в самой Швеции и всей Северной Евро-

пе, собранные лично или при помощи молодых журналистов-стрингеров.

Эту уникальную базу данных не раз хотели уничтожить, а самого хозяина — убить, почему и появилась эта квартира, откуда он без особой надобности старался не выходить. Сам Стиг тем не менее выглядел вполне самодостаточным, увлеченно рассказывал о последних публикациях, о том, как было бы важно сотрудничать с журналистами из Восточной Европы, что редакторы скоро поймут, как важно печатать больше расследований и острых материалов, и о том, что добро непобедимо, пока в него верят хотя бы несколько человек.

Я часто вспоминала этот наш краткий и единственный разговор. Нет, он не перечеркнул своим рассказом образ удачного государственного устройства. Стиг вдруг напомнил о бесконечной многозначности и одновременности происходящих событий, о том, что журналист должен каким-то образом их все запечатлеть, не утратив надежды.

Последние недели, когда время всё больше отдаляет нас от норвежской трагедии, я думала — смог бы Стиг Ларссон предотвратить бойню, будь он жив? Заметил бы со своей интуицией и исследовательской дотошностью в блогах благонамеренного фермера признаки надвигающейся беды? Заслал бы кого-то из бесстрашных стрингеров встретиться с ним и с гипотетическими сторонниками? Вызвал бы на переписку? Была ли вообще возможность что-то сделать? И — будет ли возможность сделать что-то в будущем у нас всех?

Страшные события в Норвегии сравнивают с трагедией 11 сентября, с нашим Бесланом. Сравнивают реакцию властей и общества — она разная. После 11 сентября и объявления глобальной войны мировому терроризму США ограничили не только средства на гуманитарные проекты, но и гражданские свободы внутри страны, включая тайну корреспонденции и свободу слова. После Беслана в России отменили выборы губернаторов и еще более ужесточили контроль над СМИ. Норвежские же лидеры повторяют, что террор не заставит их отказаться от ба-

зовых ценностей — демократии и открытости, они утверждают, что только открытость сможет противостоять терроризму и нетерпимости. Кто-то из отечественных аналитиков уже назвал эти слова проявлением слабости и растерянности. Едва ли — если вспомнить хотя бы реакцию Осло на поджог посольства Норвегии в Индонезии в ходе беспорядков после публикации карикатур на пророка в датской газете. Тогда в Джакарте погромщики атаковали сразу несколько западных посольств, в том числе миссию Чили. Норвежское правительство выделило огромные средства на развитие диалога журналистов и общественных деятелей двух стран, расширив количество участников почти до ста государств, и этот диалог, продолжавшийся три года, принес ощутимые положительные результаты в развитии сотрудничества журналистов всего мира. Так что речь идет скорее о последовательной и, увы, непопулярной в мире линии поведения, которая многим кажется идеалистической и неперспективной.

Сложилось, увы, устойчивое мнение, что безопасность — антоним открытости, что категории этики враждебны политическому интересу, что мнение граждан — не более чем объект манипуляции... Увы, это касается не только нашего отечества. На саммитах ООН по выполнению Целей развития тысячелетия (главная из которых — преодоление голода и нищеты на планете), еще до финансового кризиса, большинство стран-доноров (исключение — Скандинавия) не выполняли собственные же обязательства финансирования борьбы с бедностью. При этом преодоление голода, от которого каждый день умирают сотни, а сегодня из-за засухи в Африке уже тысячи детей, задача вполне реалистичная и, по свидетельству экспертов, куда менее затратная, чем, скажем, одна военная операция в Ливии. Но о том, как и сколько африканских младенцев удалось спасти, в отличие от ливийской войны, говорят редко. Как и о многом другом, реально важном — и у нас, и в мире вообще.

Жертвы в Осло — как бумеранг того лицемерия и практики двойных стандартов, которыми пропитана вся совре-

менная риторика, будь то оказание гуманитарной помощи, финансирование планетарных проектов или комментарию международных событий СМИ. И то, что трагедия произошла в одной из самых благополучных и безопасных стран, — лишь подтверждение того, что никто и нигде в современном мире не может быть полностью изолирован от глобальных процессов, от напряженного спора о ценностях мнимых и подлинных, о нашем будущем.

В интернете, в ООН, на газетной полосе и в муниципалитете крохотного поселка сегодня продолжается этот спор. И это серьезнее, чем просто политическая или идеологическая дискуссия. И журналист здесь не может оставаться полностью нейтральным.

Правда состоит в том, что многие наши соотечественники, прочитавшие трилогию Стига Ларссона или посмотревшие фильмы о бесстрашных Микаэле Блумквисте и Лисбет Саландер, ужаснулись, но не очень удивились, узнав о норвежской трагедии. И многие приняли ее как свою — как затонувшую в те же практически дни «Булгарию», как зверски убиенную тульскую семью, равно как и все те беды, которые обрушиваются на нас за последние годы. И это очень важно.

Понимание себя и своего места в мире — вот то, что многие современники не успевают додумать и осмыслить в суете, запутавшись в агрессивном потоке часто ненужных и травмирующих новостей, фантазмов и штампов, обрушивающихся на нас с экрана. Недостаток живого и доверительного разговора о самом главном — беда нашего быстро текущего времени. Замороченному сознанию трудно принимать решения, им проще управлять тем, кто намерен получить от этого выгоду и предложить простые решения — запретить, повысить плату за наше спокойствие, назначить новых уполномоченных...

Не помогает, как видим. Нужны иные способы. И иные формулы. Быть может, они уже сложились в умах людей. И дело журналистов — услышать и рассказать об этом. Чтобы лень и глухота не вернулись страшным бумерангом.

«Деловой вторник», №24 (797), август 2011 г.

ОЧЕНЬ ОПАСНЫЕ ИГРЫ

Президент Медведев отказался освободить участниц группы Pussy Riot. 26 апреля в беседе с пятью телеканалами президент впервые высказался по теме, реально расколотившей российское общество куда больше, чем даже обсуждение предвыборных программ. «Как человек воцерковленный» (кстати, также редкое признание) Дмитрий Анатольевич заметил, что «девушки получили то, что хотели — популярность». На прямой вопрос о том, настолько ли они опасны для общества, что заслуживают длительного задержания (арестованы были в конце февраля и должны просидеть по крайней мере до конца июня), он ответил, что не видит возможности вмешаться в решение суда. Таким образом, в деле феминистской панк-группы появился новый виток, а в глазах наблюдателей — вполне определенный сигнал, обозначивший позицию государства в околоцерковных скандалах последнего времени. Разочарование либеральной части общества в медведевской оценке очевидно и предсказуемо — так же, как и в оценке ситуации со свободой слова (президент снова сказал об отсутствии цензуры и разнице в приоритетах госканалов и интернета), и некоторых других сюжетов.

Однако вернемся к религии, точнее, к использованию религиозной символики и связанных с ней ассоциаций, занявших прочное место в политической дискуссии — чем ближе к инаугурации нового/старого президента, тем устойчивее. Заметим: никогда еще в новейшей отечественной истории эти темы не занимали такого значительного места. Репортажи о посещении лидерами государства и прочими начальниками монастырей и соборов в дни престольных праздников уже стали частью протокола, встречи с предстоятелем РПЦ и лидерами других официально признанных в РФ конфессий — рутинной. Уже привыкли

к тому, что в бурные предвыборные дни (или, напротив, в трудные периоды перед принятием особенно непопулярных решений, особенно в социальной сфере и ЖКХ) в дискуссию последовательно вбрасывались «горячие» темы — введение полигамии, запрет абортс и прочее. Возбужденный обыватель бросался обсуждать многоженство, забыв о надвигающемся повышении цен на электричество и воду — чтобы забыть о них потом до следующей кампании. Это мы все уже проходили.

Но нынешняя зима оказалась поистине беспрецедентной. Вспомнить хотя бы парализовавшее на несколько дней движение в центре Москвы поклонение поясу Богородицы в Храме Христа Спасителя, умело организованное и грамотно пропиаренное как раз в преддверии парламентских выборов. Старушки молились за прибавление здоровья и семей, а заодно — за патриарха и единственно верный партийный курс, организовавший прибытие святыни из Афона (о том, что способствовавший этому греческий деятель попал в тюрьму за какие-то финансовые махинации, никто уже не помнит). Мало кто внимал в те дни всеобщей агитации (около тысячи человек из очереди были госпитализированы, СМИ сообщали о постыдной торговле местами в очереди и вип-пропусками) здравым словам и редким публикациям о том, что в шаговой доступности от пафосной толкучки, в старой московской церкви вот уже больше стал лет хранится наш собственный фрагмент того самого пояса Богородицы, подаренный благодарными афонскими монахами России после освобождения Шипки. Никакой очереди там, естественно, не наблюдалось.

Вообще, положа руку на сердце, не думаю, что в последние годы истинно глубоко и чисто верующих в стране стало намного больше, чем в дни моей юности, когда религия была, прямо скажем, не в моде. Хорошо помню, как комсомольские активисты тогда отслеживали посещающих храмы или синагоги сокурсников — многие из отслеживающих сегодня стоят в первых рядах и целуются с ду-

ховными отцами при свете телекамер. Вера вообще дело интимное.

Трудно представить истинно верующего человека, неважно, какой конфессии, брызжущего слюной от ярости в ожидании крови ближнего, пусть самого страшного преступника. Об этом в блогах довольно много писали православные и не православные современники, комментируя невиданную со времен, наверное, борьбы с космополитами или диссидентами поистине куклуксклановскую кампанию, развернувшуюся сразу же после вторжения малоизвестной феминистской панк-группы Pussy Riot в Храм Христа Спасителя с молитвой уберечь Русь от Путина и патриарха Кирилла 21 февраля. Никто уже не сомневается в том, что немедленный арест и непонятно жестокое наказание — результат упоминания именно этих конкретно имен в назидание другим. Действительно, меседж был прост и понятен каждому. Но результат оказался неожиданным: помимо массовых акций возмущения «кощунницами» и требований расправы, росло возмущение действиями властей и церкви, возникали ответные акции протеста. Масла в огонь подлили скандалы вокруг патриарха, точнее его собственности, будь то часы «Брегет», или разорение соседа по элитному дому (кстати, священника), не приличествующе принявшему обет. Всё чаще верующие, а за ними даже и некоторые деятели церкви задавали в сети и в СМИ нелюбезные вопросы, демонстрируя отсутствие единства в собственных рядах. Кстати, мнения деятелей РПЦ относительно судьбы и оценки деятельности панк-группы так же разделились — далеко не все были согласны с жесткой оценкой патриарха... Противостоять этой «информационной атаке» — а также просто козням дьявола против РПЦ и ее предстоятеля, в том числе — со стороны тех же панк-артисток и их сторонников призван был амбициозный молебен в защиту веры и поруганных святынь в минувшее воскресенье всё в том же Храме Христа Спасителя. 65 тысяч верующих, привезенных со всей России, охраняли полторы тысячи омоновцев. В интервью руководители и участники акции

не стеснялись в выражениях и проклинали как панк-артисток и вообще женщин, стремящихся к эмансипации, так и всех осмелившихся хулить церковь и власть. «Православие — основа национальной идентичности России» — эта формула была транслирована на весь мир. Наблюдая за телерепортажами, я не узнавала страну, в которой выросла и живу. И не только я.

То, что с «молитвенным стоянием» в Москве и пропагандой «православия-самодержавия» вообще переборщили, стало ясно на следующий же день: в блогах напрямую писали о том, что враги веры — не артисты и атеисты, а сами церковники, зарвавшиеся окончательно в стремлении заместить пустующее пока официально место идеологического отдела ЦК КПСС при режиме, все более напоминающем советский. Православные публицисты открыто осуждают разжигание вражды в стране.

Но процесс уже запущен. 24 марта в интервью телекомпании «РЕН ТВ» московский адвокат чеченского происхождения Дагир Хасавов заявил о необходимости введения шариатского суда для мусульман в столице, в противном случае «они зальют город кровью». Интернет взорвался, традиционные СМИ немедленно разместили комментарии духовного лидера мусульман России и пресс-секретаря лидера Чечни Ахмада Кадырова, назвавших заявление провокацией. Прокуратура вынесла телеканалу предупреждение за разжигание экстремизма. При этом председатель синодального отдела по взаимодействию церкви и общества Всеволод Чаплин (известный поборник введения дресс-кода и прочих средневековых практик) выступил в поддержку Хасавова, за что немедленно сам был окрещен в сети экстремистом.

Не будет преувеличением сказать, что попытка сплотить общество вокруг традиционной модели тоталитарно-теократической окраски не удалась, скорее она обнажила растущую поляризацию населения, а также беспомощность идеологов власти сформулировать реально привлекательную для всех концепцию. Не хочется думать о том, что опасная игра на поле конфессиональных и наци-

ональных сюжетов может создать реальную угрозу нашему общему будущему.

Хасавов спешно покинул страну. Участницы Pussy Riot Мария Алахина, Екатерина Самуцевич, Надежда Толоконникова продолжают пребывать в заключении.

Оппозиционные организации только что отказались от первомайских массовых акций в Москве. Они готовятся провести их ближе к инаугурации.

«Деловой вторник»

АВАТАР

В минувшие длинные выходные наконец собралась навестить пожилых родственников за сто двадцать километров от столицы. Молодой таксист, найденный мной на при вокзальной площади подмосковного города, в радости от хорошего заказа немедленно рассказал всю подноготную разборок тамошнего мэра с конкурентами по строительному бизнесу. За первым стояла владимирская братва и ее ставленники в Москве, за вторым — приезжие авторитеты: битва растянулась на годы, время от времени переходя из стадии вялотекущих судебных тяжб к обострениям — с драками и рейдерскими захватами, кражами документации и свидетелей и даже тайным выпускам газет в единственном экземпляре задним числом. Война насчитывала десятки погибших с обеих сторон, включая членов семей и соратников; герои Марио Пьюзо на фоне персонажей нехитрого, повторенного, видимо, уже не первый раз рассказа, выглядели просто наивными младенцами. Собеседник мой поведал также, что воруют везде, в Кремле еще больше, но ему плевать, он на выборы не ходил, рыбачил, пусть они там что хотят выдумывают с жиру. А тех, кто на американские деньги демонстрирует, не по-

нимает совсем. Больше всего его лично волновало указание поставить в машине кассовый аппарат и отсутствие в городе со стотысячным населением родильного дома. Старый давно снесли и на его месте построили офисный центр. А жене его скоро рожать, по-любому разоренье.

Всю дорогу звонили коллеги издалека: просили прокомментировать реакцию российского МИДа на «сиротский закон», интересовались, в каких странах учатся дети депутата Железняк и какова его сексуальная ориентация; позвонили из Махачкалы и сказали, что нашли деньги на фильм памяти доктора Айшат Магомедовой. Какая-то скандинавская аспирантка умоляла назвать «женщину года» («Пари Матч» уже признал Толоконникову, если не она, то кто?). Я рассердилась на глупую аспирантку и долго рассказывала ей об Айшат, которая в середине 90-х создала больницу для женщин из горных районов. О том, как она ездила по всему Северному Кавказу, спасала девушек, проданных в лагеря шахидок, и ее не раз хотели убить, и о том, как мы с ней однажды отправились на автобусах с группой солдатских матерей и чеченских миротворцев в Гаагу на международную конференцию о мире... Там, где жила Айшат, никто не читал о Толоконниковой и даже не знает, кто это такая, у них каждый день стреляют, в том числе и в наших коллег, журналистов. И виновные не наказаны годами, и никто не кричит об этом в каждом выпуске программ национального ТВ, в лучшем случае прочитают по новостям, через запятую, и никто из вас, западных гуманистов об этом не говорит. Вот они, двойные стандарты! То, за что мы так презирали советскую систему, а теперь видим, что ваша гнилая демократия так же делит людей и страны на «равных» и «тех, кто равнее»!

Аспирантка слушала, громко глотая воздух, потом заплакала. Сбиваясь с английского на свой родной, мне неведомый, говорила, что хочет поменять тему диссертации и поехать в Махачкалу.

Позвонили из Брюсселя — сказать, что призыв освободить украинскую журналистку Анхар Кочневу, захваченную сирийскими полевыми командирами, от имени междуна-

родной федерации и СЖР на арабском языке передали во все страны региона... Таксист тем временем вдохновенно пересказывал мне фантастический фильм «Аватар», который 1 января смотрел вместе с женой и тещей, что наконец примирило его со старой перечницей.

Я вдруг увидела себя персонажем какого-то сюрреалистического фильма, в котором перепутаны концы и начала, времена, понятия, ценности и знаки, и я несусь в замкнутом жестяном пространстве выпуска отечественного автопрома, как в консервной банке, — в никуда или по кругу, без смысла, без логики, в отличие от творения того же Кэмерона, где всё по-протестантски четко и ясно, пусть и на планете за тысячи световых лет от Земли.

Границу Московской области мы почувствовали сразу — дорога немедленно утратила сколько-нибудь приличное покрытие, водитель старался изо всех сил, юлил между колдобинами, стараясь избежать тряски, — всё безуспешно, нас подбрасывало немилосердно. Телефон замолк, экран показывал отсутствие сигнала сотовой связи. Навигатор соответственно отключился. Мы оказались в сердце России в том же самом положении, в каком веками брели и тряслись в повозках странники, преодолевающие отечественное бездорожье и экзистенциальную тоску затянувшегося пути. Полагаясь на указатель, свернули на боковую дорогу. Вдоль нее тянулись полуразрушенные фермы с выбитыми стеклами, скособоченные домишки, свалка каких-то промышленных отходов, недостроенный барак, заброшенная воинская часть, сталкеровский поистине пейзаж сменялся унылыми заборами и казенными постройками — искомого поселка всё не было! В населенном пункте, куда мы, наконец заехали, определенно не повезло: в середине выходного дня не посчастливилось найти хотя бы одного внятно изъясняющегося собеседника. Все — мужчины, женщины, подростки, старики, продавщицы и охранники сельмага под названием «Альпы» — были пьяны, никто не мог объяснить, как проехать в наш поселок со светлым названием Чистый городок.

И всё же мы доехали. Нас спас, как в сказке, добрый ангел — девчушка, вынырнувшая неизвестно откуда, в красной вязаной шапочке и ярких нарядных унтах, вышитых бисером. Она собиралась вызвать такси по мобильному телефону (у нее почему-то работал) как раз в Чистый городок, ехала к бабушке. Кинематографичность происходящего просто утомляла. Ангела звали Аня, она села в нашу машину и деловито стала разрушать ореол сказки: местный телефон наладил бабушкин сосед, он всем «северянам» такие сделал и антенну специальную построил, чтобы телевидение принимать. Всё это только в «северном» доме, где и живет ее бабушка, заслуженная строительница города Мирный, и ее бывшие соратники, кто еще живы. У них там как будто колония, и это единственный адрес, по которому выезжает такси, несколько машин специально в райцентре держат.

Сама Аня приехала из Токио на каникулы: у них весь класс в виде эксперимента учится в японской школе с математическим уклоном, там русских учеников очень ценят за быстроту ума. Японцы на самом деле не такие образительные, хотя очень упорные, берут трудолюбием. Многие уже предложили продолжить учебу в университете, бесплатно. Аня пока не знает, надо с бабушкой посоветоваться.

Пожилые родственники, комсомольцы-добровольцы «Якуталмазстрой», теперь ненужные никому бездетные пенсионеры, оказались соседями Аниной бабушки. И даже старыми друзьями. Мы нашли их вместе, за столом, с гитарой и знакомыми с детства песнями Клячкина и Кукина. Они веселились от души, вспоминали друзей, рассказывали о том, как варить самогон из шишек, как важно успеть составить родословную и найти след всех разбросанных по бывшему СССР родных и друзей, а еще успеть записать то, что помнят... Никто из них не жаловался, не брюзжал, не грустил... Эти лишившиеся всех денег в 90-е, растратившие здоровье и молодость на ветрах вечной мерзлоты, выполняя решения партии и правительства, люди не жили только прошлым, — нет, они были куда

моложе и живее многих удалых и успешных политиков, руководителей, моралистов...

А Аня, оказалось, не родная внучка — ее названная бабушка подобрала детдомовскую беглянку в райцентре, избитую и больную. Опекуну ей, конечно, не оформили, но решили брать домой на выходные, удочерил девочку сын другой «северянки» и увез в наукоград, активно сотрудничавший с японскими учеными...

И от услышанных историй, от неукротимого юмора и стойкости всего необычного «северного братства», тревога, набухавшая к душе, куда-то ушла, и стало казаться, что жизнь наладится, и глупость уйдет тоже, и мелкие страстишки, и алчность, и воровство, и неразумная жестокость... Люди сами меняют окружающую действительность, их сердца, их вера и добро в свет, заложенный в наши души, — вот главное богатство, и важно об этом помнить... Как только поймем это всё, начнем исправлять то, что наворотили...

Мы ехали назад другой дорогой, подсказанной «северянами», проще и ровнее. Водитель, перекусивший за компанию, повеселел, он планировал отпуск с семьей на большом водоеме с огромными рыбами, которые стаями идут на наживку, и нет-нет да сбивался, вспоминая очередную эпизод из «Аватара».

Телефон заработал уже в Московской области, снова позвонили из Стокгольма и спросили, задержали ли журналистов на митинге «стратегии-31».

«Вот знал бы Путин, как люди в стране живут, он бы разобрался, — вдруг сказал водитель ни с того ни с сего. — Обманывают его, правды не говорят». И засвистел мелодию из кинофильма.

«Новый вторник», №1(859), январь 2013 г.

УЛЫБКА КАБИРИИ

Кинотеатр «Спорт», в меру обшарпанный, нецентровой, к которому от нашей школы на улице Дунаевского надо было не менее 20 минут ехать на автобусе и те же добрые 20 минут его ждать, от многих других отличался единственно утренним сеансом — в 9 часов там показывали классику мирового кинематографа, а иногда — Тарковского. Незабываемое путешествие, побег в инобытие в формате трех пропущенных уроков, ожидание чуда и тайное торжество от собственной смелости и равнодушия к возможной расплате...

Наша маленькая группа собиралась обычно в школьном дворе, нередко попадая в зрительный зал уже во время журнала. И потом, вместо того чтобы немедленно вернуться в класс, на урок обществоведения (почему-то получалось так, что чаще всего после Феллини или Витториоде Сики нас ожидало обсуждение исторических решений последнего съезда КПСС и значения только что опубликованных воспоминаний генерального секретаря, которые выпускники, надеющиеся поступить в вузы, должны были знать назубок), мы иногда шли просто гулять — мимо Новодевичьего монастыря и пруда, где зимой устраивали горку и катались на картонках до изнеможения ребятишки, к набережной, к Киевскому вокзалу, окруженному тогда обветшавшими домишками, продавщицами пирожков, жульем и неизменными цыганами, преследующими замешкавшихся прохожих.

Именно такую цыганку мы встретили в то утро, когда возвращались в школу, впервые посмотрев знаменитую «Дорогу» Феллини. Она шла отдельно от остальных женщин и детей, не очень молодая, какая-то неприбранная и слишком легко одетая для глубокой осени, и улыбалась совершенно невероятно. Ее улыбка не имела совершенно

никакого отношения к вокзальной суете, строгому зданию МИДа над площадью, к лозунгам на фасадах. Мы не отрываясь смотрели на нее, а цыганка, поравнявшись с нами, неожиданно помахала рукой и ушла, унося с собой улыбку, в которой было нечто большее, чем просто радость или даже любовь, — это было какое-то удивительное принятие всего окружающего, восторг и благодарность за незаслуженный дар жить и осознавать величие этого дара.

Кто-то сказал: «Да это же Кабирия!»

В тот самый день объявили, что лидер единственной в своей правоте и величии партии может одновременно возглавить главный орган народовластия, и наш историк, целый год убеждавший учеников в том, что XX съезд навсегда отменил полное единовластие как принцип и в этом залог нашего движения к светлому будущему, упал прямо в учительской на пол, у него случился обширный инфаркт.

Но запомнился этот день далекого 1977 года именно этой неожиданной встречей, и мудростью этой улыбки, не то чтобы примиряющей подлость эпохи с ее же героизмом и надеждами людей, но вообще напоминающей о существовании неких иных координат.

Много позднее я встречала подобные лица в Иерусалиме, в горных селах, где похищают людей, взрывают бомбы, в клинике для смертельно больных детей в нищем поселке близ блистающей столицы, в простеньком, не согретом вниманием властей монастыре под Тулой, и на улицах наших суетных городов, конечно же, тоже.

В эти дни мы с моей американской коллегой обсуждаем последние главы книги о падении «железного занавеса» и значении этого события для профессии и наших близких. Многих героев повествования уже нет в живых, многие ушли безвременно, сохранив в душе небывалую мечту о свободе и уважении к человеческому достоинству, которые должны стать основой жизни повсюду. Многие угасли, не пережив крушения иллюзий, многие прокляли свои недавние идеалы и стали служить тем, кого еще недавно презирали. Значит ли это, что мечты, и усилия, и жертвы были напрасны? Что можно только сожалеть

о тех, кто мечтал сделать мир справедливее? Что оптимистические сценарии уходят в прошлое, оставляя победу жестоким прагматикам, ведущим мир к тотальной катастрофе? Эти вопросы обсуждают сегодня в самых разных аудиториях, во всём мире. И разочарование происходит не только в России и Америке. Разочарование в принципах, казавшихся еще недавно незыблемыми, — это некий знак времени, не менее существенный, чем присутствие мобильных телефонов в повседневности, объединяющее всех жителей земли — от миллиардера до бедуина в ливийской пустыне. Разочарование и ощущение безвыходности позволяют манипулировать теми, кто, в отличие от разочарованных, точно знает, как добиться успеха. Мы это видим каждый день. Пессимистические сценарии в моде, их становится всё больше, и всё больше образованных и квалифицированных людей повторяют как мантру слова о том, что перспективы нет. И опускают руки. Разочарование тотально: в рынке и его законах, капитализме, социализме, международных стандартах о правах человека, в международных институтах и гуманитарном праве как таковом, в СМИ, религиях, в человеческой природе. Как само собой разумеющееся — в политике и устройстве общественной жизни всех без исключения стран.

Мы не одиноки в этом мире, дорогие соотечественники. И трудно противопоставить доводам многих умных людей столь же стройную логическую концепцию, опровергающую закономерность пессимистического сценария. Но! Как давно известно великим ученым и правителям (да и простым обывателям — тоже), в самом течении жизни всегда есть нечто не вполне логичное. Некий субъективный, не укладывающийся в строгие рамки закономерности момент, преобразующий в решительную минуту пространство и вектор развития. Не столько даже пассионарность или сходные с ним известные определения, скорее некая интенция, направление мыслей и чувств. Это не только героизм в минуту испытаний, коллективный порыв и жертва. Это — и результат личного выбора, определения приоритетов, если подходить прагматически. Приоритет

сиюминутного успеха или, чаще, достижения придуманных в определенном формате целей, или более масштабных в плане глобального и личного развития задачи. Быть может, кризис оптимизма сегодня — это кризис ограниченности привычных концепций развития, кризис рамок, которые, кстати, великолепно преодолевает и отбрасывает интернет и развитие других технологий. Найти другие подходы, другие формы экономического, политического, социального взаимодействия — вот что становится важнейшим пунктом глобальной повестки дня. И предложить эти формы могут не только квалифицированные, но и свободные, творческие люди с открытым мышлением и открытой душой. Впрочем, об этом тоже уже было сказано.

Улыбка Кабирии — метафора ушедшего века, напоминание о высшем предназначении, о незаслуженном даре, о возможности еще всё исправить, пока существует хотя бы один живущий, который верит и надеется...

«Деловой вторник», №34 (807), октябрь 2011 г.

ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

Главный национальный праздник французской республики — День взятия Бастилии — традиционно отмечают не только на родине. Повсюду в мире, и Россия не исключение, 14 июля многие следят за телетрансляцией, просматривают комментарии в интернете — не столько отдавая дань дате, начавшей отсчет новой европейской истории, сколько подчас подводя некоторые итоги тенденциям последнего времени в этой самой истории, сопоставляя вольно и невольно возникающие параллели — старая привычка российской и, позднее, советской интеллигенции.

Прошлая неделя дала немалую пищу для таких размышлений. Сам праздник, к слову, на этот раз выдался

не вполне обычный, на что тут же обратили внимание телеведущие: по Парижу маршировали не только французские гвардейцы, но и представители армий многих франкоязычных африканских государств — бывших колоний. Этот жест, официально обозначенный как преодоление колониализма и символическое утверждение нового диалога равных государств и наций, вызвал неоднозначное впечатление у наблюдателей — не менее, пожалуй, чем свежее решение французского парламента запретить ношение закрывающих лицо и голову предметов одежды в публичных местах (имелся в виду, разумеется, пресловутый хиджаб). Другая деталь — сокращение предварительной сметы расходов на торжество в связи с продолжающейся экономической рецессией — вызвала, напротив, всеобщее понимание, тем более что праздничное шоу получилось ярким и по-французски стильным, несмотря на экономию.

Вообще, про страсть французов к экономии у нас давно ходят легенды. Еще в советское время рассказывали о том, как жадные парижане не разрешают гостям всласть плескаться в ванной и стирают по нескольку раз в одной и той же мыльной пене, чтобы не переплачивать за воду. Надо сказать, впоследствии, побывав во многих парижских домах и квартирах, я ни разу не сталкивалась с подобной проблемой. Хотя подсознательная неприязнь к чрезмерной дороговизне и пустому транжирству действительно отмечается почти на генетическом уровне — как неприязнь к неразумию или дурному вкусу. Может быть, поэтому местные жители, кроме работников сервиса, стремятся побыстрее продать (выгодно, конечно) недвижимость в местах типа Куршевеля, где обосновались русские нувориши. При этом тратить на серьезные, жизненно важные вещи или вкладывать в перспективы (очень хорошо подумав, разумеется) там не боятся. Не только на уровне домохозяйства, но и на уровне страны. Многих иностранных обозревателей удивил тот факт, что именно теперь, в период глобального экономического кризиса, когда реально сокращается производство и растёт армия

безработных, французское правительство решило выделить серьезные ассигнования на поддержку прессы, программы чтения и на создание новой системы бесплатного современного образования, аргументируя тем, что будущее страны невозможно без первоклассно образованных специалистов — не элиты, а всей нации. А вот фейерверк можно сделать поскромнее. Другими словами, всё ровно наоборот, чем у нас.

Да и само отношение к празднику, если посмотреть, какое-то не наше. Чем было взятие Бастилии? Освобождением кучки уголовников, которые тут же разбежались, да и от самой тюрьмы остались одни обломки. И революция, начертавшая на своих знаменах знаменитые слова «свобода, равенство и братство», на десятилетия залила кровью страну, породила невиданную жестокость и массовые убийства по классовому признаку, уничтожила своих кумиров и тех, кто их уничтожал, закончилась деспотией и культом тирана, войнами, позором поражения и последующим застоём и лицемерием. И наконец, эта самая великая революция не оправдала надежд, она вообще сразу же не дала никаких прав женщинам и жителям колоний, за что и те и другие бились и нередко гибли последующие двести лет, да и в исторической перспективе не обеспечила безусловного торжества демократии и благоденствия ни французам, ни другим европейцам... Почему же эти люди с маниакальной настойчивостью, столько десятилетий собираются и выпивают именно в этот день и чтут его как важную часть собственной идентичности?

Не переименовывают и не назначают иную вполне патристическую дату типа освобождения Орлеана от британских захватчиков Жанной д'Арк. Мало того, все эти двести с лишним лет продолжают смущать умы интеллигентов во многих странах — в нашем отечестве уж точно.

Незадолго до 14 июля в Париже проходил пикет российских правозащитников — против насилия, разгона демонстраций в поддержку 31-й статьи Конституции, против убийств журналистов и безнаказанности их палачей. Об этом наши СМИ практически не говорили. Как и о том,

впрочем, что год назад 15 июля была похищена и убита журналистка и сотрудница общества «Мемориал» Наталья Эстемирова. Тогда сразу же российский президент дал резкую оценку этому преступлению и потребовал провести следствие по всем правилам, незамедлительно, и наказать виновных. И это было воспринято как долгожданный знак надежды на то, что волна насилия прекратится, что убийствам журналистов будет положен конец, что слово правды будет снова в цене, а активная гражданская позиция — нормой.

Прошел год. До сих пор мы не знаем ясного ответа — кто именно виновен в убийстве журналистки. Редкие публикации на эту тему свидетельствуют: следствию чинятся препятствия, официальная информация не удовлетворяет аудиторию, она невнятна и двусмысленна. Почему-то больше всего это обстоятельство волнует не российских политиков, а Ангелу Меркель и зарубежных коллег. Свидетели боятся давать показания, а многие коллеги-земляки, как и многие российские журналисты в других регионах, всё чаще опасаются касаться острых тем. Не напрасно, надо сказать: раз виновные не наказаны, те, кто стремится заткнуть рот журналистам или просто тем, кто хочет за чем-то прозрачности и соблюдения законов страны, чувствуют себя в полной безопасности. И продолжают бить и убивать.

К счастью, не все парализованы страхом. К счастью, и на Северном Кавказе продолжается работа в защиту свободного слова и честного расследования, и наступит пора, когда виновные в злодеяниях — те, кого обличала Эстемирова, и те, кто дал приказ ее уничтожить, понесут наказание, их имена и преступления будут известны людям. Но хотелось бы, чтобы это случилось скорее.

14 июля 2010-го и всё, что сопутствовало ему — на телеэкране, в интернете, у нас и у них, совершенно неожиданно пробудило в памяти почти забытые аллюзии детства. Жаркий июль в начале 70-х, когда под Москвой горел торф, плавился асфальт, и на черно-белом экране стандартного телевизора «Рубин» взрослые смотрели транс-

ляции ЦТ о Дне взятия Бастилии в Париже и говорили о нашей стране, о том, что всё должно измениться, что в конце концов здравый смысл и те самые слова — свобода, равенство и братство — одержат верх... И, признаюсь, от этого почти физического ощущения повторяемости сюжета стало не по себе.

А новый закон о запрете хиджаба очень активно обсуждается в интернете по сей день, и, кстати, активистки из женских мусульманских организаций РФ возвысили голоса против такого нарушения прав верующих. Мне очень недостает в этой полемике рассудительного и спокойного голоса Натальи, ее аргументов. Это именно она первая выступила против распоряжения не пускать в Дом печати в Грозном женщин без платка и против возвращения средневековых порядков — в политике и в быту. Она чтит ислам, и знала его. И верила, что права человека — некая абсолютная величина, выше чьих-либо политических амбиций и корыстных интересов. И не боялась об этом говорить. Так же как в конце XVIII столетия француженка Олимпия де Гуж, не побоявшаяся критиковать главные лозунги великой французской революции за небрежение к интересам женщин и написавшая знаменитый «Манифест француженки и гражданки». Олимпию казнили за сочувствие к поверженным эксплуататорам. Наталью убили за то, что защищала униженных властью. Обеих — за то, что отказывались молчать. Разница не так уж велика.

«Деловой вторник», №23 (752), июль 2010 г.

СТРАНА УГОЛКОВ

Незадолго до Крещения приснился мне престранный сон. Будто я снова пришла в свою первую газету с заметкой, написанной на уроке по обществоведению прямо в тетрадке, и жду, пока освободится единственная в отделе портативная машинка, чтобы перепечатать ее, как полагается. А за соседним столом журналист, которого уже давно нет, рассказывает еще двоим нелепым юнцам-внештатникам о том, что мы живем в стране уголков.

— Ты же читала о том, что в каждом уголке нашей страны комсомольцы изучают книгу Леонида Ильича Брежнева «Целина»? — обращается коллега уже ко мне. — Вот и получается, что мы — страна уголков...

Эту фразу я надолго запомнила, хотя представляла себе эти «уголки» как совершенно реальные темные закоулки — грязные и склизкие. Как тупики, в которых происходят неведомые миру ужасы и безобразия, вроде тех, о которых тогдашние газеты ничего не печатали, зато регулярно сообщали в газету исключительно читатели. Нет, не о славных стройках Байкало-Амурской магистрали, не об утренниках в «Артеке» и подготовке к историческому XXV съезду КПСС, а о тех самых «уголках».

Сколько раз, ожидая той же очереди на машинку или к редактору отдела, я смотрела на карту нашей необъятной родины во всю стену и думала про эти самые закоулки...

Карта уже другой, современной, родины возникла в моем беспокойном сне. Очень странная, она ощерилась, как бронтозавр, остриями неизвестно откуда выросших на ее теле треугольников, внутри которых, как в телевизионном экране, кричали и стреляли, рыдали и истекали кровью живые люди. На Кубани и во Владимирской области, в горах Дагестана и Алтая, в лесах Карелии и Приамурья. Этих треугольников становилось всё больше, они

прорастали, как сумасшедшие грибы после радиоактивного дождя в фильме ужасов, заполнили всё пространство от границы до границы, громоздились друг на дружке...

Точно говорят, нельзя за полночь смотреть телевизор. Особенно новости.

Хотя, если сравнить январские программы современных национальных каналов и ретроспективу «Ностальгии», трудно не заметить не только родство, но и абсолютную преемственность меседжа и формы подачи. Разница подчас — только в динамичности изображения (в пользу наших дней) и в качестве русского языка (в пользу «Ностальгии»). Например, наше государственное ТВ гордится предстоящей олимпиадой в Сочи и особенно грядущим чемпионатом мира по футболу ничуть не меньше, чем Гостелерадио СССР — переводом трилогии писателя Л.И. Брежнева на все языки мира. Приподнятая интонация сообщений об успешной договоренности России с британской нефтяной компанией (загадившей, если помните, Мексиканский залив) по поводу совместного освоения Арктики неотличима от радости по поводу успехов строительства атомных АЭС на Украине. Отдельные недостатки и злоупотребления на местах — не в счет. Они, как считается, не могут нарушить нашу победную поступь к вершинам отечественной модернизации и международного признания. Но чем больше сходства, тем явственнее растёт безотчетная тревога.

Ведь, по сути, реальная жизнь огромной страны скрывается за рамками важного разговора как руководителей, принимающих решения, так и всенародного экрана. А самая большая в мире территория, обнесенная одной государственной границей, так и остается неведомой «страной уголков». В которых время от времени случаются некие неприятные события — Кущёвская, Гусь-Хрустальный, Кондопога, Манежная площадь. Есть даже регионы, где вообще нет никакого порядка, и самое удивительное, никакой реакции на это тоже нет. Ну сказал один губернатор, что своя Кущёвка есть в каждой станице, ну повинулся другой, что плохо подготовились в непогоде, оставили без

света полмиллиона налогоплательщиков, а третий — что плохо убирали с крыш, поэтому погибли дети и взрослые — и ничего совершенно с ними не случилось. Не только с ними, впрочем.

Можно долго перечислять имена руководителей регионов, ведомств и министерств, в которых произошли громкие коррупционные скандалы. У обывателя складывается стойкое впечатление: власть давно разделилась на подконтрольную обществу и закону хотя бы в какой-то степени и совершенно неприкосновенную ни по какому поводу — почти как в позднее советское время...

На эти мысли навела и трансляция последнего заседания президентского антикоррупционного совета. Глава следственного комитета констатировал: треть всех выявленных (и все сразу согласились с тем, что это только вершина айсберга) преступлений в сфере коррупции осуществляется работниками правоохранительных ведомств. Далее следуют органы местного самоуправления, образование и здравоохранение. Арестовано уже впечатляющее число чиновников местного уровня. Страх и ужас должен был объять каждого, кто это слышал: ибо нет большей угрозы безопасности и будущему страны — это даже школьники понимают. И что же? А ничего — послушали и приняли к сведению.

Больше всего тронули слова президента о том, что кто-то должен быть чистым, чтобы бороться с этой самой коррупцией. Трудно не согласиться. Как и с тем, что некий элемент народного контроля над распределением государственных средств и прочего — то есть, по сути, гласности — должен быть организован в самое ближайшее время. Будем на это надеяться, хотя слово «гласность» сегодня не самое популярное.

При этом трудно не понять скептиков, утверждающих, что пока борьба с коррозией страны будет ограничиваться поссоветом или районным соцздравотделом, наши перспективы плачевны.

Мы вступили в новый год. Еще ближе выборы 2012-го, о чем уже говорят всюду. Меньше времени до реализации

планов, намеченных приоритетными проектами. Есть надежды, что всё же что-то удастся воплотить и что жизнь станет лучше и справедливее. Но для этого, безусловно, надо несколько переформатировать весь вектор разговора о нашем общем развитии и преодолеть опасное зияние между жизнью элит, соображениями правящего класса и жизнью людей в нашей большой и разной стране.

Мы уже жили в «стране уголков» и помним, чем это может кончиться. Хотелось бы иного...

Наверное, об этом надо больше говорить, а еще стоило бы вспомнить хорошо забытую практику широкого общественного обсуждения насущных проблем, как 20 лет назад. Кроме того, надо внимательнее читать газеты и требовать ответа на критику (соответствующий законопроект, кстати, уже лежит в Думе). Много чего еще надо... Но это, конечно, частности. Главное — чтобы диалог, который столь необходим обществу, всё же начался. Чтобы мы сумели не повторить старых ошибок...

«Деловой вторник», №02 (775), январь 2011 г.

УРОКИ АНАТОЛИЯ ПРИСТАВКИНА

На прошлой неделе, в жаркий день 14 июля, хоронили Анатолия Приставкина. Писателя и общественного деятеля, государственного в полном смысле слова человека. Одного из последних могикан той эпохи, которая нами толком так и не понята и не обсуждена в ее подлости и величии, героическом порыве и тусклой пошлости.

Благодаря таким авторам, как прозаик Приставкин, есть шанс всё-таки ее, эту эпоху, познать полнее и тоньше. Самую известную им написанную повесть «Ночевала тучка золотая», как свидетельствуют социологи, современные школьники, которые, как известно, чтением вообще не ин-

тересуются, проглатывают с той же жадностью, что и их родители лет двадцать пять назад, когда «Знамя» только решилось опубликовать долго лежавшую в ящике рукопись.

Не будет преувеличением сказать, что, скорее всего, новые поколения именно по этому тексту, а не по переписанным очередными политпросветовцами учебникам истории будут изучать характеры и реалии советской жизни. Как изучали советские школьники пугачевщину по «Капитанской дочке», а войну 1812 года — по «Войне и миру». Слава Богу, есть у нас такая национальная традиция — доверять литературе больше, чем пропаганде.

Одна из величайших заслуг отечественной словесности, до сих пор удивляющей мир, — ее колоссальный духовный заряд, в основе которого — страстная проповедь покаяния и сострадания. Покаяния — сильной и ищущей души за все свои несовершенства, в жажде очищения и просветления. Сострадания — к «маленькому человеку», который совсем не герой, который слаб и грешен и часто не внемлет слову добра, живет не по-людски, да и вообще пропащий.

Как ни удивительно, ни первая, ни вторая проповеди не имели бурного успеха, как сейчас говорят, в отечественном идеологическом мейнстриме в самые разные времена. Быть может, потому, что с державной поступью самовластья — романовского ли образца, сталинского ли — не рифмовались совершенно. Напротив, как всякая проповедь, обращались к самым глубинам личности, к глубинам народного сознания, указывая совершенно иные горизонты, нежели самовластьем и его дворней обозначенные.

Еще более удивительно, что в отечестве всегда находились люди, готовые не только положить жизнь и благополучие во имя высоких идеалов, но и упорно стремившиеся приблизить государственную практику к этим самым идеалам в самые разные эпохи — будь то «дней александровых прекрасное начало», робкие шажки думского демократизма, мятущиеся двадцатые или перестройка. И среди этих подвижников нередко были поэты и прозаики.

Не странно ли сегодня вспомнить о том, как еще каких-нибудь два десятилетия назад с призывом покаяться за преступления советской власти обращались к КПСС и ко всем согражданам десятки авторов со страниц «Огонька», «Литературки», «Московских новостей»? Не покаяться — не готовы были. Хотя, казалось бы, что может быть проще, спасительнее и созвучнее христианской традиции, о возрождении которой с каждым годом мы всё официально радеем. Ведь не покаешься, как известно, — не спасешься...

Именно тогда, на волне ожиданий и надежд, родилась и Комиссия по помилованию при Президенте, самый странный государственный орган, роль которого заключалась именно в том, чтобы государственным авторитетом развивать и продвигать то, к чему большинство сограждан были категорически не готовы — сострадание.

Сегодня такого органа у нас нет.

Недавно по телевидению повторяли одну из передач, посвященную как раз работе комиссии, выступал на ней Анатолий Игнатъевич. На вопрос молодого журналиста о том, что его поразило больше всего за годы работы, он ответил: страшная обыденность и глупость большинства жестоких преступлений. Люди убивают близких в пьяном бреду или беспамятстве, перед этим могут подоить корову или убрать квартиру. За каждым таким случаем — почти всегда история долгого несчастья и несправедливости. Но не только по вине конкретных людей — несправедливости экзистенциальной, которой напитана вся наша жизнь. Анатолий Игнатъевич говорил тогда (это запомнилось), как спокойный и уверенный в себе пастор, батюшка. Как человек, точно знающий, что путь к исправлению этой экзистенциальной муки — в добре.

Когда-то вместе с ним в этой странной комиссии работали люди непростой в основном судьбы, прошедшие множество испытаний, — Лев Разгон, Феликс Светов, Юлий Крелин. Уходили один за другим, вместе с ними уходила эпоха. Вместе с Анатолием Приставкиным, кажется, она ушла окончательно.

Когда Москва прощалась с ним (были и официальные речи, и военный оркестр, как положено), многие говорили о том, что хорошо бы возродить эту самую комиссию. Очень важно, что эти слова прозвучали. Как и обещание издать последние работы писателя и собранные им свидетельства тех, кто пережил настоящий ад несвободы и несправедного суда.

Нам важно не забыть все эти голоса, все эти слова, обращенные к современникам и потомкам — несовершенным, как все смертные. Не погрязнуть в беспамятстве, не позабыть о том, что именно покаяние и сострадание и есть основа того менталитета, который позволил нашим соотечественникам пережить непереживаемое, сохранить живую человеческую душу там, где всё человеческое гибнет.

И не нужно ничего придумывать, искать новую идеологию, вымучивать формулировки новых нравственных ценностей или, тем более, тратить на это сомнительное занятие государственные средства.

Надо, наверное, лучше всмотреться в недавнюю свою историю.

Задуматься.

И сделать собственные выводы.

«Деловой вторник», №25 (658), июль 2008 г.

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

Телевизионный экран — неиссякаемый источник вдохновения. Он чуть ли не каждый божий день подтверждает не только многообразие окружающей нас действительности, но и пугающее подчас число вариантов интерпретации самых очевидных вещей.

Всем хорошо известно, как одни и те же события хроники могут быть представлены буквально зеркально противоположными.

Недавний поразивший экспертов пример почерпнут в ходе августовской войны на Кавказе. Телеканалы, находившиеся в ту пору в информационном противостоянии друг с другом, часто повторяли такую видекартинку: плачущая женщина на фоне разрушенного дома указывает на следы бомбежки. При этом одни каналы комментировали это как грузинский обстрел Цхинвали, другие подавали как свидетельство бесчинства российской военщины в грузинском Поти. Оказалось же, что в кадре вообще старая съемка из Сухуми.

Справедливости ради стоит сказать: это не наше и даже не американское ноу-хау. Директор Института толерантности СМИ, в прошлом сотрудница белградского ТВ, недавно на творческом обсуждении в СЖР рассказала об эпизоде периода войны в бывшей Югославии. Сербское телевидение показывало страшную картину: десятки убитых молодых людей, результат этнической чистки в одной из деревень — и говорило о гибели «славных сербских парней» от рук хорватских агрессоров. Те же самые кадры хорватское ТВ представило как гибель славных хорватских парней от рук сербских националистов. Самое страшное заключалось в том, что ни в ту пору, ни после так никто и не выяснил, чьи же всё-таки парни были расстреляны, где их родственники, сумели ли предать их тела земле.

Перегибы пропаганды военного противостояния, как бы то ни было, случаются всюду, но они всё же носят временный характер. И, слава богу, это не наша сегодняшняя тема. Куда интереснее наблюдать, как в обычную мирную пору телеэфир фиксирует необъяснимые, с точки зрения здравого смысла, смещения и постепенную переоценку ценностей (подчас — самых базовых), изменение которых куда более опасно для национального самочувствия, чем любой экономический или политический кризис или даже война.

Ярчайший тому пример и своего рода метафора современного настроения — любимая народом, почти культовая программа «Ледниковый период». Неслучайно во-

круг передачи сформировалась собственная субкультура, таблоиды муссируют слухи о сближении (истинном или мнимом) партнеров по шоу, количество клонов во всех возможных жанрах зашкаливает. Собственно, эта программа, как и другие ей подобные шоу, скопирована с западных лекал, но так уж водится в нашем отечестве, что всё новообретенное должно быть гипертрофировано почти до карикатурности. В результате «Период» — не просто зрелище плюс реклама, но вид новой идеологии, оказавшейся более чем востребованной самой разной аудиторией.

Суть ее элементарна. Оказывается, не надо невероятными усилиями, воспитанием воли и железной дисциплиной торить тропу к олимпийскому пьедесталу — достаточно обладать приятной в меру внешностью, связями или просто попасть в хорошую компанию, и за доступную сумму всегда найдется чемпион, готовый поддержать, вывести на орбиту и помочь занять нужное место.

Неслучайно вслед за ледовыми площадками начали осваивать цирковые арены, концертные залы, ринги и другие пространства. С предложениями обращались к известным пианистам и певцам — к чести последних, ни Денис Мацуев, ни даже Николай Басков не согласились. От чего, увы, сумма слагаемых почти не изменилась — в аудитории сложилось стойкое убеждение, что в новой России профессионализм и мастерство, профессиональная подготовка и знания как таковые вообще не нужны — ни для того, чтобы кататься на льду, ни чтобы петь под фонограмму, ни чтобы руководить отраслью или регионом. Всё управление есть сумма технологий менеджмента, помноженная на сочетание полезных обстоятельств.

Понятно, что нанотехнологическую державу с таким менталитетом быстро не построить. Что вообще большинства задач, стоящих перед страной, и каждой сферой деятельности в отдельности, не решить. Но это мало кого волнует. Потому что нас всех удачно убаюкивают информацией о неизбежных успехах и выполнении всех намеченных планов, но при этом не сообщают никаких подробностей.

Ведь имидж — всё! Наш имидж, представленный национальным ТВ, вполне благополучен. Пусть там возникают иногда холодящие душу вкрапления вроде недавнего двойного убийства в центре Москвы адвоката Станистава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой... Эти эпизоды в целом не нарушают привычной картинки — блестящей, как крепкая ледяная корка искусственного покрытия на арене шоу.

Впрочем, всякий лед, даже такой, имеет свойство когда-нибудь таять. И надежду внушает (опять-таки!) информация ТВ. Только что в Вашингтоне состоялась инаугурация 44-го президента США, участвовать в которой собрались без малого два миллиона американцев. Большинство — простые люди разного возраста, разного происхождения. Их лица, их наивная вера в то, что мир с приходом нового лидера может измениться к лучшему, потому что они наконец сделали некий выбор, простые слова о том, что политика должна быть адресована людям, и каждый гражданин хотя бы одной страны должен иметь равные возможности жить, работать и реализовывать свой потенциал, как-то запомнились.

Эти люди в далекой стране уже отсмотрели свои ледяные шоу и пропагандистские репортажи, и теперь их, похоже, интересует самая обычная жизнь и собственное достоинство. Я не думаю, что наши люди, зачарованные пока что диковинным зрелищем блесков и коньков под софитами, глупее американцев. И что мы полностью лишены чувства реальности и здравого смысла. Наверное, мы тоже сможем сделать собственный выбор. И до этого, надо думать, не так долго осталось ждать.

«Деловой вторник», №2 (682), январь 2009 г.

ЛЮДИ НА ПЛОЩАДИ

Этот пикет в центре Варшавы, перед зданием сейма, собрал человек сто пятьдесят. Моросил не то дождичек, не то мокрый снег. На мостовой лежал накрытый простыней манекен женщины на носилках.

Тем временем сменявшие друг друга выступающие (они были разного возраста) одинаково убежденно говорили о несовершенстве новой законодательной инициативы, очевидно нарушающей универсальные права человека в отдельно взятой европейской стране, а яркие плакаты и десяток телекамер свидетельствовали о том, что протестующие неплохо подготовились и обладают достаточным опытом.

Происходящее неуловимо напоминало что-то давно знакомое и одновременно порядком позабытое: ну, конечно же, эту картинку — и поляков с транспарантами, и тот же дождичек — я видела не раз в сводках программы «Время». Когда сообщали о введении военного положения в Польше. А еще — в фильме «Человек из железа» Анджея Вайды, позднее — во многих документальных свидетельствах периода бархатной революции в Восточной Европе.

Тогда никто еще не думал, что один из архитекторов этой революции, Адам Михник, перефразирует знаменитое определение Вацлава Гавела и будет с горечью говорить о бархатной реставрации.

Поляки всегда опережали нас лет на десять. И с «Солидарностью», и с приватизацией, и с разочарованиями в рынке как панацее от всех проблем. Помню, в 1991-м, когда у соседей только начинался капитализм и коллеги, забыв о митингах и дебатах, круглосуточно зарабатывали деньги для семьи в десяти фирмах одновременно, не успевая встречаться с друзьями неделями и месяцами, а то и начинали ссориться насмерть не только из-за принци-

пов, но из-за презренных денежных знаков, я даже написала заметку о том, что у нас никогда такого не случится — для российской интеллигенции высокий идеализм и счастье ночных посиделок на кухне за решениями мировых вопросов неизбежны, как первый снег к ноябрьским праздникам. Нет ни праздников (точнее, сколько-нибудь внятного объяснения того, что именно и почему отмечают в первой декаде ноября), ни мифа о приоритете нравственных ценностей перед материальными, сама интеллигенция как общность расслоилась, почти растаяла под стать тому же (в эпоху глобального потепления) уже далеко не бесспорному раннему осеннему снежку.

Сегодня, когда кризис катится по континентам, рушатся многие стереотипы, принимаются неожиданные решения, наше родство с соседями особенно очевидно. Не только с ними — неуловимые нити по-прежнему связывают нас с болгарами, словаками, румынами. Восточная Европа, даже став частью формально единого пространства, не обрела равного статуса. По-прежнему поляков не берут на работу наравне с собственными гражданами во многих старых демократиях. По-прежнему регион остается некой окраиной, и, как это всегда случается, любые трансформации осуществляются за счет населения, причем самая тяжелая ноша по традиции достается женщинам.

Об этом рассказывали участницы очередной встречи коалиции женских организаций Центральной и Восточной Европы «КАРАТ» — собственно, ради нее я и приехала в Варшаву. Основная задача организации, которая работает в регионе уже более десяти лет, — выявить последствия реформ, происходящих в самых разных странах, для женщин. Определить, как расширение европейского пространства способствует расширению пространства равных возможностей.

К сожалению, многочисленные исследования убедительно показывают, что это удастся не всегда. Напротив, рыночный рывок, как правило, усиливает неравенство, в том числе и гендерное, и приверженность красивым

словам о европейских правилах поведения не имеют практического влияния на реальное положение вещей. Не хочу сказать, что исследования гендерных экономистов или альтернативные доклады по соблюдению международных конвенций, представленные активистками стран бывшего Восточного блока, коренным образом изменили ситуацию, но эти слова были услышаны. А программы, предложенные женщинами, всё чаще получают поддержку и хотя бы в некоторой степени смягчают последствия многих болезненных процессов, прежде всего в области социальной.

К сожалению, к нашей ситуации это не имеет никакого отношения. Общественные движения России, в том числе и женские, едва заметны, не отличаются ни маневренностью, ни напором, они не узнаваемы аудиторией — по крайней мере, на национальном уровне. Не хочу сказать ничего плохого о тех замечательных — подчас поистине героических региональных и местных инициативах, которые годами самоотверженно помогают бедным и одиноким, заброшенным и отчаявшимся, жертвам жестокости и насилия, войн, несчастий. Не будь их, картина социального неблагополучия была бы куда трагичнее, а количество обретших надежду — меньше в разы. Но то видят только земляки. У стен российского парламента давно никто не призывает обратить внимание на самого обычного человека. Почти так же, как и внутри этих самых стен.

Разница между нами и поляками, собственно, в одном — и небольшой пикет у сейма это показал со всей очевидностью. Им, полякам, так же уставшим от высоких слов и обещаний, от непопулярных политиков, ошибок и коррупции, терзаемых теми же рецидивами советских комплексов, не всё равно, как законодатели распорядятся их частной жизнью. По крайней мере, тем, кто вот уже несколько недель выходит пикетировать под шумок, без широкого обсуждения и экспертной оценки, продвинутый законопроект о биоэтике. Закон этот, в частности, касается такой болезненной в Польше проблемы, как искусственное оплодотворение и доступ к репродуктивным технологиям и

медицинскому обслуживанию в целом. Аналитики считают, что жертвами закона в случае его принятия станут многие женщины, которым будет просто отказано в помощи.

Стоит ли ради такого сюжета выходить на площадь? Поляки считают, стоит.

Впрочем, не будем проводить неприятных параллелей. Слава богу, у нас есть чем на сегодняшний день похвалиться. Недавно Татьяна Голикова поддержала пожелание многих матерей и отцов детишек, больных онкологическими заболеваниями, они могут наконец пользоваться бессрочными больничными листами. Радость по поводу этой новости во многих СМИ была неподдельна, как будто министр здравоохранения и социального развития совершила героический поступок, а не приняла внятное здравому смыслу и при этом вполне рутинное решение.

Конечно, госпожа министр молодец. И вообще, политики и министры работают, заметим, не только за деньги или во имя популярности, но во имя защиты интересов и удовлетворения потребностей рядовых граждан прежде всего. Главное, наверное, чтобы граждане сами об этом не забывали.

«Деловой вторник», №04 (684), февраль 2009 г.

ПРАЗДНИК БЕЗ ФАНФАР

День 10 декабря никак не отложился в сознании современников. Только наиболее усидчивые учащиеся и сотрудники не столь многочисленных международных организаций вспоминают эту дату: 10 декабря 1948 года Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую декларацию прав человека — документ, который по сей день является основополагающим для многих законодательных актов и правоприменительных практик.

Не помню, чтобы мы этот документ изучали в советское время на уроках обществоведения. Впрочем, тогда нам внушали, что права человека не соблюдают нигде, кроме нашей великой родины. Во что, разумеется, никто из знакомых мне сверстников не верил совершенно. Поэтому декларация прошла мимо нас. Мимо прошел тот самый документ, который до сих пор международная общественность считает одним из основных итогов двух мировых войн (с их разрушениями и жертвами, крушением многих идеалов), неким спасительным островом, своего рода новым заветом запутавшегося человечества, напоминанием о том, что каждый рожден равным с другими и обладает непререкаемыми правами. То есть признание суверенитета и ценности каждой человеческой личности, вне зависимости от того, где и в каких обстоятельствах ей суждено было родиться и проживать.

Тридцать статей декларации, вместе и по отдельности, в современном контексте временами звучат, честно говоря, странновато, напоминая одновременно и о родстве с формулировками библейских заповедей, и о романтическом настроении, которое владело умами и душами тех, кто на руинах послевоенной Европы мечтал о совершенстве мира и человеческого общежития, веря, что ужасы фашизма не повторятся никогда. Взять хотя бы первую статью — «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и праве. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». И далее — о праве на жизнь и достойное обеспечение, на труд, достойное вознаграждение и отдых, неприкосновенность частной жизни, удовлетворение духовных и культурных нужд, создание семьи и защиту собственности, свободу выбора веры и политического лидера, собраний и перемещения, защиту в суде и свободу от пыток и преследования. То есть прекрасный идеализм, которому чужда сама мысль о геополитической целесообразности, борьбе с терроризмом и прочих современных объяснениях того, что где-то эти самые права могут со-

блюждаться, где-то ограничиваться во имя кем-то придуманных доводов, а где-то — игнорироваться полностью.

Традиционно важна для нас, журналистов, статья 19: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их, это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

В коридорах штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, в московском офисе ЮНЕСКО, во многих информационных центрах висят красочные плакаты, иллюстрирующие каждую статью, обсуждение ее смысла и возможностей реализации в каждой стране, каждой культуре. Во многих регионах мира их действительно изучают в школах — у нас, к сожалению, в очень немногих, ассоциированных с ЮНЕСКО.

Очень жаль.

Жаль, что с обложек школьных тетрадок исчезли простые строчки о правах ребенка. Как и просветительские программы на эту тему, которые когда-то всё же присутствовали в эфире и на страницах газет. Было время, когда сама идея правового общества и гражданина, не только наделенного правами, но и испытывающего некую ответственность за это, обсуждалась довольно широко и миллионными тиражами. Двадцать лет назад все демократические издания говорили об этом регулярно, призывали аудиторию к диалогу, сама идея расширения прав личности — будь то собственность, свобода собраний и объединений, свобода перемещения, свобода решать будущее своей страны, наконец, — стали знаменем момента, двигателем перемен.

Почему-то об этом очень редко сегодня говорят и еще меньше — анализируют. Может, оттого, что обретение прав не сопровождалось пониманием неотъемлемой от них ответственности? Хотя бы за то, что соблюдение прав требует регуляции, скучного механизма, скрупулезной работы, не похожей ничем на подвиг, и вообще серьез-

езного отношения к своему слову и взятым обязательствам? Что мы вообще не проговорили как следует эту поведку дня — о чем это, права человека. И кто отвечает за их исполнение? Только лишь президент или Московская хельсинкская группа вместе с омбудсменом?

И почему у нас так непопулярно последнее время вообще говорить на эту тему? Почему церковь, претендующая во вполне светском государстве на роль морального арбитра, заявляет, что универсальные принципы прав человека, этот триумф победы над фашизмом, не соответствуют менталитету страны, которая внесла более чем весомый вклад в Великую Победу? Что нам понятнее некий коллективный, общинный интерес (который в сознании обывателя немедленно рифмуется с интересом общака), а не человеческие условия для свободного развития личности? Почему всё агрессивнее нападки на гуманитарные программы помощи подросткам и саму идею прав ребенка, будто бы нарушающую национальную идентичность и ценность родительства? Две тысячи детей, ежегодно гибнущих от рук российских родителей, и десятки тысяч избитых, искалеченных и поруганных — не слишком ли высокая цена?

Сегодня, особенно после недавних трагедий, много говорят об ответственности чиновников и разного рода взяточников, меньше — об ответственности людей, принимающих решения на самом высоком уровне. О нарушении базовых социальных прав граждан говорят давно. Но при этом не многие вспоминают о том, о чем напоминали русские мыслители, — что идея достоинства человеческой личности владеет обществом только тогда, когда самый рядовой обыватель ею проникнется. И не допустит произвола и нарушения своего достоинства, как бы ничтожны ни были проявления этого произвола.

К счастью, примеры имеются и сегодня, и они внушают надежду на то, что положение дел всё же изменится. Правда, не у всех есть желание потратить на это недели и годы — как у драматурга Андрея Красильникова, противостоящего подмосковной мафии застройщиков общест-

венного парка, или у профессора Дмитрия Стровского, в результате 18-дневной голодовки добившегося восстановления работы незаконно закрытой школы, или у моей соседки Веры, которая отсудила у предприятия, откуда ее уволили под предлогом частых болезней ребенка, достойную компенсацию. Как судья ростовского облсуда Елена Воронова, вопреки процедурной традиции добившаяся не тюрьмы, а условного наказания для сына алкоголиков, полагая, что он имеет право стать нормальным гражданином и получить от жизни шанс. Как Наташа Эстемирова, Станислав Маркелов и другие, кого мы потеряли. И тысячи других людей, имена которых неизвестны аудитории, которые не пожалели своих сил и времени краткой жизни во имя того, чтобы в нашей стране уважали человека и его права.

Давайте вспомним всех, кого знаем или не знаем лично, о ком, быть может, слышали.

Низкий им поклон.

«Деловой вторник», №47 (727), декабрь 2009 г.

ГЛОТОК СВОБОДЫ

Хорошо помню небо над городом — ясное, синее, высокое, каким оно почти никогда не бывает над Москвой. В этой глубокой синеве, казалось, и солнце светило ярче, и краски сделались гуще, а очертания башен, набережных, мостов — четче и живописнее. Пейзаж был как-то нереально, едва ли не пугающе, прекрасен, и это неожиданное сочетание линий, форм и оттенков еще больше подчеркивало необычность выражения лиц людей, собравшихся на площади и вокруг.

Люди тоже были невероятно красивы. За три дня я не увидела ни одной гримасы раздражения или злобы,

будь то молодые или старики, мужчины или женщины, москвичи или приезжие... Потом всё стало, как обычно.

Но тогда собравшиеся возле Белого дома будто отбросили всё неважное, суетное, случайное, и оставили самое лучшее, и не боялись этого ничуть, и брались за руки. Позже журналистка британской компании «Би-би-си» и внучка советского наркома Литвинова, Маша Слоним, сняли фильм «Вторая русская революция» — как раз об августовских событиях; его показали по новому российскому телевидению, и он передал атмосферу этого краткого периода в истории, значения которого мы до сих пор так толком и не определили. Совершенно точно одно: в жизни миллионов людей так называемый путч советских реваншистов, и его разгром, и все последующие события сыграли не просто важную роль — они положили начало тектоническим переменам в ходе политического и экономического развития гигантских пространств и народов, ускорили смену идеологий и нравственных установок, самого строя общественной и частной жизни, причем не только на бывшем советском пространстве, но и далеко за его пределами...

Для тех, кто волею судьбы оказался в августе 1991-го у Белого дома в Москве, эти дни остались обжигающей отметиной, ослепительной вспышкой, катарсисом, которые уж точно не повторятся в формате одной человеческой жизни.

Хотя дни, честно говоря, начинались как довольно обычные. В Москве все говорили о политике, политические дебаты включались в личные отношения, в театрах шла пьеса о том, как супруги в постели спорят о судьбах перестройки, многие браки распались по причине политических несогласий — впрочем, и многие новые возникли по причине сходства мнений и ожиданий. Сегодня это даже звучит как-то странно, но тогда никого не удивляло. Удивляло, если было наоборот. О дефицитных тряпках, продуктах, автомобилях, даже водке, с которой официально боролись, говорили совсем мало, даже сами фарцов-

щики. Обсуждали публикации и книги, выстраивались очереди у газетных киосков и щитов со свежими газетами.

Журнал, где я работала, запретили из-за критических статей распространять на Украине, оттуда приезжали гонцы и брали стопки прямо в редакции. Обсуждали закон о гласности, который должен был продолжить идеи нового закона о печати, декларировавшего свободу, обсуждали идею всенародного покаяния за преступления, совершенные от имени партии, верили, что слова покаяния и правды выжгут зло, что художники и журналисты в парламенте установят справедливое устройство государственной жизни, а частная собственность на землю и свободная конкуренция приведут нас в капиталистический рай.

Накануне 19 августа в Москве начали работу Съезд соотечественников в Институте мировой литературы и российско-американская конференция о развитии СМИ на факультете журналистики МГУ. Приехали многие ученые, издатели и авторы из разных стран, почти никто не убежал в первые часы путча, некоторые прямо из зала заседаний пошли защищать Белый дом. Моя подруга, американская славистка, рвалась на баррикады и возмущалась, что ее как женщину просили не рисковать больше других, а постоять в арьергарде и помочь распределять питание — его привозили из каких-то кооперативных кафе, закусных, из домов, раздавали бесплатно, как и медикаменты, носовые платки... В одном ряду стояли очень разные по возрасту, воспитанию, интересам люди — сторонники коммунизма с человеческим лицом и антикоммунисты, космополиты и националисты, работники и бизнесмены-кооператоры, анархисты и государственники, традиционалисты и авангардисты — но совершенно точно все верили в спасительность начавшегося обновления и очищения страны и не хотели возвращения к той уродливой и лживой практике, которую хорошо помнили и которая в карикатурном виде предстала в виде фигур гэкачепистов с трясущимися руками и бессвязной речью. Ради этого они и пришли сюда, и взялись за руки. И пусть их было не так уж много, вышедших на улицы в Москве и дру-

гих городах, — важно, что они были и о них знали, их личный выбор вошел в историю. Этот порыв к свободе, почти безотчетный, и готовность нести ответственность за этот выбор наполняли их лица необычным свечением. Пусть только на три дня.

Накануне событий и после еще долго очень много говорили и писали о роли интеллигенции в российской истории и современности. Спорили до хрипоты, сорили аргументами, строили прогнозы. Собственно, и перестройка, и защита Белого дома как таковая — непосредственный результат развития и творчества той части народа, которая называлась советской интеллигенцией.

Гроссман, Трифонов, Битов, Аксёнов блистательно описали всю противоречивость бытия и развития страны, в которой подлость совмещалась с героизмом, суетность — с творческим порывом, и сутью которой была незабвенная амбивалентность, о которую поломали немало копий критики советской и перестроечной эпохи. Советский интеллигент — он не герой социалистического реализма, нет, в нем сочетаются исключаящие друг друга начала... Скрытый смысл этого обстоятельства и его последствия для нравственного самочувствия страны мы узнаем только потом. И всё же именно эта вполне неоднозначная часть исторической общности под названием «советский народ» не только отработывала неслыханные инвестиции, но и пронесла некие традиции сопротивления, перенятые от предшественников, и сформулировала кодекс чести, воспринятый аудиторией, и назначила себя ответственной за него — и в итоге привела к гибели тот самый режим, который создал для интеллигенции редкие привилегии, о каких не мечтали западные профессионалы.

Никто не думал, что через несколько лет от самого понятия и его этических констант останется лишь невнятное воспоминание...

В дни путча наш журнал, как некоторые другие демократические издания, был закрыт на несколько дней, и мы готовили подпольный номер, а сотрудники агитировали за свободу солдат, сидевших на танках вокруг нашего кор-

пуса, вполне успешно, это было вполне естественно. Такая практика больше не повторилась практически нигде. Главный редактор был в командировке, он не прилетел в Москву сразу же, как только в городе появились танки; говорят, он был вторым или третьим в длинном списке гэкачепистов на арест. Прилетел позже. И попросил об отставке, еще 19-го числа прислал факс и написал, что не имеет права руководить коллективом, с которым не был в трудную минуту. Это казалось тоже вполне нормальным и честным. Этот пример также не прижился, не помню, чтобы многие руководители, не разделившие беду со своими людьми по причине командировки, отдыха или просто небрежения, последовали этому примеру.

После августа 1991 года началась совершенно другая жизнь. Те, кто когда-то держался за руки, никогда не соберутся вместе, многие ушли из жизни, многие разлетелись по планете, многие прочно встали по разные стороны совершенно иных барьеров, многие потерялись. Но тот порыв, та иррациональная жажда свободы, которые увлекали участвовать в истории и приближать правду и справедливость, в которую верили, что-то переменяли. Пусть мы об этом мало говорим сегодня. Еще придет время...

«Деловой вторник», №27 (756), август 2010 г.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ГУЛАГА

На самом краю земли, на острове неподалеку от мыса Доброй Надежды, чернокожий гид водил нашу многоязычную группу по коридорам одной из самых зловещих тюрем мира «Роббен Айленд», в которой 27 лет провел приговоренный к пожизненному заключению Нельсон Мандела и сотни неведомых миру других заключенных, многие из которых никогда не вернулись домой.

Рассказывая о практике апартеида, наш проводник заметно волновался, и было отчего — оказалось, он сам просидел тут пять лет, мальчиком совсем, как почти все гиды, которые встречаются бесконечные экскурсии: в освобожденном, казалось бы, от расизма обществе бывшим узникам не нашлось места.

И тут я сказала, что понимаю, о чем он говорит. Что у нас в России тоже был террор и похожие тюрьмы. Что мы до сих пор еще не освободились от страшного прошлого. И между нами в этот момент возникло странное и щемящее родство, как будто тени погибших и безвременно умерших возникли за спиной...

Это чувство беды и незавершенности ее преодоления неожиданно вернулось недавно в центре Москвы, в Музее ГУЛАГа на Петровке, где американский историк Стивен Коэн представлял свою последнюю книгу «Жизнь после ГУЛАГа». Точнее, это была не только презентация книги, а продолжение того трудного, но необходимого разговора, который начался в стране 25 лет назад и почти не слышен последние годы. И многолетний труд американца, перелопатившего советские и российские архивы, собравшего по крупицам информацию, казалось бы, навеки похороненную под грифом «хранить вечно», вернувшего нам, когда стало возможно, имена и сюжеты эпохи террора и тотального страха, напомнил о том, что еще очень многое не сказано и не сделано здесь, у нас. И подступала неясная и растущая с каждой минутой тревога. Не только потому, что в зале присутствовали бывшие узники, дети и близкие репрессированных романтиков социалистической идеи, что в соседних залах были представлены документы о расстрелах, справки об освобождении, личные вещи узников Колымы и Карлага.

Почему здесь, рядом с ними, нет ведущих действующих политиков и национальных телеканалов. Пришедшие Боровой, Явлинский и Наталья Солженицына, представители общества «Мемориал» и Ассоциации исследователей российской истории как будто подтверждали неприятную догадку о том, что тема репрессий и судьбы без-

винно пострадавших — сюжет исторических студий, а не актуальной повестки дня. Что сама идея жизни после ГУЛUGа, которая была и остается реальностью не только родственников пострадавших, но всей нашей страны — непопулярна.

Стивен Козн, напротив, настаивает, что осмысление прошлого не завершено и продолжает оставаться в эпицентре современного политического развития России, и не только. Он вообще-то всегда имел свое мнение. Тексты американского исследователя о романтиках революции, о судьбах самой идеи будоражили умы читателей перестроенного «Огонька». Козн был одним из первых западных авторов, который открывал отечественному читателю нашу историю. При этом он, в отличие от очень многих, не спешил заклеить социалистический опыт как таковой и не верил в чудодейственное влияние неолиберализма на бывшую советскую действительность. Его книга о Бухарине — уже классика жанра; монография о жертвах террора — монументальный труд, давший направление многим.

Молодой славист из Кентукки, полюбивший Россию и ее трагическую историю, сделал очень много, чтобы правда о нашей стране стала доступна. Но остается вопрос — а где же российские книги? Разве написание таких работ — не дело чести отечественных историков и популяризаторов? Разве не первоочередная задача наших образовательных учреждений — рассказывать о недавней истории и воспитывать уважение к страданиям людей и урокам прошлого? Разве не дело СМИ — рассказывать об этих уроках? Как в той же Франции, где о Второй мировой войне, а также о коллаборационизме французских властей и героическом сопротивлении нацизму не дают забыть ни популярные телеканалы, ни школьные учебники — они не перестают напоминать о том, что ошибки и преступления прошлого не должны повториться...

В книге Козна звучит тревожная нота — он пишет о причинах и перспективах ресталинизации в России, и это более чем актуально.

Дело не только в том, что российский обыватель, уставший от лицемерия окончательно потерявшей стыд элиты, всё чаще обращается к апокрифам о великой эпохе великого вождя и великих свершений, сошедших с открыток 30-х годов, и с детской непосредственностью рассматривает парадные портреты тирана. И даже не в том, что сами политики нередко обращаются к образу имперского прошлого, в котором удивительным образом совмещаются приметы монархической державности и социалистического реализма, и совершают нестандартные поступки типа возложения цветов к сохранившимся (или даже возведенным заново) сталинским изваяниям.

Беда в том, что полное и окончательное расставание с тоталитарным прошлым и его тенями, честное (пусть и болезненное) осознание трагического опыта так и не произошло. Как и очищение от него, покаяние, о котором много говорили 20 лет назад и совсем не говорят сегодня.

Жизнь после ГУЛАГа — это не только о реабилитированных и их близких и не только о палачах, которые нередко сами становились жертвами и уж точно не были свободными. Эпоха ГУЛАГа превратила в заложников, по сути, всех граждан страны, парализовала сознание и волю, стремилась вытравить в людях саму мысль о свободе и личном достоинстве... Непобедимость человеческого достоинства, вера в стремление людей к свободе как залог будущего развития — основная мысль книги Коэна. И поэтому, несмотря на трагические страницы, она полна оптимизма. И это самое важное.

Жизнь после ГУЛАГа — наша сегодняшняя жизнь. В наших силах окончательно сделать ее фактом истории. Пока мы этого не сделаем, рано говорить о модернизации и о развитии общества в целом.

«Деловой вторник», №10 (783), март 2011 г.

ПРОЩАЙ, «БИ-БИ-СИ»!

Руководство Британской радиовещательной компании сообщило, что по финансовым причинам и в связи с сокращением штатов Русская служба «Би-би-си» прекращает коротковолновое, средневолновое и спутниковое вещание и останется только в интернете.

Новость эта не вызвала в мире ажиотажа, скорее, была воспринята как закономерность и еще одно свидетельство тому, как кризис и технологическая революция меняют привычный медиаландшафт Европы. Но для тех, кто родился и вырос в СССР, известие о прекращении живого вещания «Би-би-си» на русском языке значит куда больше, чем просто изменение формата, вызванное экономической целесообразностью. Это живое свидетельство тому, что огромный пласт отечественной истории и нашей собственной жизни окончательно ушел в прошлое, остался строкой в учебнике, летописи эпохи, и возврата к нему не будет никогда.

Избирательная память, перегруженная информационным потоком повседневности, тем не менее немедленно отмечает, что решение это принято весной (как и решение о начале перестройки на знаменитом партийном форуме), вскоре после юбилейных торжеств Горбачёва и Ельцина, которые оказались ровесниками, и в год 20-летия августовского путча и распада СССР. И находит в череде совпадений некий символический смысл...

Как бы то ни было, передачи Русской службы «Би-би-си» — это эпоха. И значение пробивавшейся издали сквозь шум глушилок родной речи для отечественного слушателя трудно переоценить.

Точно не помню, когда именно я услышала голоса ведущих далекой радиостанции — «Спидолу» с торчащей антенной слушали поздно вечером старшие, когда я уже поч-

ти спала, но сквозь тощие стенки малогабаритного жилья улавливала интонации и обрывки фраз, которые живо обсуждались взрослыми, имена и понятия, которые в других ситуациях не произносились...

Тогда же я почему-то уяснила, что «Би-би-си» лучше, чем «Голос Америки» или «Свобода». Потом, уже подростками, мы сами слушали ту же «Спидолу» по субботам, ожидая повторения ночного пятничного эфира Севы Новгородцева, ловя каждое слово о новом альбоме любимой рок-группы и ее записи, некоторые приносили с собой портативные магнитофоны в надежде зафиксировать услышанное, получалось ужасно. Честно говоря, нам было совершенно наплевать, антисоветская это станция или нет, — важнее было слышать живое слово среди окружавшего нас тотального вранья...

Первая радиотрансляция Британской компании на СССР состоялась 23 июня 1941 года — это была переведенная на русский язык речь Черчилля о нападении Германии на СССР. Потом была подробная беседа Сталина с британскими журналистами. В годы Второй мировой войны «Би-би-си» стала энергичным инструментом пропаганды действий союзников, прежде всего СССР и Великобритании; корреспонденты ТАСС вещали раз в неделю из студий компании, тексты редактировал лично советский посол...

Полноценное регулярное вещание на русском языке началось 26 марта 1946-го. А уже с 24 апреля 1949 года, когда началась холодная война, передачи начали глушить. Причем, как мне кажется, чуть меньше, чем «Голос Америки», который тем не менее привлекал самую широкую аудиторию в СССР. Разумеется, Русская служба «Би-би-си» активнейшим образом участвовала в идеологическом противостоянии. Но пропаганда здесь никогда не была столь нарочитой и агрессивной, как в эфире других станций, которые подчас отличались от советских агиток разве что политическим вектором. А голоса ведущих и комментаторов из Лондона говорили не только о политике и противостоянии на Ближнем Востоке. Они рассказывали о со-

бытиях истории Европы и мира, судьбах лидеров и простых людей, ввергнутых в водовороты времени, здесь звучали стихи и проза русских писателей, подвергшихся репрессиям или эмигрировавших, и сама мысль о преемственности культуры и интеллектуальной дискуссии будоражила умы... Передачи Русской службы представляли советскому слушателю иную точку отсчета, иные аргументы, иную интерпретацию современных событий и давней истории — и всё вместе это возвращало почву не только для сомнения, но и для будущего развития.

Никакая перестройка была бы невозможна, не будь поколения советских граждан, воспитанных в традиции сопоставления передовиц «Правды» и комментариев Алексея Максимовича Гольдберга. В те далекие годы русскоязычные радиоголоса были не просто ростками свободы, их слушали, чтобы утвердиться в собственных идеалах, веря в будущую и неизбежную справедливость и вольницу, в то, что при жизни это случится.

Потом, в перестройку, русская служба пришла в Россию легально, учредила офис, а вскоре провела массивный тренинг среди работников радио и ТВ огромной страны. И привила многим, в том числе некоторым будущим своим критикам, уважение к стандартам сбора материала и расследования. Своей картинкой и способом подачи новостей многие программы российского эфира обязаны именно этому.

Ежедневные передачи Русской службой «Би-би-си» стали частью нашего общего информационного пространства, их взвешенность и неизменная кропотливость в подборе и подаче материала вызывала стойкое уважение даже самых расхлябанных баловней медийной судьбы. Трудно перечислить те актуальные темы, которые затрагивали программы, вступая в невольную — и как, правило, успешную — конкуренцию с российскими собратьями, а российские журналисты чувствовали себя в студии вполне комфортно.

Исчезновение русской службы из эфира — знак нового времени, мало связанного типологически с советским и

перестроечным прошлым и его ориентирами. Ностальгические чувства по этому поводу неизбежны, как ностальгия по юности и ее мечтаниям.

Наступает новое время — более практическое, технологическое, жесткое. На смену наивным фантазмам холодной войны приходят иные призраки.

Останется ли идеализм? Эта наивная, как многим покажется, вера в то, что преодоление барьеров и идеологических стереотипов может сделать нас всех, по все стороны всевозможных виртуальных баррикад, счастливее?

«Деловой вторник», №11 (784), апрель 2011 г.

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО

События 12 мая 1976 года, когда на квартире Андрея Дмитриевича Сахарова родилась Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, подробно описаны. Практически все участники встречи написали о ней через годы, исследователи воспроизводили происходящее едва ли не по минутам.

Но всё же стоит мысленно вернуться вновь в те годы. Попытаться разглядеть лица ушедшей эпохи, всмотреться в детали, услышать обрывки фраз, быть может, чтобы увидеть некий ускользающий смысл не только логики былого, но и дня сегодняшнего.

Середина 70-х, разгар холодной войны, технический прогресс рвется вперед, гонка вооружений подкрепляется мощным промышленным шпионажем и ежедневным трудовым подвигом ученых-физиков и рядовых чертежниц закрытых КБ советских наукоградов. Военная мощь неотделима от научного поиска и тотальной слежки. За каждым вундеркиндом из общежития МИФИ и МВТУ им. Баумана бдительно наблюдают бойцы невидимого фронта.

За чтение Солженицына или Мандельштама можно вылететь из вуза, за распространение самиздата — попасть под суд. Трудовые коллективы единодушно осуждают диссидентов и сионистов, отделы кадров формируют списки неблагонадежных, мощные устройства вокруг крупных городов глушат «радиоголоса». Памятное время, пора моего отрочества, о котором напоминают теперь разве что архивные передачи канала «Ностальгия».

Новорожденная Московская Хельсинкская группа пыталась установить прямой и независимый диалог государства и граждан, чьи права власть обещала защищать, подписывая Хельсинкские соглашения. Принятые в 1975 году в финской столице на встрече лидеров Европы, США, Канады и СССР основные принципы гарантий и осуществления прав человека дали для этого необходимое основание.

«Формулировки соглашения переводили права человека из сферы добрых пожеланий и «нашей внутренней политики» в сферу конкретного международного права» — писал в свое время первый руководитель МХГ, физик Юрий Орлов.

До знаменательной встречи в белоснежном дворце «Финляндия», где любознательным туристам по сей день демонстрируют тот самый зал, где были подписаны исторические документы, никаких инструментов для реальной защиты прав человека не существовало. Хельсинкские соглашения впервые определяли права человека как конкретную ценность.

Даже Всеобщая декларация прав человека ООН не формулировала никаких механизмов и рекомендаций в случае нарушений ее положений и не предусматривала никакой ответственности. Право сильного и победителя не обсуждалось, и жертвы апартеида, шариатских судов, сталинских «троек» или красных кхмеров вызывали, конечно, у журналистов из цивилизованных стран сочувствие, но не убеждали оппонентов, настаивающих на соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела отдельных государств. Даже Нюрнбергский процесс сфор-

мулировал свою повестку дня по старым правилам — это был суд победителей... Иной практики просто не существовало.

Хельсинкские соглашения, по сути, явились предвестником глобализации в самом положительном ее значении, признав универсальность прав личности и их защиты. По сей день эти идеи остаются мечтой, что не умаляет их значения. Скорее, наоборот подтверждает важность вовлечения в разговор о выполнении соглашений как можно большего числа людей.

В квартире на Земляном валу в далеком уже 1976 году собрались физики и лирики. Примерно поровну. Дети «оттепели». Интеллигенты, которым была небезразлична судьба страны. Им важно было сказать правду здесь и сейчас. Они верили в то, что справедливость и демократия одолеют произвол, что законность восторжествует. Люди обретут свое достоинство и избавятся от рабского рефлекса. Романтики, конечно же...

Первые же статьи и отчеты (разумеется, самиздатские) — об использовании психиатрии в политических целях, о преследованиях инакомыслящих, переданные в страны, подписавшие вместе с СССР Хельсинкские соглашения, вызывали жесткие репрессии. Аресты и ссылки затронули почти всех основателей движения, в общей сложности советский суд приговорил активистов МХГ к 60 годам лагерей и 40 годам ссылки...

Но процесс был уже необратим. Одна за другой Хельсинкские группы были созданы на Украине, в Литве, Грузии, Армении, в странах соцлагеря.

В 1982 году группа приняла решение о прекращении работы в СССР. К тому времени многие лидеры уже находились в местах лишения свободы, другие были вынуждены покинуть страну.

Те, кто дожил в эмиграции до перестройки, постарались вернуться — навсегда, как Людмила Алексеева, или старались приезжать, как только возникала возможность, как тот же Юрий Орлов... В 1989 году МХГ возобновила работу в СССР.

Мероприятия, посвященные 35-летию группы, в минувшие дни не собрали много политиков, не стали заметным медийным событием. Но значение состоявшегося разговора трудно переоценить. Собравшиеся — патриархи Хельсинкского движения в России и Восточной Европе — говорили о нашей недавней истории и современности, формулировали новую повестку дня правозащитной работы в Европе. Она не так уж сильно отличается от первоначальной. Более того, защита прав человека становится всё более драматичной темой после окончания холодной войны, когда под флагом новых демократий набирает силу национализм, коррупция и нетерпимость к инакомыслию. Горькие слова Адама Михника и Томаса Венцловы о том, что «в бывшем Восточном блоке «бархатные революции» обернулись «бархатными реставрациями» и возвращением худших вариантов скрытой и откровенной цензуры», прозвучавшие на форуме в Москве, попали в самое сердце. Напоминают о том, что до торжества справедливости и соблюдения прав человека нам еще очень далеко.

Маленькая группа московских интеллигентов подняла на щит идею прав личности, многим до сих пор малопопулярную, едва ли не враждебную, раздражающую власть имущих и ортодоксов всех мастей, пытающихся противопоставить ей идею «коллективного блага» или «традиционного менталитета».

Сегодня универсальные права человека не называют буржуазным вымыслом на уроках обществоведения, как в советские времена. Но далеко не всем понятно значение этих слов и значение личного выбора, неотделимого права и ответственности за этот выбор.

Разговор, начатый в 1976 году, отнюдь не закончен. И от нас зависит, в каком русле он будет продолжаться...

«Деловой вторник», №16 (789), май 2011 г.

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ БОННЭР

О смерти Елены Боннэр в далеком Бостоне рассказали все без исключения федеральные СМИ, ее биографии и борьбе за права человека в СССР и постсоветской России были посвящены краткие кадры хроники и комментарии политиков и общественных деятелей, президент Дмитрий Медведев направил соболезнования родным покойной, отметив ее выдающийся вклад в демократическое развитие страны.

Телезритель снова увидел сюжеты, которые еще недавно — куда более подробно — транслировали в связи с 90-летием со дня рождения Андрея Сахарова: супруги в горьковской ссылке, на Казанском вокзале после исторического возвращения в столицу уже в горбачёвские времена, в окружении журналистов, перед многотысячной аудиторией во время избирательной кампании в Верховный Совет СССР 1989 года... Как невольное напоминание о том, что еще недавно — на самом деле, двадцать лет не такой безумный срок даже для человеческой жизни, не то что для страны, — многие люди в отечестве были озабочены совершенно другими сюжетами, нежели сегодня, что политика также имела иное лицо и взаимоотношения личности и государства были не только предметом широкой дискуссии, но и своего рода полем битвы в спорах о будущем России... Как будто самой своей кончиной Елена Георгиевна продолжила тот страстный диалог с современниками, который десятилетия будоражил сограждан и власти, вызывал восхищение и ненависть и навеки вписал имена Сахарова и Боннэр в историю свободомыслия в России — и в историю России вообще.

Диссидентство как вид публицистического творчества, общественной деятельности и выбор собственной судьбы существовало в России века, что нашло отражение в ву-

зовских курсах со времен переписки Грозного с Курбским, обрело новые формы и превратилось в стойкую традицию и важнейшую составляющую идентичности российской интеллигенции. Диссидентство было органично для российской почвы, точно так же, как для советской, — неслучайно биографии очень многих видных деятелей движения второй половины XX века берут начало в 30-е, в годы младенчества и детства и годы репрессий, которым подверглись их родители. Лусик Алиханян росла в семье бакинского комиссара и носила его имя, настоящего отца Левона Кочаряна не помнила. Отчим, Геворк Саркисович, делал успешную партийную карьеру — первый секретарь ЦК КП(б) Армении, ответственный сотрудник райкомов в Москве и Ленинграде, в исполкоме Коминтерна — вплоть до ареста в 1937-м. Расстрелян в 1938 году, по-смертно реабилитирован. Мать, Руфь Григорьевна Боннэр, арестована вслед за мужем, сослана, реабилитирована в 1954-м. После ареста родителей девочка воспитывалась у бабушки в Ленинграде (та погибла во время блокады), с первых дней войны помогала фронту, после мобилизации служила медсестрой, была тяжело ранена, День Победы встретила под Инсбруком в Австрии. В одном из поздних интервью говорила, что подвиги на фронтах совершали не для того, чтобы погибнуть с именем Сталина на устах, а потому, что «не было другого выхода». Училась в Ленинградском мединституте после войны, исключена за критические высказывания по поводу «дела врачей», восстановлена после смерти Сталина. Работала педиатром, участковым врачом, преподавала, воспитывала дочь и сына, ходила на партсобрания, была удостоена звания «Отличник здравоохранения СССР»... Как многие сверстники, читала неопубликованные записки узников сталинских лагерей, многих знала лично, как и молодых ученых, вдохновленных разоблачениями культа личности и мечтавших о демократии без партийной цензуры, серьезно включилась в правозащитную деятельность только после 1968 года. На одном из судов над диссидентами-физиками в Калуге в 1970-м познакомилась с Андреем Сахаро-

вым. В 1972 году вышла за него замуж, в том же году вышла из рядов КПСС. С этого времени Сахаров и Боннэр не разлучались.

В публикациях последних дней Елену Георгиевну часто называли декабристкой: последовала за мужем в ссылку в Горький, была осуждена, разделила с ним голодовки и невзгоды. На самом деле, сходство довольно поверхностное — она была не только подругой и утешительницей в лишениях, но едва ли не прежде всего — единомышленником, соратником в борьбе, равным по силе духа и решимости. Даже не читая недавно изданных воспоминаний, только глядя на старые снимки и кадры хроники, понимаешь, как бесконечно счастливы вместе были эти люди. Любовь Сахарова и Боннер, дающая им силы и, бесспорно, продлившая жизнь Андрею Дмитриевичу, — удивительный пример редкого единения душ и помыслов, воплощения того почти недостижимого идеала, когда любящие действительно смотрят не друг на друга, но в одну сторону. Никто не удивился, что Боннэр основала фонд помощи детям политзаключенных, отдав в него полученную Сахаровым в 1973 году премию Чино дель Дека, представляла академика на церемонии вручения Нобелевской премии мира в Осло в 1975 году, что первой поставила подпись под учредительным документом Московской Хельсинкской группы, что давала многочисленные интервью западным корреспондентам во время ссылки. Первую голодовку супруги объявили вместе осенью 1981 года. Причина многим тогда показалась странной — невесте сына Елены Георгиевны, Алексея, вынужденного эмигрировать в США, не разрешали выехать к жениху. Известный диссидент в ту пору даже приехал в Горький стыдить Сахарова — как может он, великий ученый и знамя правозащитного движения, в дни, когда узники совести томятся в лагере, подвергать свою жизнь опасности только ради того, чтобы двое молодых людей поцеловались за океаном. Сахаров был непреклонен — ответил, что счастье двух молодых людей для него не менее важно, чем свобода инакомыслящих. Девушку выпустили. А фраза акаде-

мика осталась в истории. Вообще, право на личное мнение, личный выбор, личное счастье, а отнюдь не политические декларации — краеугольный камень правозащитного движения, протест против диктатуры большинства, нивелирования личности как таковой. Хотя, с другой стороны, это также политика.

Боннэр, безусловно, влияла на мужа. Например, она настояла на том, чтобы в 1989 году, когда сотни НИИ и других организаций хотели выдвинуть его кандидатом в депутаты, он баллотировался только от отринувшей его когда-то Академии наук. Она настояла на создании Фонда Сахарова и центра его имени и продолжала следовать установленным ими правилам поведения уже в новой ситуации, к примеру, вышла из комиссии по правам человека при Президенте РФ в знак протеста против начала чеченской войны в декабре 1994 года, первой подписала обращение российской оппозиции к гражданам России в начале 2010 года, до последних дней активно следила за развитием событий на родине, критиковала работу Академии наук и политику в отношении научных кадров и СМИ, предостерегала против того, чтобы Сахарова после юбилейных торжеств превратили в «приторную икону с православным ореолом», напоминая, что Сахаров был «убежденным космополитом и гражданином мира», утверждая равенство прав и свобод для всех. В эпоху их с Сахаровым детства и юности это романтическое представление называлось забытым словом интернационализм. Она была такой же гражданкой мира, живя в США, критиковала политику США и союзников, не могла и не хотела остаться равнодушной...

Вспоминая сегодня эту удивительную женщину, трудно не согласиться с тем, что ее личный выбор, судьба и слова оставили след в самочувствии не только старших поколений. Движение «Я не Сахаров, но..», объединившее в пространстве интернета уже тысячи молодых людей, голосующих за свободный выбор пути и судьбы не по указке, за прозрачность и подотчетность принимаемых решений и уважение к личному достоинству человека, — это непо-

средственный результат той работы, не всегда понятной и оцененной большинством современников, которой отдали жизнь Сахаров и Боннэр. А это значит, что наша страна неостановимо движется вперед.

«Деловой вторник», №20 (793), июнь 2011 г.

ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ

Что определяет природу и главный вектор развития российского интеллигента? Только ли болезненное пристрастие к извечным «проклятым вопросам», обостренное чувство справедливости, готовность сопереживать чужому страданию, стремление назвать его по имени, прокричать правду, погибнуть за слово, наконец?

Или — не менее болезненный, растянувшийся на века диспут с тиранами и придворными, балансирование на грани, эзопов язык, фига в кармане, трудность выбора, поиск внутренних оправданий и неостановимые муки совести?

Или сотворение собственного вымороченного мира, бегство от страшной действительности, ненужность жертв, непонимание тех, во имя кого жертвовали, обреченность идеализма и отсутствие исторической перспективы в будущем, там, где наконец восторжествует закон, а экзальтированное подвижничество станет смешным и не востребуемым? Останется ли в этой прекрасной поре, которая, несомненно, настанет, сама мечта о свободе?

Главное достоинство — возможность отказываться от того, что имеешь сам: ничего общего с экспроприацией экспроприаторов — теряешь только свое... Трудно теперь даже приблизительно оценить, сколько было об этом написано в те далекие годы конца 80-х — начала 90-х, сколько сломано копий и разрушено отношений из-за споров

об истоках и смысле, характере и родовых отметинах российской интеллигенции, этого исключительного феномена отечественного развития. Примечательно, что участвовали в них, без всякого преувеличения, все — рабочие, старшеклассники и пенсионеры, учительницы и медсестры, режиссеры и капитаны дальнего плавания. Страна пыталась найти нужные слова, определить собственную идентичность, сформулировать ту национальную идею, которую всего через несколько лет будут натужно и безуспешно придумывать дорогостоящие политехнологи. Направление всенародного поиска было определено новыми понятиями «перестройка» и «гласность», и эти две емкие метафоры, вбирающие многообразие трактовок и вариаций, толкали вперед и без того быстро бегущие дни далекого 1991 года. Как странно, что это было всего лишь 20 лет назад.

Фонд защиты гласности родился как идея в самом начале того памятного года, на пленуме Конфедерации союзов кинематографистов, и стал легитимной общественной организацией в последние дни мая. До августовского путча и распада империи оставалось совсем немного. Хотя, конечно, его созданию предшествовала вся логика развития общественной дискуссии и логика поведения тех людей, которые стали основателями Фонда. Элем Климов, Егор Яковлев, Игорь Голембиовский, Алексей Герман, Владимир Молчанов, Марк Розовский, Алексей Симонов... Всего 24 имени, известных всей огромной стране...

На самом деле, их было, конечно, значительно больше — миллионы зрителей и читателей хотели защитить то хрупкое, не слишком оформленное в рамках закона и инструкций новое, что связывали с надеждой на очищение, освобождение от лжи и лицемерия, несправедливости, несовершенства... Конечно, во главе всего тогда стояло слово. Все понимали — слово обладает материальной силой. И защита честного слова, его права быть услышанным казалась тогда самым естественным первоочередным делом. Дело не только журналистов, литераторов, режиссеров — всенародной, объединяющей задачей.

Наверное, в этом и был главный смысл создания Фонда, как и в той простой идее, что свободу надо не только защищать, надо формулировать ее повестку дня, устанавливать правила — в рамках закона и в рамках общественного договора, надо определять ее суть. А это дело не только специалистов — дело общества... Дело интеллигенции, быть может, этот диалог поддерживать, и развивать, и не дать ему замолкнуть.

Пытаться подвести итог 20-летней работе Фонда — занятие почти безнадежное. Конечно, можно перечислить десятки семинаров в регионах России, школ расследователей и блогеров, можно назвать имена тех, кому за эти годы помогли отстоять свои права, добиться справедливости, можно рассказывать о победителях одного из самых значительных национальных конкурсов «Журналистика как поступок» или цитировать материалы лауреатов, опубликованные в сборниках «Так мы живем» — каждый из них — открытие, пример мужества, таланта, самоотверженности... Можно всматриваться в Карту гласности РФ, можно в интернете просмотреть выступления Алексея Симонова на митингах, форумах и заседаниях президентского совета по правам человека... Или — вглядываться в лица погибших коллег, запечатленных в базе данных — виртуальном музее памяти. Но это всё равно будет неполная картина.

Влияние работы фонда на гражданское самочувствие соотечественников намного значительнее, его успех — не столько конкретные сюжеты и их решение, сколько напоминание о неких базовых принципах, без которых народ превращается в толпу, журналист — в продажного пропагандиста, профессионал — в лакея. Напоминание о том, что личный выбор есть всегда. Вне зависимости от того, в моде ли такие напоминания. Очень важно, что разговор этот продолжается. И будет продолжаться, пока у наших сограждан есть честь и совесть, пока живы те идеалы, которые будили соотечественников в начале 90-х, протягивая невидимые нити, связующие великих идеалистов прошлого с последователями, так же неутомимо верящими

в победу здравого смысла и подлинного народовластия, в само будущее России, в то, что люди достойны жить свободно и смогут эту свободу отстаивать...

«Деловой вторник», №18 (791), июнь 2011 г.

ОНА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ...

Август в России — время необходимых раздумий. Станет ли он еще временем перемен?

Если бы двадцать один год назад мне приснилось, что накануне очередной годовщины памятных событий 1991-го в одном выпуске теленовостей я увижу сюжеты об очередном сошедшем с орбиты отечественном спутнике, о письме Андрея Макаревича президенту с просьбой пресечь коррупцию и о процессе в Хамовническом суде, где обвинение требует посадить трех артисток за богохульство как за особо тяжкое преступление, — я бы немедленно отправилась к психиатру.

И, конечно же, даже в кошмаре не могла представить, что коллеги из самых разных стран Востока и Запада будут звонить мне днем и ночью и просить прокомментировать тот же самый процесс над «кошунницами» (современный перевод на многие языки отсутствует), а представители отечественных СМИ — предостерегать от употребления ярких эпитетов, чтобы не попасть под действие нового прогрессивного закона о клевете.

Во-первых, в то далекое время не было мобильных телефонов, в нашей редакции стоял один-единственный факс, к которому выстраивалась очередь, вся связь с миром осуществлялась посредством этого аппарата. Что, впрочем, не мешало публиковать тексты и поддерживать живую коммуникацию с авторами и корреспондентами отовсюду, а интенсивность и результаты этого общения были никак не менее значимыми, чем в сегодняшних со-

циальных сетях. С той разницей, что орфографические ошибки и непроверенные факты встречались куда реже, их тогда принято было стыдиться...

Во-вторых, и это самое главное, — мы все были куда наивнее. Верили в слова, в то, что будучи произнесенными или напечатанными на бумаге, они овладеют умами и приблизят торжество справедливости. Верили, что законы будут исполняться и служить не властям, но человеку. Верили в то, что солидарная воля людей и желание добра растопят льды недоверия и предрассудков, что люди реально смогут изменить ход истории к лучшему. Что границы, разделяющие культуры и народы, падут, что свобода принесет счастье и благоденствие всем, что культура возвысит наши души и мы все будем братья и сестры... Вполне здоровые, многоопытные и очень талантливые люди верили в это так же беззаветно, как студенты, а наши зарубежные собеседники, рвавшиеся разрушить «железный занавес», ничуть в этом смысле от нас не отличались.

Это особенно отчетливо ощущалось в дни августовских событий, когда некий пассионарный порыв соединил академиков и рабочих, молодых и старых, гостей всемирного конгресса русской интеллигенции и стажеров-славистов. Недавно этот феномен был интерпретирован телекомментатором научной программы в духе Чижевского — как влияние неких космических аномалий, типа излучения повышенной активности, будоражащих земную кору, океаны и народы.

Как бы то ни было, пассионарность той поры радикально отличалась от ярости орд погромщиков и фанатиков, которые зафиксировали телекамеры в разных точках мира позднее, — их гнев был направлен не на врагов и иноверцев, но на несовершенство собственной жизни прежде всего, и нетерпение изменить эту жизнь здесь и сейчас составляло краеугольный камень момента. Роль российской литературы и всеобщего образования в этом процессе была чрезвычайно велика.

Пронизавшие повседневность культурные коды и многовековая мечта о свободе как таковой убеждали куда

сильнее политических деклараций. Неслучайно писателям и журналистам верили тогда больше, чем Горбачёву и Ельцину вместе взятым, а фронты идеологического противостояния, или, как тогда говорили, «гражданской войны», пролегли на страницах литературных журналов...

Эти горячие и искренние споры на фоне сегодняшних высокотехнологичных медийных манипуляций и тотального смещения ценностей вспоминаются со смешанным чувством ностальгии и тревоги за происходящее сегодня.

Хотя, с другой стороны, многое уже было в нашей истории. «Обыватель, распоясавшийся хамом», из Пильняка — не он ли главный герой и ожидаемый потребитель современного телепродукта? А способ выражения в публичном пространстве не напоминает ли химерический новояз платоновских персонажей, сознание и артикуляция которых балансируют между анабиозом и судорогой? А безотчетная ненависть к культуре, образованию, к самостоятельному поступку, насаждаемая повсеместно и целенаправленно, — не известный ли это знак болезненного перехода, который всё равно неизменно завершится новым витком развития?

«Свобода приходит нагая», — писал в бурные революционные дни непонятный массам поэт Велимир Хлебников, предвидевший, как и многие поэты, многое.

Свобода, которая свалилась на головы современникам в 1991 году, как дар небес или рождественская игрушка, во всех смыслах была неодолейной, не имела облачения многотрудной подготовительной работы, возвращенной веками политической культуры, механизмов самоконтроля. Расплата за то, что это вовремя не поняли, была страшной.

И всё же... В душном московском воздухе, как в уставших или ожесточившихся душах, вопреки логике и воле всех тех, кто в разные времена считали себя вершителями высших законов, не угасла звезда надежды. «Звезда пленительного счастья...». Та самая, которая умирает последней.

Впрочем, она вообще не может умереть, пока не исчезли язык, и музыка, и вера, и сама земля.

«Деловой вторник», №24 (841), август 2012 г.

ПОХВАЛА ФЕВРОНИИ

Новый российский праздник, День семьи, любви и верности, назначенный на известный православным верующим день почитания святых муромских князей Петра и Февронии, отметили второй раз — широко и вполне официально, с торжественными молебнами и музыкальными представлениями, вручением памятных знаков и чествованием многодетных и многолетних семей.

В десяти городах заложили камни и монументы в память покровителей супружества. В Хабаровске, Санкт-Петербурге, Москве, во многих других городах состоялись праздничные мероприятия. Светлана Медведева и патриарх, как и в прошлом году, отметили новый праздник своим особым покровительством.

Всякая заметная дата в календаре вызывает, как водится, вполне естественные размышления и вопросы по поводу. Например, почему в этот день много говорили о внимании государства к семье, но ни в одном репортаже не прозвучали простые цифры и факты о реальной помощи молодоженам или нуждающимся родителям в конкретных регионах? Почему наряду с закладкой дорогостоящих монументов не сообщили о массовой передаче ключей от муниципального жилья очередникам? И, наконец, почему наша уважаемая православная церковь, всё чаще позиционирующая себя как вполне государственный институт, никак не решится заняться такой кричащей проблемой, как дети улиц, точного количества которых в отечестве до сих пор никто не знает (по официальным данным, их два миллиона, а по оценкам независимых экспертов — не то пять, не то шесть), или, к примеру, проблемой социального сиротства?

Уверена, у РПЦ с ее колоссальным влиянием нашлись бы и средства, и административный ресурс для того, что-

бы, засучив рукава, взяться за решение этих важнейших задач, не говоря уже о том, что эта подвижническая деятельность привлекла бы в ее лоно тысячи сторонников по всей стране, в том числе и молодых, о чем свидетельствует скромная практика тех приходо́в, где такая работа сама по себе уже идет.

Будем надеяться, когда-нибудь она станет всеобщей.

Праздник, однако, побуждает к размышлениям и более отвлеченным — о том, в частности, каково наше сегодняшнее отношение к традиции, если уж речь идет о традиционных ценностях, и о браке как таковом?

Не будет преувеличением заметить, что, наверное, правы те, кто увязывает само возникновение нового праздника с наметившейся в последние годы тенденцией противопоставить отечественное видение многих экзистенциальных проблем — западноевропейскому, а православные традиции — католическим. В этом смысле День Петра и Февронии — наш ответ Дню святого Валентина, уже многократно подвергавшемуся критике со стороны РПЦ. Что, надо сказать, мало повлияло как на популярность последнего, так и на хорошо отлаженную систему его коммерческой поддержки.

Но суть не в том. Если внимательно вчитаться в строки «Повести о Петре и Февронии», сложенные в середине XVII века монахом Ермолаем Еразмом и легшие в основу агиографии муромских святых, станет совершенно очевидно принципиальное различие славянской легенды и европейского сказания о романтической любви. Наша средневековая история куда драматичнее, она не имеет ничего общего с возвышенными мечтами об идеальной любви. По сказанию, некий молодой князь, заступивший на престол после загадочной гибели брата, заболел дурной болезнью (проказой, которая в те годы ассоциировалась нередко с посетителями или посетительницами из южных стран). Люди князя нашли девицу из простых, «дочь древолазца», которая обещала излечить больного, если тот на ней женится. Прагматичный князь обещал, но обманул. Снова заболел, и снова девица излечила и попросилась

замуж, и князь снова слова не сдержал. Но на третий раз женился, вопреки козням двора, и даже отказался развестись, когда бояре потребовали бросить безродную княгиню, бежал с ней в леса. Там Феврония творила настоящие чудеса — превращала в шумящий лес голые ветки, накрывала на пустом месте столы, махнув рукавом, и вела просветительскую работу среди слуг князя, и исцеляла словом — будто родная сестра Царевны Лебедь и других сказочных персонажей русского фольклора. Вернувшись на княжение, супруги повелевали вверенным им Муромом по справедливости и умерли в один день, приняв перед этим постриг под именами Давида и Евфросинии.

Сюжет, вдохновивший монаха-летописца, побуждает вспомнить давнюю и недавнюю историю страны и удивиться странностям нашей сегодняшней жизни, в том числе и своим представлениям о них.

Согласно легенде, что нужно российскому мужчине, чтобы быть причисленным к лику святых? Родиться в хорошей семье, нагрешить, обидеть праведницу, покаяться, позволить себя спасти и всю жизнь слушать совета мудрой жены. А женщине — по меньшей мере регулярно творить чудеса, как героини народных сказок. Получается не очень справедливо, но жизненно. И в средние века, и в недавние годы именно женщины в нашем отечестве умели совершать невероятное во имя спасения близких в самых невыносимых условиях, не хуже святой Февронии. Последний пример — наступление дикого российского рынка, который страна выдержала исключительно на плечах женщин, чьи слезы остались неведомы широкому экрану и высокой политике.

В самый канун Дня семьи, любви и верности я попала в пробку и битый час слушала бодрую передачу одного из радиоканалов о модных разводах. Юные голоса ведущих вздохом рассказывали о разделе имущества супругов Абрамовичей и Слуцкером и с таким энтузиазмом призывали брошенных жен не обирать до последней нитки бывших супругов, чтобы тем было, с чем начинать новую жизнь, будто сами собирались заступить на освободивше-

еся место в доме олигарха. Я подумала, что такая программа никогда не прозвучала бы ни по государственному, ни по частному каналу в Европе. Несмотря на то, что никаких специальных программ о духовности ни на радио, ни на ТВ там нет.

Что же касается праздника — он, конечно, может принести нам всем пользу. Напомнить власти об ответственности перед гражданами. Дать повод сделать красивые жесты и новые шаги в решении социальных проблем. Предоставить возможность лишний раз подумать о тех, кому наша страна обязана своим благополучием и теми богатствами, которые до сих пор, как ни странно, не иссякли. О людях, которые здесь живут, создают семьи и надеются на счастье. И сказать еще раз похвальное слово героине древнего сказания и миллионам ее праправнучек, которые заслуживают лучшего.

«Деловой вторник», №26 (706), июль 2009 г.

ВПЕРЕД... В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Два медийных сюжета последнего времени, при всей несхожести жанров, заставили задуматься о некой тенденции, всё активнее проступающей в политической практике, но не ставшей почему-то предметом широкого обсуждения — хотя суть ее, несомненно, представляет реальную опасность для всего будущего развития нашей страны.

Первый сюжет появился на интернет-портале «Кавказский узел», корреспондент которого передал из Грозного короткий видеосюжет о том, как группа молодчиков разъезжает по городу и обливает краской (точнее, расстреливает из водяного пистолета) девушек, осмелившихся ходить по улицам чеченской столицы без традиционного

платка, известного в мире как хиджаб. Кроме испуганных девушек, одна из которых, кстати, едва не лишилась зрения после неожиданной атаки, здесь же запечатлены листовки и красноречивые лозунги, требующие выполнения предписаний шариата, хроника выступлений убитой прошлым летом правозащитницы и журналистки Натальи Эстемировой, которая не раз выступала против средневековых обычаев.

Пристального внимания российских СМИ история не привлекла, хотя в испанской прессе немедленно появилась статья о том, что в отдельном субъекте РФ возрождается исламская инквизиция. Вспомнили и недавние слова чеченского лидера, заявившего, что для него законы шариата выше российских, хотя пресс-служба их немедленно и опровергла, сославшись на неточность перевода и прочие мелочи...

Вторым же сюжетом стала статья Виталия Третьякова «Демография и революция» в «Известиях». Видный публицист, ведущий популярного ток-шоу на канале «Культура» написал о том, что, поскольку население катастрофически уменьшается и стареет, а миграционная политика не слишком поворотлива, необходимо принять кардинальные меры — законодательно запретить аборт, ввести налог на бездетность, поддерживать деторождение и государственное обеспечение сирот. Ключевая идея — во имя общественного блага отказаться от некоторых демократических прав и свобод, типа права женщин самостоятельно выбирать репродуктивное поведение.

Статья немедленно вызвала бурную реакцию в интернете. Аналитики, тут же нашедшие в тексте почти прямые цитаты из известных сочинений Гитлера и Муссолини, не преминули напомнить о том, что существующая практика регламентации частной жизни никогда реально не приводила к решению демографических проблем, а тем более проблем развития и модернизации, что даже при Сталине аборт не исчезли, а население стало прибывать только после окончания Великой Отечественной войны, но на это были совсем иные причины и т.д. и т.п.

Я же вдруг вспомнила, как 15 лет назад Виталий Товиевич пригласил меня в «Независимую газету» вести новый раздел о правах женщин и их участии в политической и социальной жизни России и других стран. И среди первых мы опубликовали статью варшавской исследовательницы о последствиях антиабортного закона в Польше, о том, как романтические мечты эпохи «Солидарности» сменились разочарованием и апатией, лицемерием политических деятелей и засильем клерикальной риторики, тысячами личных трагедий, гибелью женщин, а также небывалым расцветом частной индустрии аборт на любом сроке в сопредельных странах. Публикация нашла горячую поддержку как в редакции, так и у читателей, впоследствии, все пять с половиной лет существования раздела (вплоть до внезапного увольнения новым владельцем главного редактора) проблема репродуктивного выбора и репродуктивной политики в мире и в отечестве поднималась не раз. Тем более что в отечестве, как и во многих других странах, тема эта всё больше становилась предметом откровенных спекуляций и торгов, свидетельствуя о всё большем отдалении власти от народа, о бесконечном цинизме и презрении к нуждам и бедам людей.

Позиция газеты, собственно, была в том, чтобы напомнить принимающим решения об их нехитрых обязанностях, о тех людях, именем которых принимались все решения... Право личности на свободное принятие собственных решений и достойную жизнь были бесспорным приоритетом. Работа с Третьяковым в «НГ» — личная удача тех, кто это испытал. Неслучайно у него были даже личные фанаты среди журналистов издания. Редкая для ранней рыночной эпохи атмосфера непрекращающейся творческой дискуссии, реальная свобода журналиста и ведущего рубрики, многоголосие, постоянный поиск — это для многих было важнее хорошей зарплаты. Что бы ни писал и ни делал Третьяков, он всё равно остался в истории отечественной журналистики как создатель и редактор «НГ» 90-х, смелого эксперимента, стремящегося совместить лучшее из журналистики советского периода и новых

реалий свободы. Сам принцип свободы выбора в личном и общественном, честность и ответственность выбора были своего рода религией, скрепляющей очень разных коллектив сотрудников и авторов. Многие изменили свои пристрастия с тех пор и, наблюдая на экране лица некоторых записных пропагандистов нынешнего политического класса, почти невозможно поверить, что эти же самые люди не так давно, в сущности, проповедовали — искренне, без сомнения — совершенно иные ценности и принципы. Впрочем, при всём либерализме в «НГ» существовала своего рода цензура. Некоторые персоны, пусть даже народные избранники или известные авторы, не могли никогда появиться в газете — речь шла об очевидных фашистах. И дискуссий это тоже не вызывало.

Ностальгия — чувство странное, оно обращено, по сути, не столько в прекрасное далеко былого и собственной юности, сколько в будущее. И озабочено будущим, которое должно освоить уроки прошлого и стать еще более прекрасным — мы все, хотя бы немного, в это верим. Верим, что ужасы и глупости прошлого не повторятся. Что даже ошибок соседей мы сумеем избежать, если хорошо подумаем и сообща обсудим ситуацию.

Мысль о том, что нужды общественного блага выше интересов конкретных людей (а Третьяков именно об этом говорил), не нова. Поколения советских людей с этой мыслью строили заводы и фабрики, не имея самого необходимого, при этом они верили, что коммунизм — это реальное равенство и счастье для всех, помнили, что нарком продовольствия Цюрупа падал в голодные обмороки, Сталин носил один френч, что дети членов ЦК отдыхали в Подмосковье и Сочи, на госдачах, не передающихся по наследству, а сами они лечились хотя и у привилегированных, но у советских врачей. Собственно, и трудящиеся, и их руководители по-своему были заложниками той системы, и серьезная проблема выбора перед ними толком не стояла. Именно жажда этого выбора, по сути, и привела к перестройке, к мечте о подлинной справедливости. И потом, в перестройку, почти треть сограждан готовы бы-

ли поступиться сиюминутным благополучием во имя светлого будущего. Сегодня таких почти нет.

Не нова и агрессивная практика контроля над частной жизнью соплеменников — чеченские хулиганы, неуловимо напоминающие хунвейбинов времен китайской культурной революции своей нетерпимостью к иному способу восприятия жизни, кроме их собственного, не оригинальны. В средневековом Китае и иных деспотиях далеких эпох строго регламентировались — сословно и гендерно — не только фасоны, но и цвета одеяний и украшений, время ношения и порядок перемены одежд, не говоря уже о формах повседневной жизни. Чем жестче контроль, тем проще управлять массой, эта логика известна и в XX веке, и сегодня. В период апартеида заключенным африканцам давали иную еду, чем индусам и белым, считая разницу в рационе совершенно естественной...

Концептуальная по замыслу статья Третьякова и скромный репортаж о чеченских «рыцарях ислама» — отражение глубокого мировоззренческого кризиса, разъевшего как элиту, так и обывательскую массу. Идея тоталитарного контроля над частной жизнью едва ли имеет реальные перспективы в России, хотя в отдельных регионах, судя по всему, возможны самые неожиданные вещи. Помнится, в той же «НГ» мы дружно смеялись над предложением Аушева ввести многоженство в России во имя решения демографической проблемы. Сегодня над этим смеются всё меньше.

Демографы бьют тревогу по поводу качества населения, прежде всего молодежи, вот уже 20 лет, и это не вызывает никакой реакции, как и страшные сводки о здоровье, бедности, фактическом разрушении системы всеобщего образования. Всё это ставит под сомнение не только быстрые результаты намеченной модернизации, но и вообще саму стратегию как таковую. Едва ли реальный прогресс возможен в отсутствие критической массы думающих и квалифицированных профессионалов — свободно мыслящих, уверенных в завтрашнем дне. Практика свидетельствует: ни рабы, ни заключенные, ни фанатики или за-

пуганные ими люди не могут обеспечить настоящий прогресс. Толпы полуграмотных зрителей МТВ, пусть даже подкованных агитаторами из «Наших» и правильно голосующих, ни к чему хорошему Россию не приведут. Для того, чтобы Россия действительно совершила прорыв и вырвалась из затянувшейся стагнации, нужны совершенно иные, действительно революционные меры.

Боюсь, однако, что для этого многим принимающим решения, и тем, кто их пропагандирует, придется начать с себя...

«Деловой вторник», №20 (749), июль 2010 г.

НИТЬ АРИАДНЫ

50 лет назад в далеком Вашингтоне в возрасте 93 лет, окруженная родными и почитателями, скончалась одна из самых удивительных женщин XX века, свидетельница и активнейшая участница судьбоносных событий эпохи, оставившая богатое наследие — статьи, романы, политические и историко-литературные исследования, пронзительную мемуарную сагу о быте и нравах предреволюционной и революционной России, — Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс.

Ее собственная биография вполне кинематографична: романтическая девушка из дворянской семьи, известной по новгородским еще летописям, увлеченная персонажами Великой французской революции, выпускница Высших женских курсов, рано включившаяся в популярную дискуссию о путях освобождения страны от деспотизма, подруга юной Нади Крупской (помимо Крупской, еще две однокашницы и приятельницы Тырковой стали супругами известных революционеров), пережившая два ареста и эмиграцию, перед тем как, вернувшись в Россию, стать первой

и единственной женщиной в ЦК партии кадетов. «Едиственный мужчина в кадетском ЦК» — эти слова неотделимы от ее образа так же, как ленинская кепка от образа вождя пролетариата... О деятельности и идеологии кадетов широкой аудитории известно не так много, советская историография отвела партии строго очерченное место буржуазных соглашателей, чуждых интересам народных масс, сметенных прогрессивными ветрами времени вместе с «пятым колесом» отжившего царизма — Государственной думой. Даже реабилитация понятия «либерализм» в массовом сознании в последние годы не побудила массового читателя обратиться к истокам отечественной мысли, равно как и к дискуссии о сути либерализма. А жаль. Как бы то ни было, памятные даты предоставляют возможность хотя бы частично восполнить непонятое и отметить некие важные приметы времен прошедших и дней нынешних. Бесспорно, фигура Ариадны Тырковой, ее невероятная пассионарность, талант и обаяние, а также недавно переизданные тома ее мемуаров «На путях к свободе» как нельзя более способствуют пробуждению интереса к истории, к драматической судьбе российской либеральной идеи как таковой, к непознанному и не осмысленному до сих пор вкладу в развитие общественной мысли и практики целого поколения женщин, вовлеченных в водоворот событий бурно начавшегося века. И непременно — побуждают к размышлениям о возможных сценариях развития и о тех несостоявшихся возможностях, которые еще есть шанс использовать, пусть с опозданием, и сегодня.

Партия кадетов включила в свою повестку дня требование равных избирательных прав для мужчин и женщин, вне зависимости от происхождения и вероисповедания. Эта тема вообще объединяла сторонников модернизации российского общества, весьма разных, характер и вектор будущей необходимой эмансипации горячо обсуждались в прессе, в различных аудиториях. Блестящая журналистка и оратор, Тыркова внесла в дискуссию важные сюжеты: помимо неперемennого равенства прав, убеждала она, необходимо изменение самосознания женщин страны, ос-

вобождение от «проклятия покорности» и косности. Радость знания, новых отношений в браке, общественного служения — вот основы будущей свободы, раскрытия не востребованного творческого потенциала женщин, который станет важным фактором в развитии будущей России. Она также предостерегала от искушения свободой: «Борьба современной, уже привыкшей к светлой струе знания женщины, ее борьба за право на всю полноту человеческого существования есть не только борьба с несовершенством мужского строя жизни, но и с тем дьявольским наваждением внешней свободы, не опирающейся ни на какие внутренние ценности, которое внесено в женскую среду новыми формами жизни».

Либеральный феминизм Тырковой с идеей гармоничного сочетания личного и общественного развития и личной ответственности как нельзя соответствовал ее собственному характеру; это не только о современницах, но и о себе сказано — «женщины переходной поры, начинающие собой новую женскую жизнь». Только через много десятилетий американские феминистки выдвинули лозунг «личное — это политическое», требуя не только равных прав, но и равных возможностей...

Не будет преувеличением сказать, что, во многом именно благодаря политическому опыту и настойчивости Ариадны Тырковой, сразу после Февральской революции Временное правительство объявило о всеобщем и равном избирательном праве для мужчин и женщин. Этому предшествовала длительная борьба. Главной победой «равноправов» стала резолюция Первого всероссийского женского съезда, принятая 1 декабря 1908 года. Уникальное для России событие — больше тысячи делегатов, представительницы всех практически сословий из разных концов страны, собрались в Петербурге. Резолюция гласила: «Работа Первого всероссийского женского съезда, сильно осветившая как политические и гражданские запросы, так и экономические нужды русской женщины, привела съезд к глубокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с ос-

тальными гражданами участия женщин не только в культурной работе, но и в политическом развитии страны, доступ к которому окончательно откроется для женщины лишь при водворении демократического строя на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности». Это решение, реализованное лишь через девять лет, было принято вопреки воле группы делегатов-большевиков во главе с Александрой Коллонтай, протестующих против солидаризации с буржуазными партиями — для них классовая борьба была важнее равенства перед законом. Все девять лет авторитетный политик Тыркова продолжала отстаивать идею равноправия, в марте 1917-го выступила одной из организаторов сорокатысячной демонстрации петербургских женщин с требованием избирательных прав, открывшей дорогу Февральской революции. Так что равные избирательные права — основа любой демократии — заслуга всё же кадетов, а совсем не большевиков, как принято думать.

И быть может, это заблуждение стало причиной того, что в новой России, освободившейся от советской идеологии, сама идея участия женщин в общественных преобразованиях, одно из основных условий прогресса в программах российских либералов начала века, была на долгие годы выброшена с корабля современности как совдеповский мусор новыми российскими либералами.

Многочисленные исследования — как отечественные, так и международные — подтверждают тот факт, что гармонизация политической системы, экономического и социального развития стран находится в прямой зависимости от степени участия женщин в принятии решений, от возможностей реализовать себя и возможности выбора своей судьбы.

Быть может, тексты и идеи выдающейся русской журналистки, феминистки, общественной деятельницы и политика Ариадны Тырковой подскажут нам некие новые сценарии.

«Деловой вторник», №4 (821), февраль 2012 г.

ВОСПИТАНИЕ ПО ДОКТОРУ СПОКУ

Живу у друзей в Нью-Йорке. Дочь-шестиклассница приходит из школы и говорит, что не будет больше сушить волосы феном — тот потребляет слишком много энергии. Главное же, что от ее чрезмерного потребления и производства ухудшается климат на планете, исчезают реликтовые леса и гибнут пингвины, считает девочка. Она недавно вместе с классом смотрела про всё это документальный фильм...

Девочка Оля, без малого двенадцати лет, десять из которых она провела в «каменных джунглях», одно уличное освещение которых, кстати, сопоставимо с затратами электроэнергии в какой-нибудь небольшой развивающейся стране, знает много интересных вещей. Например, о том, что Америку открыл совсем не Христофор Колумб, а, задолго до него, скандинавские викинги, которые в отличие от воинственного католика не убивали индейцев и вообще не претендовали на чужую землю. Поэтому она не любит День Христофора Колумба, зато обожает День благодарения. Она читала «Хижину дяди Тома» и знает биографию Мартина Лютера Кинга, а праздники различных конфессий помнит лучше, чем таблицу умножения. Помимо учителей, об этих праздниках рассказывают одноклассники — и угощают традиционными лакомствами, которые приготовили родители. Она привыкла одинаково уважать и Пасху, и Хануку, и Уразу-Байрам, и индуистский праздник воды. И уверенно объясняет, почему важно знать многообразие культур и традиций, рассуждает о праве следовать этим традициям — если, разумеется, они не ущемляют прав и свободного развития человека. Ребенка — в том числе.

Основные правила политической корректности и права ребенка написаны на ярких плакатах в школе, на каждом

этаже. Школа при Колумбийском университете, куда ходит Оля, как дети многих профессоров, — частная. Здесь более либеральные, чем в обычных школах, правила — больше прогулок на свежем воздухе, посещений музеев и культурных центров, домашние задания, по российским меркам, более чем облегченные, зато много самостоятельных разработок-«проектов» той или иной проблемы — из истории, географии, биологии или литературы, где каждый может проявить себя и показать знание предмета. Оценка за семестр или год складывается из совокупности многого — при этом педагоги не выделяют кого-то перед другими (и не говорят об этом родителям), элемент соревнования вообще как будто отсутствует.

Но и про права ребенка здесь знают столько же, сколько и в других школах. Как и про то, что такое ювенальная юстиция. То есть область правосудия, ориентированная на подростка — точнее, на то, чтобы трудный подросток не стал закоренелым преступником, а старшие, в свою очередь, видели в нем личность.

Те, кто страшится такой практики в России, пугают — мол, дети будут командовать родителями, подавать на них в суд за отеческую оплеуху. Появятся новые Павлики Морозовы, отцовский авторитет исчезнет. Есть ли такие в Америке? Честно говоря, ни одной статьи о жестокости детей по отношению к родителям (как у нас случается) я не читала, читала о жестокости родителей. О том, как они были наказаны. За физическое насилие в отношении ребенка здесь действительно придется отвечать. Более того — соседи, если слышат, что в доме драка или плач, непременно вызовут полицию; если на улице мамаша шлепает малыша — ее одернут, и тоже могут вызвать стражей порядка. Дети до 15 лет не должны оставаться без надзора взрослых. Заплаканный ребенок или малыш с синяками в школе непременно привлечет внимание психолога и администрации, будут приняты меры. Ювенальные стратегии в каждом штате свои, но охватывают в той или иной степени всю страну. Так же, как законодательство, защищающее жертв домашнего насилия — женщин и детей.

Для них построены убежища, их при необходимости охраняют и всячески им помогают. Значительные средства местных бюджетов тратятся на профилактику, в том числе в среде маргинальной. Насколько эти меры эффективны? Исследователи полагают, что результаты налицо: сокращается число жертв, многие семьи удалось спасти после вмешательства психологов и социальных работников, хотя полное искоренение жестокости — взрослой и подростковой — и здесь остается мечтой. Недавно в «Нью-Йорк Таймс» появилась статья о том, как группа подростков заманивала и пытала гомосексуалистов, шеф полиции назвал это преступление одним из самых кошмарных в своей практике. Подростки тем не менее также попадут под действие законодательства о несовершеннолетних...

В российской прессе последнее время пишут о том, как американские родители (в основном — приемные) убивают и калечат физически и морально российских сирот, о страшных и часто патологических случаях (забывая при этом упомянуть, что в родном отечестве таких эпизодов в разы больше). О том же, как воспитывают детей «нормальные» американцы, практически не говорит никто. А жаль. Наблюдая много лет повседневную практику родителей — коллег и друзей, я заметила одно общее свойство: с ребенком очень рано начинают разговаривать на равных, объяснять ему довольно сложные вещи, спрашивать его мнение и даже учитывать его. Если совершен проступок, то стараются объяснить, в чем нравственный смысл случившегося и как это можно исправить. (Кстати, в ювенальной практике это главный метод — убедить, а потом добиться не только раскаяния, но конкретного действия, противоположного проступку. Так, хулигану, сломавшему дверь подъезда, к примеру, предписывают поставить эту дверь.)

Наверное, тут сказывается протестантская этика и стремление всё объяснить логически, присущие американской культуре, но, согласитесь, что-то в этом есть. А такая диковинная для нас вещь, как уважение к собственному ребенку, может принести удивительные плоды. Я лично

знаю бывшего хулигана и драчуна, не раз попавшегося на воровстве в супермаркете, проходившего курс probation (что-то вроде нашего условного срока для подростков) в рамках ювенальной программы в том же Нью-Йорке — теперь это блестящий молодой человек, учитель в гарлемской школе, куда ходят дети наркоманов и попрошаек. Он и его подруга (тоже педагог) верят, что смогут помочь подросткам, многие из которых состоят на учете у ювенальных судей, стать нормальными гражданами и реализовать свои способности.

Верит в это и режиссер-документалист, между прочим, внучатый племянник наркома Литвинова, Джон Альперт: у него в общественной телевизионной компании ТВДС каждую неделю осваивают искусство оператора и монтажера нарушившие закон нью-йоркские подростки. Большинство из них — сами жертвы взрослой жестокости — именно здесь в студии видят отношение к себе как к равным...

Девочка Оля знает, что она родилась в России, она считает, что у всех детей должны быть родители и вообще дети разных стран должны дружить, а войны со временем уйдут в историю как недоразумение. С восторгом участвует в благотворительных ярмарках искусств, которые устраивает школа прямо на улице, и не боится простудиться, бегая в распахнутой куртке. И родители на нее не кричат за это. Почему-то в Америке вообще не боятся сквозняков и того, что дети могут подцепить грипп, — это я заметила давно.

Конечно, в Америке и, в частности, в Нью-Йорке живут разные люди. Конечно, воспитывать ребенка в Нью-Йорке — не только ответственное, но и очень затратное удовольствие. Но что особенно поразило меня в этот раз, так это количество беременных женщин. Разного возраста (здесь рожают значительно позднее, в среднем), разного достатка, национальности... Новый беби-бум некоторые аналитики связывают с надежной на реформу здравоохранения, к которой тут очень неоднозначное в целом отношение. Кем вырастут эти малыши? Какими гражданами станут од-

ноклассники Ольги, воспитанные в уважении к окружающей среде и к личности? Смогут ли они воплотить эти свои детские мечты (на самом деле, мечты взрослых) о том, каким должен быть мир, в котором они хотели бы видеть своих детей счастливыми?

Эти вопросы волнуют многих родителей. Даже в благополучных Штатах. А уж в России должны волновать еще больше.

«Деловой вторник», №36 (765), октябрь 2010 г.

СНАЧАЛА БЫЛО СЛОВО

Совсем недавно наш министр образования и науки официально поддержал давно продвигаемую РПЦ программу преподавания закона божьего в школах и направил соответствующие распоряжения в Российскую академию образования.

Практически одновременно из программ старших классов исключили целый предмет — астрономию. Разумеется, случайное совпадение, но, как многие случайности, будит мысль и чувство. И множит нешуточную тревогу. Прежде всего — о наших детях, над неокрепшими душами которых ставятся самые смелые и непродуманные эксперименты во имя будто бы высшего блага и будущего нации, а на деле — для реализации чьих-то личных и ведомственных амбиций. Сам по себе факт включения в стандарты некоего специального предмета, будь то одобренная Андреем Фурсенко концепция «Духовно-нравственная культура» или «Основы православной культуры», которым без малого лет шесть сопротивлялась научная и педагогическая общественность, внушает беспокойство. Что-то неуловимо напоминает незабвенные школьные годы брежневского заката, когда у педагогов и администрато-

ров образовательных учреждений от новых требований и реформ голова шла кругом, а нам, старшеклассникам, по трем предметам кряду задавали на дом конспекты шедевров под названием «Малая Земля» и «Возрождение». Никакого специального урока по основам нравственности или истории религий тогда и быть не могло, но те, кто хотел, знал прекрасно и Библию, и как вести себя в православной церкви (за посещение которой, кстати, равно как синагоги, мечети или иного молельного дома можно было запросто вылететь из комсомола и не получить рекомендаций в институт). А христианские заповеди (знакомство с которыми значительно облегчало изучение Морального кодекса строителя коммунизма по обществоведению) были нам известны прежде всего по текстам великой русской литературы, чей мощнейший нравственный заряд и страстная проповедь сострадания к «маленькому человеку» формировали важнейшие представления о должном и стыдном, о подвиге и предательстве. Сегодня со всей ответственностью можно сказать, что великая русская литература победила могучую советскую пропаганду, как бы последняя ни пыталась приспособить классику к своим нуждам. Она же, несмотря на бессчетные эксперименты, помогала сохранять сам остов российского образования, давая некие мировоззренческие ориентиры в добавление к стремительно умножающемуся конкретному знанию. Наши физики и биологи ценятся во всем мире не только потому, что учились по книгам великих соотечественников, — они, в отличие от многих западных сверстников, с детства привыкли видеть частную проблему как часть общей, чувствовать контекст и богатство взаимодействий явлений и форм, привыкли решать творческие задачи.

Предполагаю, именно отсутствующие отныне в программе уроки астрономии развивали этот масштаб видения, в котором звездное небо над головой и внутренний мир каждого стремились к гармонии. И знание иерархии Московского патриархата едва ли восполнит недостаток предмета, введенного в учебные программы в Европе и Азии много веков назад, как и недостаток конкретной ин-

формации и самостоятельного мышления. Тем более что сам ход дискуссии о религиозном просвещении школьников все последние годы проходил под знаком не столько идеологических споров, сколько межведомственной борьбы за право руководить духовным развитием нации, благо свято место не заполнено со времен роспуска идеологического отдела ЦК КПСС (где, как известно, в оные времена вершились и судьбы церковных иерархов). Впечатление такое, что ни советский опыт, ни печальный опыт российской империи и ее заката, ни, наконец, опыт развития мировых религий в целом не принимался разработчиками основ новых образовательных стандартов в расчет. Знакомство же с тезисами нового курса внимательного читателя приводило в оторопь — детям предлагалось, к примеру, развернуто объяснить, чем именно православная семья лучше любой другой или почему православная литературная критика — самая совершенная, а доводы всех иных интерпретаторов по сравнению с ней порочны по определению. Хочется верить, в обновленной редакции подобных бредовых и по духу противоречащих христианству заданий всё же не будет. И, раз уже решили ввести новый предмет, можно было бы подумать о подготовке кадров — хотя бы не хуже среднего лектора общества «Знание» советского образца, ведь такие интеллектуалы как отец Владимир Вигилянский, Яков Кротов или диакон Андрей Кураев, наперечет, а школ в России много. Может быть, Академия образования пойдет навстречу исламским и иудаистским лидерам и расширит границы курса, а также прислушается к ученым, снабдит его широкой исторической и философской базой, откомментирует, преодолет шовинистический дух и вообще в итоге, как у нас часто бывает, из ничего сделает вполне приличную программу.

Дело не в этом. В обстановке растущего мировоззренческого хаоса, отсутствия ясных идеологических векторов, той самой национальной идеи, которую тщетно пытались у нас придумать в середине 90-х, на авансцену приходят традиционалистские концепции, часто провозглашая сами себя единственными наследницами националь-

ной культуры и традиции и объявляя себя опорой сильного нового государства. Так произошло почти во всех странах бывшего СССР, во многих других, переживших конфликты и катаклизмы, государствах. Возрождение в России державно-православной риторики, которую мы наблюдаем повсеместно, нередко помноженной на реанимированную советскую атрибутику и имперскую спесь, — также примета разброда и шатаний, а вовсе не свидетельство возрождения патриотизма и духовного благополучия. Уверенное в себе, благополучное общество не боится честного разговора о себе самом, своем прошлом и настоящем, не боится инакомыслия, в нем не бьют за цвет кожи и не грабят свои же церкви, не бросают своих неблагополучных детей и стариков. И патриотизм в таком обществе не кричит о себе, как ошпаренный, а развивается каждый день, подтвержденный солидарным трудом и коллективным здравым смыслом, уважением к человеку и его нуждам. Нам пока до этого далеко. Наше общество не выработало еще ни устойчивого мнения о самом себе, ни противодействия разрушительным силам, тому же национализму, который вдруг расцвел в многонациональном государстве, где к моменту перестройки до 40 процентов новых браков были межэтническими! Сегодня в ряде регионов страны спокойно говорят об этническом православии или исламе и совсем не поддерживают изучения основ православия, предлагая свои традиционные ценности. Многоженство, к примеру, уже не раз озвучивали некоторые северокавказские лидеры, подхватил Жириновский; продвижение демографического нацпроекта, что не удивительно, уже дало на местах зеленую улицу полигамной практике — там, где сто лет назад, во времена царизма, это было нормой жизни. И всё это непостижимым образом рифмуется с возрождением великой нашей России...

Так куда же мы идем? И чему собираемся учить детей? И что они сами ответят нам, повзрослев? Куда ты несешься, птица-тройка Русь?

«Деловой вторник», №6 (639), февраль 2008 г.

БЛАГОСЛОВИ ИХ, ГОСПОДИ!

Разбирая старые бумаги, наткнулась на блокнот с концептом интервью режиссера Динары Асановой, в котором она делилась со мной, корреспондентом «Алого паруса», замыслом будущего фильма о трудных подростках.

Название «Пацаны» появилось позднее, но образ воспитателя интерната, который стал для отверженных обществом мальчишек и старшим братом, и эталоном мужественности, и поводырем, указывающим в жестоком окружающем мире путь добра и сострадания, — того самого, которого потом блистательно сыграл Валерий Приемыхов, — она видела вполне отчетливо. Говорила о том, что надо непременно показать не только драматизм повседневности детдомовцев, но и нашего современника, который готов отдать им себя без остатка, протянуть руку помощи, разбудить обиженные и спящие детские души. Тогда люди увидят, что нужно немедленно делать, чтобы мы не превратились в черствое общество. Потому что чужих детей не бывает.

Хорошо помню ее горящие глаза и весь наш разговор в ее питерской квартире на Большой Пушкарской.

Если бы Асанова была жива, она сегодня наверняка сняла бы фильм о наших современниках из многих российских городов. Например, о ростовской судье Елене Вороновой и ее коллегах. Мы познакомились несколько лет назад, на обсуждении профилактики правонарушений несовершеннолетних, Елена рассказывала об опыте первых ювенальных судов. Поразили тогда не столько цифры — хотя они не могли не впечатлить — бесстрастная статистика зафиксировала снижение рецидива в подростковых правонарушениях в разы, даже образовался недокомплект в областной колонии для несовершеннолетних. Интересно стало, зачем этой красивой и успешной женщине,

делающей серьезную научную карьеру, к тому же бывшему работнику прокуратуры и перспективному судье, вся эта головная боль с малолетними ворами и хулиганами из маргинальных семей? Воронова объяснила это предельно просто: она и ее коллеги стали привлекать к процессу все государственные службы, которые призваны заниматься подростками: психологов, социальных работников, службу опеки и так далее. Чтобы вместе принять правильное решение и дать подростку шанс. Ничего больше. Так она и ее коллеги понимали назначение своей работы.

Ювенальные суды, которые появились сначала в Таганроге, Азове, в некоторых городах и станицах Ростовской области, а потом и в других регионах страны, — это суды, в работе которых принимают участие все, кто назначен государством решать проблемы подростка. Подчас эти организации, даже расположенные на одной улице, просто не знают друг о друге. Резкое снижение показателей рецидива среди тех, кто прошел ювенальный суд, объясняется просто — опытные взрослые подростков не бросили.

Интересно, что нередко именно после суда восстанавливаются отношения «трудных» с родителями, другими близкими. Последнее время Воронова пишет мне с горечью, что в интернете и некоторых других СМИ снова началась кампания против ювенального правосудия: мол, оно разрушает семью и скоро все малыши будут подавать в суд на папу с мамой. «Но ведь всё, по сути дела, совсем наоборот! — сокрушается она. — Почему эти люди так не любят наших детей?»

Действительно, почему? Разве кто-то выиграет от того, что в той же ростовской колонии будут заняты все 370 мест, а не 140, как сегодня? Что посаженный за кражу велосипеда мальчишка вернется домой закоренелым бандитом?

Спор о ювенальном правосудии — по сути дела, спор об отношении к личности в обществе в принципе, об ответственности общества за своих детей, о равных возможностях для всех. Фигуранты ювенальных судов в большинстве своем — недолюбленные дети из проблемных

семей, чьи родители не могут нанять адвокатов, если случится беда. Те противники ювенального правосудия, которые пугают обывателя пришествием зловредных западных технологий, беспокоятся не о будущих зэках. Их тревожит угроза тоталитарному мышлению, которая, несомненно, лежит в основе ювенальной юстиции — она исходит из интересов ребенка, а не взрослого, личности, а не фигуры власти (именно на родительской власти «дать воспитательный подзатыльник» делают акцент критики). Родные «воспитательные подзатыльники» выливаются в стабильно высокую страшную цифру — две тысячи детей в год погибают в отечестве от рук членов семьи. Об этом почему-то очень мало говорят наши депутаты и чиновники, возмущенные преступлениями некоторых иностранных усыновителей наших детей.

О том, как интересы ребенка не принимаются в расчет в принципе, мы видим регулярно из репортажей о разводах героев светской хроники. Законные наследники олигархов и звезд шоу, которых отсуживают, крадут друг у друга и лишают детства, так же, как детдомовцы и уличные попрошайки, — заложники взрослой жестокости и нашего собственного равнодушия.

Впрочем, так не везде. В эти дни многие региональные издания рассказали о практике реальной помощи сиротам, организации российского усыновления, о приемных семьях и новых адресах организации социальной реабилитации «трудных». О том, как в деле помощи детям объединяются атеисты и верующие, богатые и бедные, как в самой гуще жизни прорастает вполне понятная и близкая самым разным людям та самая национальная идея, поиском которой долгие годы безуспешно занимались политологи. Она выражается в простой истине — чужих детей действительно не бывает, если мы говорим о своей родной стране и ее будущем. И нет более важной задачи, чем защита и поддержка наших детей, обеспечение их возможностей и перспектив. Это и государственная задача, и дело совести каждого — от министра до домохозяйки.

Впрочем, об этом еще десять лет назад писала академик Наталья Римашевская, предупреждая о резком снижении качества населения, прежде всего молодежи, в РФ, — имея в виду показатели здоровья, образования, социализации, обеспечения, творческого потенциала возможностей для реализации. И предлагала все силы государства бросить на повышение этого самого качества и на разработку программ поддержки детства и молодежи. Доклад она представила правительству, за что получила благодарность и пожелание никогда никому его не показывать. По счастью, Наталья Михайловна передала текст журналистам.

Увы, она не ошиблась...

Утешает лишь то, что наши сограждане, точь-в-точь как герои асановской знаменитой ленты, не ждут государственных решений, а делают то, что могут и считают нужным, что подсказывает сердце и здравый смысл. Наверное, не лишним будет собрать весь этот поистине бесценный опыт. К сожалению, об этих реальных адресах деятельного добра национальная аудитория пока не знает.

Зато многие СМИ поместили сообщение о том, что группа граждан, назвавших себя православными верующими, выступит сегодня, в Международный день защиты детей, у Казанского собора в Санкт-Петербурге с призывом запретить аборты.

«Деловой вторник», №16 (745), июнь 2010 г.

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ...

Маленький Алишер не попал в списки последней переписи населения. Не потому, что проводившие перепись поленились, — они просто не имели о нем никакого понятия.

Алишер родился на стройке на окраине столицы, где его матери, как и другим рабочим-нелегалам, разрешили проживать в вагончике с одним условием — не поднимать шума. И это условие соблюдалось неукоснительно. Именно поэтому, когда пришло время родов, побоялись вызвать скорую, обошлись сами. Слава Богу, мальчик родился крепкий, быстро набирал в весе и практически не болел.

Когда малышу исполнился год, мать решила отвезти его к бабушке на родину. И тут оказалось, что без документов ребенка из страны не выпустят. И, разумеется, его не могут ни поставить на учет в детскую поликлинику, ни включить в программу интеграции семей мигрантов — его вообще как будто нет.

История, достойная пера романиста, но на самом деле не такая уж исключительная. Сотрудники благотворительного фонда «Таджикистан», куда уже много лет за помощью обращаются практически все попавшие в беду приезжие, которым больше некуда идти, подтверждают: отсутствие свидетельства о рождении детей, не полученного вовремя на родине или уже в России, осложняет и без того несладкую жизнь многих мигрантов, и проблему эту не так легко разрешить. Ведь для решения ее нужен не только четкий учет всех без исключения жителей России, но и изменение самой миграционной политики в целом. То есть главным адресатом ее должен стать конкретный человек, конкретная семья и ее нужды, а не ведомственные интересы и абстрактные показатели. Что толку

в том, скажем, что в Первопрестольной на интеграцию мигрантов выделено 100 миллионов рублей (эксперты считают, довольно скромная сумма с учетом стоимости масштабных пиаровских акций и уличной рекламы), — конкретно Алишеру и его матери из этих средств не перепадет ни копейки.

Можно было бы долго — и совершенно справедливо — говорить о том, что вовремя разрешенные социальные драмы предотвращают будущие трагедии и конфликты, о необходимости учесть подвижнический опыт общественных инициатив и включить в государственные программы реальную поддержку социального партнерства, о подлинном и мнимом патриотизме отцов города и молодых его обитателей. О том, наконец, что еще есть возможность наладить житье столь необходимых нашей стране приезжих, наладить нормальное обучение их детей и даже помочь подросткам найти общий язык без уличных разборок, неизвестно как и кем подчас подстрекаемых, — есть люди, умеющие работать даже с самыми «трудными», их увлечь и зажечь не формулами вражды, а словами и делами добра.

Но хочется сказать о другом. О том, что на самом деле судьба Алишера, в которой, как в капле воды целый мир, отразилась вся несуразность современной ситуации с московскими гастарбайтерами и отношения к ним, — зеркало не только российской миграционной политики, но и отношения к человеку как таковому. Одному не повезло родиться мигрантом, другому — оказаться бесквартирным ветераном, третьему — лишиться здоровья на производстве или в горячей точке, четвертой — воспитывать ребенка с хроническим заболеванием. И подавляющему большинству — не иметь родственников среди городской и федеральной элиты. Лицемерие и полная бездарность социальной политики, граничащая с преступлением некомпетентность и точно преступная алчность многих чиновников, ответственных за реализацию этой политики, в целом бездушное отношение к человеку — главный бич России, вполне реальная угроза будущему страны. И те же

самые конфликты — прежде всего результат этого лицемерия и тех «безлюдных технологий», не принимающих в расчет каждого из нас, которые давно уже стали доминирующим стилем в выработке и принятии решений.

Так не должно продолжаться. И самое время напомнить об этом перед грядущими выборами тем, кто рискнет искать народной поддержки.

Я верю в то, что Алишер вырастет смышленным и трудолюбивым, и что станет хорошим гражданином России, и, быть может, когда-нибудь Москва будет гордиться тем, что он родился именно здесь. И что ему помогут не только женщины из благотворительного фонда, но и весь наш большой город, и страна, которой очень нужны рабочие руки. И что об этом будут наконец больше говорить журналисты.

Последнее исследование под эгидой СЖР показало: наши лучшие газеты и интернет уделяют проблеме миграции и мигрантам менее одного процента и всех опубликованных материалов. Живых лиц среди героев даже этих немногочисленных публикаций почти не видно...

«Деловой вторник», №21 (794), июль 2011 г.

ДЕНЬ ВОПРОСОВ

Радостное известие российских информагентств о том, что именно у нас, в Калининграде, в 0 часов 2 минуты 31 октября родился мальчик Петр, которому было присвоено звание семимиллиардного жителя планеты, не успев прошуметь по новостным лентам, вызвало бурную дискуссию в Сети. Отечественные же агентства сообщили о том, что и мальчик Саша из Петропавловска-Камчатского, и девочка из Петербурга также претендуют на первенство.

Французские и британские источники не замедлили сообщить, что на Филиппинах уже наградили малышку

по имени Даника Мэй Камечо как самую первую новорожденную и на торжество в Манилу уже прибыл Лорис Маэ Геварра, назначенный согражданами шестимиллиардным ребенком в 1999 году, хотя ООН тогда определила истинным юбиларом мальчика из Сараево.

Индийские источники утверждали, что на самом деле титул должен достаться малышке из маленького селения на юге страны, украинские представили портрет счастливой матери из Одессы, пресс-центр ООН сообщил о десятках других самовыдвиженцев.

На самом деле, определить точно, где именно родился семимиллиардный ребенок, невозможно, день и место были названы условно. Адресами памятного события по географическому признаку Фонд народонаселения ООН и Росстат определили Санкт-Петербург, Петропавловск-Камчатский и Калининград, но остановили свой выбор на самом западном городе России исключительно потому, что в Калининграде будет представлен очередной доклад ООН по проблемам народонаселения, а в эти дни там проходит серия круглых столов на ту же тему. Грамоту же «Рожденному в День семи миллиардов» получают все малыши, появившиеся в этот день в означенных городах.

Что же касается всех нас, живущих в этот день на планете, самое время подумать о том, что, собственно, ожидает нас и наших детей в ближайшем будущем. Население Земли всего за 200 лет выросло с одного до семи миллиардов, а за последние 12 лет — с шести до семи миллиардов. К 2040 году эксперты прогнозируют 9 миллиардов. Некоторые прогнозы призывают не паниковать — такое количество людей свободно уместится на территории одной Австралии, и на человека будет более километра площади. А талантов будет в разы больше, чем сегодня. Но другие голоса, в том числе великий демограф Анатолий Вишневский, полвека посвятивший проблеме народонаселения, предупреждает: человечество располагает ограниченными ресурсами, которыми распоряжается безбожно, чрезмерное потребление энергии в некоторых частях света и уничтожение природных богатств чреват

катастрофой, и разрыв между богатыми и бедными не сокращается с развитием цивилизации.

Сколько из родившихся вчера смогут воспользоваться всеми достижениями прогресса и новых технологий в течение жизни? Будут ли у сына одесского моряка, Пети, увидевшего свет в лучшей клинике города, и у Наргис из индийского штата Утта Радеш одинаковые шансы получить образование, заняться любимым делом и вылечиться от настигшей болезни? Будут ли равные возможности выбрать свою судьбу у всех тех наших крошечных соотечественников, которые, того еще не ведая, получили сегодня сертификаты?

Слишком многое нужно сделать для того, чтобы даже уже принятые в стране решения по поддержке родителей с детьми были выполнены должным образом, чтобы построили современные детсады и школы вблизи тех мест, где дети растут, чтобы выросли заново детские спортивные площадки и районные дома творчества, чтобы улица стала безопасной, чтобы можно было летом поехать в лагерь со сверстниками...

По сути, надо изменить сам вектор национального социального развития, переориентировать его в первую очередь на обеспечение качества детства и качества жизни о чем, кстати, вот уже 20 лет говорят отечественные ученые, не теряя надежды на то, что будут услышаны...

Может быть, стоит воспользоваться прекрасным поводом — Днем семи миллиардов — для того, чтобы заново начать этот разговор? И предложить продолжить его всем, кто решился участвовать в выборах за право определять нашу с вами судьбу в ближайший парламентский срок?

Что же касается семимиллиардного малыша (кого бы из родившихся в этот день ООН официально таковым ни признала), пусть мир будет добр к нему! Как и ко всем вновь появившимся на свет. Хотя это ни в коей мере не снимает с нас ответственности за всё происходящее.

«Деловой вторник», №37 (810), ноябрь 2011 г.

СТРАНА ГЛУХИХ

Дети стали прыгать с балконов многоэтажек, выбрасываться из окон в мегаполисах и пригородах. Они оставляют предсмертные записки, наивный слог и логика которых повергает в оторопь взрослых не меньше, чем весь ужас случившегося...

А ведь этого могло и не быть. Более того — не должно было произойти вовсе. Но почему всё же произошло?

Тянущее чувство вины, вроде бы необъяснимое, хотя на самом деле объяснимое вполне — это наша общая потеря, это наша общая ответственность в конце концов. Именно так. Общество, в котором дети сводят счеты с жизнью с таким ужасающим постоянством, в чем-то сильно ошибается.

Страна, вышедшая на первое место в мире по суициду подростков, а именно такая информация была озвучена нашим детским омбудсменом Павлом Астаховым, — больна. На пресс-конференции в РИА «Новости» эксперты представили страшную статистику: каждый год в стране сводят счеты с жизнью полторы тысячи подростков и детей, частота подростковых суицидов втрое выше, чем в среднем по планете. Как так получилось? Кто виноват? Занятые и нечувствительные к детским проблемам родители? Учителя? Интернет?

Последовавшая в СМИ и в Сети дискуссия не дала однозначных ответов на эти вопросы, равно как и не предложила конкретных рецептов. Астахов призвал принять экстренные правительственные меры, лично обратился к министру образования и науки Фурсенко и патриарху Кириллу с просьбой уделить внимание проблеме. Все надежды уполномоченного при Президенте России по правам ребенка (так официально звучит должность г-на Астахова) — на разработку программы профилактики и укрепление

штата школ психологами. Откуда же в школах столько психологов? — возражали ему. И будет ли прок от того, что личную переписку подростка станет по обязанности читать уставшая преподавательница физкультуры? Можно ли вообще в таком вопросе полагаться на спущенные сверху решения?

«Ни Путин, ни Медведев, ни Астахов не могут решить личные проблемы конкретного ребенка, они зависят прежде всего от его близкого окружения и требуют исключительно индивидуального подхода, — убежден президент фонда «Нет алкоголизму и наркомании» Олег Зыков. — Только индивидуальная работа с ребенком и его окружением принесет результат. Эмоциональная поддержка родных, семьи сможет реально противостоять агрессии массовой культуры и интернета. Дети кончают с собой не от того, что «зависают» в Сети, а оттого, что лишены понимания и поддержки прежде всего со стороны взрослых».

Недавние трагедии — лишь вершина айсберга. А его основание совсем не в московских многоэтажках. Ведь, как показывает статистика, больше всего случаев зафиксировано в Республике Тыва (120 на 100 тысяч жителей), в Бурятии (87), Якутии (74). Также много подростковых самоубийств фиксируется в Хакасии и Калмыкии.

Опять же, согласно статистике, чаще других идут на самоубийство воспитанники детских домов и интернатов. Иногда здесь случаются даже коллективные суициды — к счастью, не всегда успешные, тем не менее именно по этой причине не доживает до совершеннолетия каждый десятый детдомовец. Наверняка не все они «утонули» в интернете, отчего, впрочем, степень их одиночества и отчаяния не меньше.

Эти безымянные трагедии не становятся адресами для телерепортажей на национальных каналах (может, это даже к лучшему?), они лишь фиксируются в рутинных сводках правоохранителей, а иногда — правозащитников. Хотя цифры заставляют сжиматься сердце — полторы тысячи погибших детских душ ежегодно. Приплюсуйте сюда две

тысячи детей, также ежегодно погибающих от рук родителей и других родственников. А еще — дюжину с лишним тысяч женщин, ежегодных жертв жестокости в семье...

Жуткая получается картина.

Не много ли для страны, пытающейся преодолеть демографический кризис и считающей себя современной? И не наша ли собственная глухота к чужой беде потворствует жестокости, грубости, да и просто безразличию, которые могут стать роковыми?

В ходе обсуждения случившихся трагедий много говорили о роли нравственности, культуры — все это, разумеется, очень важно. Как важны и государственная политика в отношении детей и подростков, и серьезный разговор обо всем, что происходит вокруг, в котором приняли бы участие и педагоги, и родители, и сами подростки.

Современная Россия как страна глухих. Не слышат друг друга политики и избиратели, банкиры и пенсионеры, чиновники и обыватели, дети и родители, неудачники и баловни судьбы, даже если они и меняются иногда местами.

Сын олигарха и дочь дворника-мигранта одинаково остро ощущают эту всеобщую глухоту мира, в котором им предстоит жить, намного острее взрослых, как это обычно бывает в детстве. Дай Бог, чтобы у каждого из них, как и у каждого из лежащих сегодня в коляске, шагающих в детсад или в колледж, рядом оказался неравнодушный и внимательный взрослый.

«Деловой вторник», №6 (823), февраль 2012 г.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Необъяснимую жестокость и агрессию, как правило, проявляют те, кого регулярно били или унижали в детстве. Это известно каждому психологу и психиатру, практически каждый курс современной терапии начинается с разбора и преодоления неизжитых детских травм и страхов. С травмой и даже физическим недостатком можно справиться и без посторонней помощи, и случаи такие широко известны: мальчик, над которым сверстники смеялись за малый рост и хилые плечи, становится полководцем-триумфатором; заика — королем поэтов; неизлечимо больная девочка, идущая в бараки к больным и отверженным со словом любви и принятия, становится прообразом будущих миротворцев-благодетелей... Каждый хрестоматийный или безвестный случай такого преодоления — личная победа, торжество воли и духа над обстоятельствами. Но есть и другие примеры, о них лучше всех знают криминалисты. Как бы то ни было, пережитое в детстве, равно как перенесенные недуги, продолжает оказывать незримое воздействие на нашу последующую жизнь. Знаменитый американский врач Роберт Шрайер написал книгу «Болезни и путь американских президентов», в которых показал, как тот или иной диагноз лидеров оказывал (или нет, кстати), влияние на принятие решений. Другой выдающийся современник, узник Освенцима, доктор и член Нобелевского комитета Ержи Эйнхорн предупреждал в своей автобиографической повести «Избранных выжить» об опасности и заразительности неизжитого коллективного комплекса и травмы...

То, что поколение нынешних руководителей бизнеса и государственных институтов во многом не справилось с проблемами личного характера, заметно по целому ряду сюжетов, будь то быт и нравы «новых русских» или госу-

дарственные решения, которым в принципе, казалось бы, по определению должны быть присущи логика и взвешенность. Но не у нас. Поспешность, с которой принимались последние законодательные инициативы, необъяснимая суровость одних мер и, напротив, попустительство безнаказанности в других случаях, безответственное отношение к собственной Конституции и уже существующему законодательству, отсутствие хотя бы формального соблюдения демократических (и прописанных в законе) процедур и вообще обсуждения происходящего, — всё это рождает у обывателя стойкое ощущение незрелости власти, ее неуверенности и закомплексованности, что никак не способствует повышению авторитета. Непродуманные пропагандистские ходы только усиливают это впечатление. Что стоит за истерической антиамериканской кампанией последних месяцев — живой пародией на практику холодной войны? Мало кто реально верит в то, что «акт Магнитского» реально нанес серьезный ущерб интересам страны (хотя бы потому что мало кто разбирается в тонкостях международного права), но всем понятно, что сыр-бор разгорелся из-за того, что несколько чиновников рискуют лишиться своей подростковой мечты — отдыхать в Майами, смотреть стриптиз на Бродвее и хранить личные средства в далеком банке. Вот она, мечта, почти в руках — и на тебе! Американцы, конечно, всё рассчитали правильно со своей стороны. Патриотические лозунги депутатов и чиновников никого не введут в заблуждение, равно как и нестройные призывы к народным избранникам отказаться от «забугорной» собственности. Обыватель не сомневается в том, что наша политическая и деловая элита давно и бесповоротно переместила за границы отечества всё, чем дорожит, — семьи, средства, мечты о будущем детей... Их бездумное и жестокое безразличие к нуждам, жизни и благополучию миллионов соотечественников — не результат хладнокровной тоталитарной мысли, для которой человек — не более чем строительный материал, но последствия неизжитого комплекса обиды и неполноценности. Последний пример — «антитмаг-

нитский» закон, всколыхнувший общественность по обе стороны океана. Он не только растоптал последние реальные победы российского МИДа (осенью наконец российские дипломаты добились разрешения посещать приемные семьи в США — результат кропотливой работы многих лет, теперь об этом придется забыть, видимо, навсегда). Он испортил имидж современной российской политики и в стране, и за рубежом так очевидно, что никакой враг не придумал бы. Но самое главное — он показал неспособность нынешней конфигурации принимающих решения реально улучшить ситуацию. Запрет на американское усыновление — лишь вершина айсберга.

Я знаю семьи американцев, в которых воспитываются приемные дети из российских детских домов, среди них — мои близкие друзья, ученые, журналисты, писатели. Там детям хорошо. И у них впереди много возможностей. Больше, чем у любого российского ребенка, не только приемного. Больше, чем у детей российского чиновника или миллионера. Они — американцы. И будут пользоваться тем, что самая богатая в мире (пусть и не самая социально справедливая) страна дает своим гражданам. Кто-то из них может стать иконой бизнеса, как также усыновленный в свое время Стив Джоббс, кто-то — звездой сцены. Кстати, приемная дочь одной знакомой уже поет в «Метрополитен-опере». Я уже рассказывала в «НВ» о нескольких судьбах. О том, как обреченных на медленное умирание малышей удавалось спасти — и трудно сказать, что было важнее — лучшая в мире медицина или самоотверженная любовь новых мам и пап. Боль сиротства, может быть, забудется с годами. Но навсегда не уйдет из подсознания никогда. Эта боль, помноженная на чужую, чаще взрослую, жестокость, заставляет многих выпускников российских детдомов сводить счеты с жизнью.

Никакого сомнения нет в том, что сам механизм международного усыновления и последующего контакта с семьями должен был быть лучше отлажен и лишен коррупционной составляющей. Но коррупция в России пронизывает всё общество уже давно, и контролирующая роль госу-

дарства в данном вопросе давала сбой так же, как и везде. Кликушеские выступления, призывающие запретить «продажу российских детей за рубеж» звучат не первый год, как правило, в качестве последнего аргумента в политической дискуссии, — и всякий раз авторы их демонстрировали крайний цинизм, не только не говоря ни слова о положении сирот и вообще детей в России, но и не предлагая ничего конструктивного. Хотя именно за это получали хорошую зарплату. Дети — всё равно, что нефть или леса. Много лет назад, собирая материал для статьи о российском усыновлении, я спросила высокую чиновницу, почему в стране не повторяют самарский опыт: тогдашний губернатор издал закон, закрепляющий за приемными родителями зарплату воспитателя, и детдома опустели... «Вы что, не понимаете? — искренне изумилась чиновница. — Кто же допустит? Вы знаете, какие средства на учреждения выделяются?» Этот разговор я вспоминала каждый раз, когда речь заходила о «продаже детей».

Обсуждение закона тем не менее не только обнажило давно кровоточащие проблемы. Оно совершенно неожиданно обнаружило присутствие во всех слоях общества альтернативного мнения — и готовности его отстаивать. Депутаты и министры, не согласные с проектом, робкие признания законодателей в том, что их собственные дети устроили демарш дома, выступления писателей, педагогов, родителей и, наконец, самих инвалидов-сирот... Все они не согласны считать себя послушным большинством или разменной монетой в политическом споре и говорят не только и даже не столько о конкретном непродуманном решении, сколько о направлении политики в принципе, о необходимости исходить прежде всего из интересов человека, а не сиюминутных импульсов и соображений группового интереса. Незрячая десятиклассница Наташа Писаренко обратилась с письмом к президенту с предложением усыновить десяток сирот-инвалидов и выразила мнение тысяч сограждан, утомленных дискуссией.

Нашу страну выведут из нравственного и политического тупика только сами люди. Преодолевшие пассивность и

немоту, малодушие и искушение корыстью, изжившие страхи и комплексы и обретшие чувство собственного достоинства и ответственности за происходящее вокруг. Самые разные люди — детдомовцы, педагоги, политики, волонтеры, чиновники и домохозяйки. Кажется, мы начинаем просыпаться. «Сиротский закон» стал, похоже, последней каплей. А стало быть, еще можно исправить то, что кажется непоправимым. И помочь в этом может, между прочим, закон о противодействии жестокости в семье, уже лежащий в Государственной думе. В отличие от скороспелого и насквозь политизированного «антимангнитского», он готовился и обсуждался долго, а необходимость в нем назрела очень давно. Жестокость должна исчезнуть из нашей жизни, из семьи, из интернатов, из домов престарелых и муниципальных больниц, из политического дискурса — только тогда у нас появится шанс построить нормальные отношения в обществе и государстве. Важно понять, что это в наших силах.

«Новый вторник», №2 (860), январь 2013 г.

ЦЕНА МЕТАФОРЫ

В самом центре Рима, на территории старинной виллы Памфили, есть маленькая, точнее сказать, почти совсем крошечная площадь, вот уже несколько месяцев носящая имя российской журналистки Анны Политковской. И дело не в том, что коллеги мало знают о других российских репортерах, не менее мужественных и талантливых, погибших в самом расцвете сил. Удивительно другое: там, в прекрасном далеке, откуда отечественные классики всматривались в бескрайние и безнадежные родные просторы, это дело обычное. В том смысле, что ценность работы журналиста признается априори и безоговорочно и

сама идея эта поддерживается всенародно, я бы даже сказала, пафосно.

Никогда не забуду исторический фронтон президентского дворца в том же Риме, завешенный портретами захваченной иракскими экстремистами журналистки Джулианы Сгрены. Все долгие дни до освобождения заложницы перед дворцом круглосуточно дежурили люди со свечами и транспарантами. Совершенно точно известно, что далеко не все из них разделяли взгляды самой журналистки, активно критикующей и планы НАТО, и исламистские тенденции в самом Ираке, убежденной пацифистки, феминистки и коммунистки. Но ее освобождения и прекращения насилия по отношению к журналистам, работающим в самых разных горячих точках, требовали все. Потом, после освобождения, я спросила Джулиану, еще не оправившуюся после ранения в ходе самой операции, в которой погиб офицер безопасности, что ей, немолодой и нездоровой женщине, давало силы во время заточения, и она сказала: вера в солидарность журналистов и в свой народ. Я тогда с горечью подумала: кто из наших журналистов в такой же ситуации смог бы сказать такие слова?

Италия — страна, во многом нам близкая и понятная. Еще в недавнем историческом прошлом — аграрная окраина с неграмотным деревенским населением, пережившая ужасы фашизма, — экскурсии по местам боевой славы народного сопротивления и мемориалы жертвам карателей в Умбрии живо напоминают ту же Белоруссию. Италия отнюдь не цитадель европейской демократии, там разводы разрешили всего лет двадцать назад, а мафию до сих пор не могут до конца победить. По делу коза ностры регулярно убивают судей и свидетелей, и виновные до сих пор не привлечены к ответственности. А регулярно ускользающий от правосудия коррупционер и олигарх Берлускони душит свободу слова на собственном национальном телеканале, поплеывая на протесты Ассоциации работников СМИ и аудитории. Тем интереснее опыт гражданского самосознания граждан, их наивная вера в то, что свобода слова есть основа будущего совершенствования

общества, подлинного диалога, а работа журналиста важна для общества по определению как некая гарантия живого диалога населения и власти, пусть несовершенной, но теоретически способной к совершенствованию. Поэтому насилие над журналистом, где бы оно ни происходило, для них — попрание их собственного представления о справедливости, а гибель журналиста, будь то в Нигерии, Сомали, Ираке или России, также собственная драма.

А кто из нас знает, сколько журналистов убили в 2007 году в Сомали?

Скоро, 15 декабря, в Центральном доме журналиста состоится День поминовения журналистов, погибших при исполнении своего профессионального долга. Он проводится уже больше десяти лет, и каждый год на сцену выходят всё новые дети и родные убитых, и всё так же главные спонсоры — в основном зарубежные компании — передают семьям подарки, стараясь быть незаметными, и так же не замечено в Доме журналиста в этот день ни государственных чинов, ни даже руководителей национальных компаний, чьи сотрудники погибли, выполняя свой долг. По сути, этот траурный день — знак не только унижения нашей профессии, но и пренебрежения общества к самому себе. Симптом национального позора, если точнее. Ибо общество, которое не уважает свое отражение, не интересуется им, не способствует диалогу с самим собой, не имеет будущего.

Никогда в российской истории журналисты не были столь унижены как сегодня. В годы цензуры и тоталитаризма журналистское слово имело вес, журналист был признан неписаными законами общежития защитником обездоленных и униженных в соответствии с давней отечественной традицией — и нередко действительно работал как спасатель. В годы перестройки шальная идея «четвертой власти» затуманила многие умы — и те, кто к власти реальной стремился, обрел или искомое, или место в свите. Никакого отношения к профессии эти ужимки и прыжки не имели и не имеют. Не в этом дело. Страшно то, что сегодня журналист в глазах обывателя — продажный

писака, обслуживающий капитал, а то и наших врагов, беспринципный и пустой, а сонм записных идиотов, жеманничающих с президентом во время пресс-конференций со всероссийского экрана, лишь подтверждает вброшенную в массовое сознание мысль о никчемности журналистского слова, если оно не служит прославлению генеральной линии сегодняшнего дня. Так и что их жалеть? А если их убивают — так, может, сами виноваты, ввязались в нетрезвую разборку, и вообще у нас убивают банкиров, вахтеров и прочих граждан без разбора, что же тут огород городить и требовать профессиональных привилегий? Именно так написала о митинге памяти погибших коллег газета, в которой я когда-то работала, и сотрудники которой, как и сотрудники многих других изданий, не вернулись из командировки.

Сможем ли мы что-то изменить? Когда? Мне кажется, это дело не далекого завтра, это сегодняшняя тема, которую можно и нужно развивать в любом месте, всюду. Потому что ничто не может так быстро и действенно повлиять на реальность, как живое и честное слово. Об этом говорит история. Это подтверждает современная практика. Достоинство слова — вот что мы можем противопоставить распаду и несправедливости. И самое время вспомнить также о тех, кого сегодня нет с нами. Кто отдал за служение читателю и зрителю, свободу метафоры и правду о нашей современности жизнь. И если мы не будем помнить, грош нам всем цена, и это уже не только о журналистах, это обо всех.

«Деловой вторник», №46 (631), декабрь 2007 г.

НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕСТИ

В этот город на Волге мы с коллегами из Союза журналистов России и гостьей из Хорватии приехали поговорить о перспективах нашей солидарности. Но жизнь внесла свои коррективы.

За несколько дней до нашего приезда собравшиеся у памятника Чернышевскому журналисты Саратова продемонстрировали свою солидарность и подали пример многим другим.

Почти триста человек выразили поддержку редактору газеты «Взгляд» Вадиму Рогожину, жестоко избитому неизвестными в центре города, и потребовали публичного расследования и наказания тех, кто его искалечил. Накануне многие газеты региона вышли с белыми пятнами на страницах в знак протеста против худшего вида цензуры — насилия над журналистами.

Некоторые коллеги называли всё это — и митинг, и «дыры» на газетных полосах — самопиаром региональной журналистской организации и чуть ли не самого Рогожина обвиняли в случившемся: мол, надо знать, кого критикуешь, не вчера родился.

Допускаю, что кто-то из высказавших и опубликовавших такую точку зрения следовал личному убеждению и голосу собственной совести. Имели право. Вообще, все наши слова и поступки — дело нашей совести в первую очередь. И оценку им дадут, скорее всего, потом, рано или поздно — исследователи, собственные дети и внуки, журналисты будущих поколений. Оценка неизбежна в любом случае. История отечественной журналистики и словесности подтверждает это неопровержимо — так было всегда, и нет никаких оснований сомневаться в том, что так и будет. На родине Радищева и Чернышевского, кстати, об этом хорошо помнят.

Триста человек на площади — это много или мало?

С одной стороны — ничтожное количество по сравнению с ликующими толпами молодежи, воодушевленной финансовой поддержкой правящей партии современной России. С другой — почти столько же, сколько три года назад собралось на Пушкинской площади в Москве в знак памяти о всех погибших российских журналистах. Тогда это событие стало новостью для многих российских и международных телеканалов и до сих пор упоминается, хотя бы потому, что именно тогда впервые вслух был зачитан список имен погибших (как сразу выяснилось, неполный).

Вообще, надо сказать, что иной раз и совсем крошечная группа может пробудить в умах и сердцах соотечественников отзвук. Как это произошло в 1968 году, когда горстка (с точки зрения обывателя) реальных городских сумасшедших коллективно заявила о своем протесте против вторжения в Чехословакию. Они прекрасно понимали, чем это всё для них закончится, и не ошиблись. Но чувство личного стыда за происходящее оказалось важнее. Массы их ни тогда, ни после не поддержали, разумеется. Как не поддержали десятки других российских правдоискателей и мучеников совести на протяжении всей отечественной истории. Но в истории остались бесспорными имена именно тех, кто хотел увидеть жизнь соотечественников более счастливой и свободной, а не грубых и кровавых правителей, как бы нас ни убеждали в обратном славные ребята из телепроекта о главном российском герое. Впрочем, это также дело их собственной совести. И их работе тоже будет вынесена оценка, думаю, очень скоро.

Совесьть — она вообще очень странная вещь, ее нельзя, например, измерить. Нельзя иметь совесьть наполовину или на треть. Ее можно забыть, потопить на время в доводах политической и любой иной целесообразности, потерять надолго, даже презирать, как надоедливую муху, — она всё равно рано или поздно заявляет о себе. У кого-то перед смертью или в период драмы, у кого-то — совер-

шенно неожиданно. Тогда она доминирует над всеми прочими мотивациями, будь то личное благополучие или что-то еще.

В Саратове у памятника земляку-утописту собрались те, у кого это качество, необязательное для успешной карьеры в любой сфере жизни, присутствует.

И это дает надежду нам всем. Хотя бы на то, что конкретное дело Вадима Рогожина будет расследовано правильно. Кстати, руководит процессом в настоящий момент именно тот следователь, которого газета критиковала без малого год, критика была признана судом и вышестоящими органами справедливой, об этом знает вся область. Хочется верить, мы скоро узнаем о переменах.

Журналистов, как это ни страшно, унижают, избивают и даже расстреливают во многих городах. Похоже, избияния стали новой стратегией тех, кому не нравится критика, — за краткий срок в одних подмосковных Химках до полу-смерти избит редактор местной газеты Бекетов (дело завели только через неделю!), совсем недавно погиб журналист газеты «Гражданское согласие» Сергей Протазанов. Не помню ни одного сообщения о том, чтобы подмосковные коллеги не то что вышли на площадь, но вообще как-то солидарно отреагировали на эту трагедию, все заявления, в том числе региональным властям, сделал российский Союз журналистов. Неудивительно, что о многих трагедиях у нас просто никто не знает. И безнаказанность тех, кто чинит расправу, дает уверенность другим негодьям. Но это не вечно.

Точно так же, как слипшиеся снежные струпья в саратовских закоулках.

Главное — что мы можем быть людьми, и не бояться этого.

Еще важнее то, что Вадим Рогожин наконец пошел на поправку.

И еще. На российских автомагистральных и в прессе активно пропагандируется бестселлер — о том, какие мифы о России неправильные. Что на самом деле русские не пьют, не дерутся, не берут взяток и не чинят самоуправ-

ства, это всё придумали зловредные западные конкуренты из зависти к нашей имперской мощи и богатствам. Хорошо, что у нас есть свобода писать и издавать (хоть за деньги, хоть без) то, что душе угодно, это дает читателю возможность сделать собственный выбор.

Там не сказано ничего об одном из укоренившихся в последнее время впечатлений — о том, что у российских людей нет совести. Не только у тех, кто принимает безответственные решения или крадет у своего народа, но и у самого населения, которое тотально безразлично к безобразиям и ничем, кроме сиюминутного интереса, не озабочено, лениво и пьяно попустительствует коррупции, беззаконию и всякого рода издевательствам над ним самим.

Вот этот самый опасный миф и опрокидывает пример саратовских коллег.

Рискну предположить, что сейчас, в пору кризиса, который никто из нормальных людей так до конца и не понимает, совесть — наш главный национальный продукт и капитал. Он позволит нам не только преодолеть экономические проблемы, но и выработать наконец некие человеческие формы и нормы общежития, по которым все давно соскучились. И есть все основания полагать, что у нас это получится.

«Деловой вторник», №13 (693), апрель 2009 г.

СЛУЧАЙНАЯ ПУЛЯ

Знакомый главный редактор, крупный эксперт по проблемам Кавказа, узнав, что я собираюсь в командировку в Махачкалу, спросил, успела ли я застраховать собственную жизнь. «И обязательно с вывозом тела, должен быть отдельный пункт в договоре», — настаивал он, заметив, что именно в связи с этим пунктом случаются проблемы. Потому что случайная пуля может попасть в каждого, кто оказался в неправильное время в неправильном месте. Мы обедали в симпатичном восточном кафе на Тверской, за соседними столиками мирно обсуждали цены на нефть и предстоящий отпуск на островах труженики соседних офисов, удивительно похожие на клерков где-нибудь в Брюсселе или Страсбурге, ловко орудовали палочками, за окном сияло солнце. И от всей обыденности происходящего — этого солнца, не поддающейся кризису столичной повседневности и будничного звучания совершенно невероятного вопроса моего собеседника — сделалось не по себе.

Сводки новостей из ЮФО уже давно не радуют разнообразием. Как правило, это краткие сообщения о трагических происшествиях и неоправданном насилии, они не всегда достигают национальных каналов, чаще остаются в специализированных изданиях и сайтах. Обстрел отделения милиции в Дербенте 1 июля, в результате которого погибли сотрудники правоохранительных органов и пострадали 14 мирных жителей (как раз в день начала нашего семинара для молодых журналистов в Махачкале), попал во все информационные выпуски. Начали звонить и беспокоиться коллеги из Москвы и даже из других стран. Местные журналисты готовили сообщения о происшедшем привычно и деловито, уточняя данные в пресс-службе МВД и у медиков. Точно так же, как о других

происшествиях в последующие дни. Конкретно — о том, как в тот же день, 1 июля, один милиционер был убит и один тяжело ранен в результате обстрела автомобиля отдельного батальона дорожно-патрульной службы, а на окраине села Нечаевка Кизилюртовского района неизвестные расстреляли четверых мирных жителей. Как 2 июля в Карабудахкенском районе при взрыве бомбы, заложенной под железнодорожные пути, пострадали сотрудники правоохранительных органов. В тот же день в результате взрыва ранены трое милиционеров в Хасавюртовском районе. На следующий день ранен еще один милиционер. Многие связывают эти преступления с недавней гибелью министра внутренних дел республики Адильгерее Магомедтагирова. Генеральный директор ООО «Свобода слова», учредитель самого популярного в республике еженедельника «Черновик» Гаджимурад Камалов в своем выступлении утверждает, что с приходом нового руководства МВД ситуация изменится только в том случае, если прекратится насилие в отношении инакомыслящих. Как раз в эти дни состоялись предварительные слушания по уголовным делам в отношении пяти сотрудников «Черновика», дела возвращены в прокуратуру Дагестана, статья редактора еженедельника «Новое время» Марко Шахбалова «Идет гражданская война», опубликованная в «Черновике», направлена на психологическую экспертизу. Судебная экспертиза сочла статью экстремистской. А совсем недавно Рамазан Абдулатипов заявил, что юбилея окончания Кавказской войны не будут отмечать потому, что война еще не кончилась. Обо всем этом — и не только — можно подробнее узнать, обратившись на сайт «Кавказский узел», который предлагает не только информацию, но и самые разносторонние и разноплановые комментарии событий. Неподготовленного читателя знакомство с этими текстами способно повергнуть если не в шок, то в длительную депрессию. И даже побудить немедленно прекратить чтение и никогда больше к нему не возвращаться.

Коллега из Москвы позвонил и спросил о неожиданном — а как в Махачкале сейчас живут люди? О чем говорят,

что думают, на что надеются? Вопрос этот, честно говоря, озадачил. Каждая новая поездка в Дагестан в последние годы вызвала самые разные вопросы — но не этот. Потому что не так уж сильно Дагестан отличается от всех прочих регионов, как кажется на первый взгляд. В июле 2009 года обыватели — педагоги, водители, домохозяйки, журналисты, медики, безработные — в Махачкале беспокоились о том же, что и в других городах нашей страны: что трудно оплатить учебу детям, что дорожает изготовленный из нашей родной нефти бензин, который из-за кризиса дешевеет во всем мире, что строят элитные дома, которые некому заселять, а молодые семьи не дождутся очереди на жилье. Конечно, есть разница — но не такая значительная, как кажется. Просто на 5 тысяч рублей в Дагестане так же трудно прокормить семью, как в Москве на 25 тысяч, и логика властей, отнимающих у единственной на Северном Кавказе женской благотворительной клиники помещение, ничем не отличается от логики властей других регионов, отдающих под элитные коттеджи и ночные клубы детские сады, библиотеки или памятники истории, охраняемые государством. И так же плачут родные безвременно погибших молодых парней — будь то милиционеры или просто угодившие под ту самую случайную пулю. Гибель молодых мужчин в стране втрое превышает европейские показатели, и это не только кавказский синдром. И везде обыватели говорят о том, что на самом деле нет вражды между соседями, но есть недобросовестные политики и воюющие синдикаты, которым на руку сеять рознь и насаждать язык ненависти, разделять людей на касты и множить собственный капитал на чужом горе. О том, что прекрасная и несчастная наша страна до сих пор фантастически богата и могла бы дать достойную жизнь каждому. Если бы не вот эти случайные пули — и не мусор под ногами.

Мы с коллегами приехали в Гуниб, побывали на той вершине, где официально закончилась Кавказская война и откуда имам Шамиль, имя которого носит один из центральных проспектов Махачкалы, был отправлен с женами, домочадцами, слугами и охраной в почетную ссылку в Ка-

лугу. Совсем рядом со знаменитой беседкой Шамиля, в заповедной зоне, высятся новые башенки элитных коттеджей, неуловимо напоминая новостройки на Николиной горе, и точно так же, на склонах древних гор, под самыми заборами замков новых хозяев жизни, — свалка. Груды зловонного мусора, пластиковых бутылок, грязи и нечистот, которые смывают в озеро у первой дагестанской ГЭС горные реки, — отбросы сопутствуют неизменно всем дорогам Дагестана — как дорогам Подмосковья, Смоленщины, всей России. Председатель Дагестанского отделения СЖР Али Камалов всю дорогу рассказывал нам о детстве, о том, как перед школой за многие километры ходил по воду и мечтал поехать в Москву, на ВДНХ, это было всё равно что полететь на Луну... Теперь у него тоже есть две особые идеи. Первая — до которой не очень надеется дожить — чтобы в Дагестане не убивали журналистов (10 погибших с 1993 года), и вторая — построить завод по переработке мусора, чтобы родные горы освободились от ненужной тяжести и позора.

Мне кажется, между двумя этими идеями — и направлениями мысли — есть прямая связь.

Наверное, до тех пор, пока мы с небрежением относимся к жизни каждого человека, к тому, где и как мы живем, в большом и малом, без понимания того, что именно благополучие людей, а не нефть, стратегические ракеты и прочие важные атрибуты современного ландшафта, должно лежать в основе любой политики, безо всяких оговорок, до тех пор нам трудно говорить о реальном прогрессе. Как в борьбе с коррупцией, так и в сражении за свободу слова и чистоту наших улиц, и чистоту помыслов тех, кто обязан обеспечивать нашу безопасность, в том числе и от шального выстрела. Молодые журналисты, участники нашего семинара — и дагестанцы, и те, кто приехал из других незатухающих горячих точек, — говорили именно об этом. А это уже знак надежды — хотя бы потому, что слово в нашей стране, да и не только, обладает материальной силой, как бы его ни старались замолчать, перевернуть и извратить.

ЗНАК БЕДЫ

15 декабря в Центральном доме журналиста вспоминали погибших коллег — как и год, и пять, и десять лет назад.

Это совершенно особый день, когда в Москву приезжают родные и близкие, дети, родители, жены и мужья тех, кто был в чем-то чуть смелее, несговорчивее, безрассуднее других, или просто оказался в неудачное время в неудачном месте. Остались портреты, тексты и снимки, горе любящих, дань памяти товарищей по цеху и повторяемые из года в год слова о том, что справедливость всё же должна восторжествовать. Что виновные в том, что их нет с нами, будут найдены и наказаны, и мы все об этом узнаем. Что настанет время, и мы перестанем получать страшные сводки о новых жертвах. И каждый год в одном и том же зале звучит один и тот же вопрос: когда же, наконец?

...Первый раз на день поминовения я попала десять лет назад. Отчетливо помню пережитое тогда смятение и обжигающей стыд — за то, что так мало прессы, и что коробки с подарками осиротевшим семьям раздает почему-то представитель корейской фирмы «Самсунг». Что на сцене стоит один председатель СЖР, с трудом сдерживающий слезы, и что нет ни одного министра или иного чиновника, ни одного олигарха со своими миллионами, ни одного главного редактора тех изданий и компаний, в которых трудились погибшие.

Помню, написала тогда для своей газеты заметку — о том, что с нами происходит нечто страшное. Что страна, которая не ценит своих журналистов, не расследует должным образом их гибель и не кричит об этом, — в беде, она не имеет нормальной перспективы. Что народ, безразличный к этой беде, глубоко болен. Что всем миром нужно срочно исправить такое положение дел, бить во все коло-

кола, пробуждать совесть и чувство самосохранения, стучать во все двери и дойти до каждого....

Тогда, десять лет назад, трагический список был намного короче. И казалось, что он не станет больше. Что это можно всё же предотвратить. Тогда вообще многое из того, о чем сегодня уже и не вспоминают, казалось возможным.

Помню и другой, почти недавний, день — 15 декабря 2006 года, и последовавший за ним марш и митинг памяти в Ново-пушкинском сквере. Здесь собрались почти пятьсот человек, милиции было едва ли не больше, но собравшиеся искренне верили в то, что убийство Анны Политковской — это уж точно последняя трагедия. Тогда (кстати, впервые) вслух зачитали список погибших 211 фамилий, который, как выяснилось тут же, на митинге, оказался неполным. Тем не менее чтение заняло сорок минут, что повергло всех присутствующих в шок.

Сегодня говорят уже о почти трехстах погибших коллегах. Международные организации называют меньшие цифры, но Союз журналистов России считает погибшими всех, чья гибель так или иначе может иметь отношение к профессиональной деятельности. Так будет, пока не завершатся расследования всех трагедий — сейчас это менее 20 процентов. Уходящий 2009 год прибавил к мартирологу десять имен, среди которых — Бабурова, Ярошенко, Эстемирова, Ахмадиев и другие. Практически все погибли не в далекой командировке, а в городах, где жили и работали. Как и большинство других убитых. И, как в подавляющем большинстве случаев, виновные в смерти этих десяти тоже пока не найдены.

И в зале ЦДЖ всё тот же «Самсунг» вручал подарки, и так же не было видно ни олигархов, ни министров, ни руководителей СМИ. Правда, журналистов оказалось намного больше, чем раньше, и в адрес СЖР и семей погибших поступили письма поддержки и солидарности — от руководителей международных и европейских профессиональных организаций, творческих союзов и благотворительных фондов, от коллег из многих городов.

Впрочем, 2009-й отличался всё же от предшествующих лет. Во-первых, аудитория впервые за многие годы услышала непосредственно от первого лица государства о том, что нарушение прав журналистов недопустимо, и не один раз. Более того — практически сразу после убийства Эстемировой глава государства выступил с заявлением, потребовав быстрее расследования и повторив, что работа правозащитников и журналистов чрезвычайно важна для государства. Очень хочется верить, что руководители Министерства внутренних дел, прокуратуры и других ведомств внимательно слушали эти слова. Во-вторых, в уходящем году профессиональное сообщество наконец показало готовность отстаивать свои права. Началось с митингов и белых пятен на первых полосах частных газет в Саратове — в знак протеста против покушения на главного редактора газеты «Взгляд» Вадима Рогожина, продолжилось широким обсуждением по всей стране, обращениями к власти с требованием прекратить позорную практику избиений журналистов, которая стала едва ли не повсеместным явлением. В-третьих, СЖР совместно с Международной федерацией журналистов, российскими и европейскими экспертами подготовил доклад, посвященный анализу расследований наиболее громких убийств коллег в четырех регионах РФ, направил его во все государственные структуры, предложил начать диалог по проблеме. Составитель доклада Джон Кроуфут приехал в ЦДЖ 15 декабря. Джон много лет работает над составлением подробной базы данных о погибших журналистах, своего рода виртуальной книги памяти, по-русски и по-английски, она уже висит в интернете.

Выступая в ЦДЖ, секретарь СЖР Павел Гутионтов сказал о том, как нам недостает трехсот коллег. Не только близким и товарищам по редакции, но и читателям, и зрителям, всей нашей огромной стране.

Но говорили уже в ЦДЖ не только о прошлом и не только о скорби. Говорили о будущем. О том, как всё же добиться полного расследования всех преступлений против журналистов. Как противостоять избиениям, запугивани-

ям, всякого рода цензуре. Как вообще создать атмосферу бережного отношения к работе корреспондента, к выполнению его первоочередного долга перед аудиторией. Когда возникнет такая атмосфера, когда аудитория сама поймет, что ствол или дубинка, направленные на журналиста, — это угроза всем и каждому и безопасности страны в целом, тогда, наверное, и наступит пора окончательных расследований и справедливых судов.

День памяти погибших журналистов — сам по себе знак беды. Пренебрежение тех, кто сегодня определяет повестку дня в политике, экономике или СМИ, к этой проблеме — беда вдвойне. Для того, чтобы преодолеть её, чтобы наладить нарушенный диалог между принимающими сегодня решения и аудиторией, надо, по сути, не много — любить страну, в которой мы живем и уважать ее граждан. Как это делали журналисты, отдавшие жизнь за слово правды, которое считали необходимым донести до нас с вами.

«Деловой вторник», №48 (728), декабрь 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5

ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ	7
ТРИ ДНЯ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ НАС	10
ДЕМОКРАТИЯ МИНУС ЖЕНЩИНЫ — НЕ ДЕМОКРАТИЯ ...	13
ОН НАУЧИЛ ГОРБАЧЁВА	17
ВИРУС В РОССИИ. СВОБОДА СЛОВА ПОД ПРИЦЕЛОМ ...	20
ПАРТИЯ ВОЙНЫ И АРМИЯ МИРА	24
ТОТ САМЫЙ АВГУСТ	27
«СВЕРСТНИКИ ГАЛИЛЕЯ»	33
БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ	38
ВТОРАЯ ПОПЫТКА	40
ВУЛЬГАРНОСТЬ СЕРДЦА И ВИРУС НЕОБОЛЬШЕВИЗМА ...	44
«ВРАГИ» И ОБЛИЧИТЕЛИ	51
ГУД БАЙ, АМЕРИКА МОЕЙ МЕЧТЫ!	52
ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ — ПОЗОР РОССИИ	56
НАЗВАТЬ И НАКАЗАТЬ	61
КАЗУС НА БУКВУ «Х»	64
«НАДО ВЗЯТЬСЯ ЗА РУКИ И ПОПЫТАТЬСЯ ОТСТУПИТЬ ОТ КРАЯ»	69
НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ	81
ПАВШИЕ И ЖИВЫЕ	85
МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ	89
ПРОГНИВШИЕ «СКРЕПЫ»	95

УСТНАЯ РЕЧЬ

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ...	99
ПЛАНЕТА 6-й ЭТАЖ	107
ОЧАРОВАННАЯ СТРАННИЦА	113
ЧТО ДВИЖЕТ ЗВЕЗДЫ И СВЕТИЛА	121
«МЫ СОВЕРШЕННО НЕ ГОТОВЫ К БУДУЩЕМУ»	131
СОЛОВКИ. В ЛАБИРИНТЕ	143
ВОСПИТАТЬ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА	157
МИР СПАСЁТ КРАСОТА	169

МЕЖДОМЕТИЯ

ПРАВОФЛАНГОВЫЕ ГЛАМУРА	184
ИГРЫ ПАТРИОТОВ	187
ВОЗДЕЛЫВАЮЩИМ СВОЙ САД	190
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ	193
БУМЕРАНГ	196
ОЧЕНЬ ОПАСНЫЕ ИГРЫ	200
АВАТАР	204
УЛЫБКА КАБИРИИ	209
ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ	212
СТРАНА УГОЛКОВ	217
УРОКИ АНАТОЛИЯ ПРИСТАВКИНА	220
ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД	223
ЛЮДИ НА ПЛОЩАДИ	227
ПРАЗДНИК БЕЗ ФАНФАР	230
ГЛОТОК СВОБОДЫ	234
ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ГУЛАГА	238
ПРОЩАЙ, «БИ-БИ-СИ»!	242
ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО	245
ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ БОННЭР	249
ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ	253

ОНА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ...	256
ПОХВАЛА ФЕВРОНИИ	259
ВПЕРЕД... В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?	262
НИТЬ АРИАДНЫ	267
ВОСПИТАНИЕ ПО ДОКТОРУ СПОКУ	271
СНАЧАЛА БЫЛО СЛОВО	275
БЛАГОСЛОВИ ИХ, ГОСПОДИ!	279
В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ...	283
ДЕНЬ ВОПРОСОВ	285
СТРАНА ГЛУХИХ	288
ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ	291
ЦЕНА МЕТАФОРЫ	295
НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕСТИ	299
СЛУЧАЙНАЯ ПУЛЯ	303
ЗНАК БЕДЫ	307

Надежда Ажгихина
ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ
УСТНАЯ РЕЧЬ
МЕЖДОМЕТИЯ

Издание второе. Дополненное.

Редактор *Дмитрий Стахов*
Верстка *Ирины Матушкиной* (Матушкина книга)
Дизайн обложки *Елены Матушкиной*
Корректор *Наталья Захаровская*

Подписано к печати 08.11.2021 г.
Формат 60х90/16.
Объем 20 уч.-печ. л.
Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Дом Третьякова»